

ISSN 2410-2415

ВЕСТНИК
ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ
МИД РОССИИ

РОССИЯ И МИР

1 (27)

2021

Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир

ISSN 2410-2415

Периодичность выхода – 4 раза в год.

Научный периодический журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» издается Дипломатической академией Министерства иностранных дел России с сентября 2014 г. Публикуется ежеквартально. Входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 30 января 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 «История международных отношений и внешней политики»;
- 08.00.14 «Мировая экономика»;
- 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»;
- 23.00.04 «Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития».

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рассчитан на профессиональных исследователей, аналитиков, практиков в области международных отношений и мировой экономики, а также на широкий круг читателей, интересующихся российской и зарубежной внешней политикой.

Подписка:

Подписку на журнал «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» можно оформить в почтовых отделениях на территории Российской Федерации. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России. Газеты и журналы» на 1-е полугодие 2021 г. – 94182.

Редакционная коллегия сохраняет в авторской интерпретации все названия и личные имена.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов.

Редакционная коллегия

Жильцов С.С. – главный редактор, д-р полит. наук

Гаврилова С.М. – заместитель главного редактора, канд. ист. наук

Аникин В.И. – д-р экон. наук

Закаурцева Т.А. – д-р ист. наук

Иванов О.П. – д-р полит. наук

Каширина Т.В. – д-р ист. наук

Косов Г.В. – д-р полит. наук

Кулябина Л.Н. – канд. полит. наук

Липкин М.А. – д-р ист. наук

Мастепанов А.М. – д-р экон. наук

Неймарк М.А. – д-р ист. наук

Ногмова А.Ш. – канд. полит. наук

Усманов Р.Х. – д-р полит. наук

Цвык В.А. – д-р филос. наук

Юнглод В.Т. – д-р ист. наук

Адрес редакции:

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1

Дипломатическая академия МИД России

www.dipacademy.ru

Адрес электронной почты:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Издатель: Дипломатическая академия МИД России

119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), регистрационный номер ПИ № ФС77-56911 от 30 января 2014 г.

Авторские права на публикуемые материалы принадлежат редакции журнала и авторам статей. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<i>Конуров А.И.</i> Геополитические последствия пандемии коронавируса	6
<i>Додонов В.Ю.</i> Исчерпание возможностей стимулирования как основной вызов для развития мировой экономики	25

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>Зверева Т.В., Закаурцева Т.А.</i> Военно-политическое сотрудничество Франции и Великобритании: состояние и перспективы	51
<i>Шематинова Е.А.</i> «Северное измерение»: региональное партнерство ЕС в процессе трансформации	69
<i>Мамедов И.М.</i> Балканская политика Турции в конце XX – начале XXI в.	89
<i>Суязова А.Г.</i> Россия и проблема укрепления позитивного взаимодействия между Сербией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной	107
<i>Доброва О.А.</i> Современные российско-болгарские отношения: энергетический аспект.	124
<i>Тимакова О.А.</i> Политика администрации Дж. Байдена в отношении НАТО.	139
<i>Троянский М.Г., Карпович О.Г.</i> Латинская Америка через призму современных глобальных изменений	153
<i>Сидорова Г.М.</i> Африка выбирает Россию: военно-техническое сотрудничество набирает обороты.	168
<i>Жильцов С.С.</i> Постсоветское пространство: итоги развития и интересы России	186

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

<i>Нарышкин А.А.</i> Роль зарубежных представительств в экономической дипломатии Российской Империи	209
--	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Неймарк М.А.</i> Перспективы лидерства в современном мире	224
--	-----

К сведению авторов.	235
--------------------------------------	-----

The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World

ISSN 2410-2415

Periodicity of issue – 4 times per year.

Academic periodic journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia. Russia and the World" is published by the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia since September, 2014 r. It is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on January 30, 2019).

– 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;

– 08.00.14 «World economy»;

– 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;

– 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

The journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI).

The journal is designed for professional researchers, analysts and practical experts in the field of international relations and a wide range of readers interested in external policy of Russia and foreign countries.

Subscription

Subscription to the journal "The Herald of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia" may be registered at the post offices in the territory of the Russian Federation. The subscription index in The Consolidated Catalogue "Press of Russia. Newspapers and Journals" for the 1st half of 2021 – 94182.

The Editorial Board keeps all titles and personal names in the author's interpretation.

The opinion of the editorial Board may not coincide with the opinion of the authors.

Editorial Board

Sergey Zhiltsov – Editor-in-Chief, DSc (Political Science)

Svetlana Gavrilova – Deputy Editor-in-Chief, PhD (History)

Vladimir Anikin, DSc (Economics)

Tatiana Zakaurtseva, DSc (History)

Oleg Ivanov, DSc (Political Science)

Tatiana Kashirina, DSc (History)

Gennadiy Kosov, DSc (Political Science)

Lidija Kuliabina PhD (Political Science)

Mikhail Lipkin, DSc (History)

Alexey Mastepanov, DSc (Economics)

Mark Neimark, DSc (History)

Adelina Nogomova, PhD (Political Science)

Rafik Usmanov, DSc (Political Science)

Vladimir Tsvyk, DSc (Philosophy)

Valery Yungblud, DSc (History)

Address:

53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia

Diplomatic Academy, MFA, Russia
www.dipacademy.ru

E-mail address:

vestnikdipacademy@yandex.ru

Publisher: Diplomatic Academy, MFA, Russia, 53/2, 1, Ostozhenka ul., Moscow, 119021, Russia
www.dipacademy.ru

Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecommunication, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Reg. No. ПИ № ФС77-56911 of January 30, 2014

The copyrights on the published materials belong to the editorial staff of the journal and the authors of the articles. Reprinting of the materials without the consent of the editorial staff is forbidden. References are mandatory when the materials are used.

CONTENTS

WORLD POLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

- Andrey Konurov.* Geopolitical Consequences of COVID-19 Pandemics 6
Vyacheslav Dodonov. Exhaustion of Stimulus Opportunities
As the Main Challenge for the Development of the World Economy 25

REGIONAL PROBLEMS

- Tatiana Zvereva, Tatiana Zakaurtseva.* Military-Political
Cooperation Between France and Great Britain: State and Prospects 51
Ekaterina Shematinova. Northern Dimension:
EU Regional Partnership in the Process of Transformation 69
Ilgar Mamedov. Turkey's Balkan Policy in the Late XX – Early XXI Century 89
Alena Suyazova. Russia and the Problem of Strengthening
Positive Interaction Between Serbia, Croatia and Bosnia and Herzegovina 107
Olga Dobrova. Current Russian-Bulgarian Relation: The Energy Aspect 124
Olga Timakova. J. Biden Administration Policy Towards NATO 139
Mikhail Troyansky, Oleg Karpovich. Latin America
Through the Lens of Modern Global Changes 153
Galina Sidorova. Africa Chooses Russia: Military and Technical
Cooperation Gains Ground 168
Sergey Zhiltsov. Former Soviet Union: Development Outcomes
and Interests of Russia 186

HISTORY AND RELIGION

- Andrey Naryshkin.* The Role of Foreign Missions in the Economic
Diplomacy of the Russian Empire 209

ACADEMIC LIFE

- Mark Neimark.* Leadership Perspectives in Contemporary World 224

- Notice to the authors** 235

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Конуров Андрей Иванович,

кандидат философских наук,
Военный университет Министерства обороны РФ, Москва.

Andrey I. Konurov,

Ph. D. (Philosophy),
Military University of the Russian Defense Ministry, Moscow.

E-mail: bajkonur2000@yahoo.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ КОРОНАВИРУСА

GEOPOLITICAL CONSEQUENCES OF COVID-19 PANDEMICS

Аннотация: статья посвящена исследованию геополитических последствий пандемии коронавируса, которая провоцирует торможение глобальных процессов и дискредитацию глобализации в глазах широкой мировой общественности. Логика осмысления и последовательность изложения материала обусловлены рядом обстоятельств. Прежде всего, следует констатировать, что возникновение пандемии пришлось на период обострения мирового геополитического противоборства, которое в данный момент осуществляется на двух взаимосвязанных уровнях. Речь идет, с одной стороны, о соперничестве США и Китая за статус мирового лидера, а с другой — о конкуренции двух проектов мироустройства, которые условно можно назвать глобалистским и государственноцентричным. Дональд Трамп на посту президента США выражал интересы тех сил, которые понимают обреченность американских позиций в рамках глобалистского проекта и ищут пути выхода из него, сосредоточившись на реализации национальных интересов США в их более узком понимании. Пандемия предоставила ему благоприятную возможность для реализации этих планов, хотя и не позволила переизбраться на второй срок. Однако содержание и направленность изменений в международной политике, вызванных коронавирусом, в силу новизны этого феномена еще не оценены научным сообществом в полной мере.

Автор приходит к выводу о высокой вероятности в ближайшее время других глобальных потрясений, сопоставимых по масштабу с пандемией. На основе изучения информационных источников и происходящих событий формулируется прогноз наиболее вероятного развития ситуации в мировой политике, предлагаются наброски перспективной геополитической картины мира, выдвигаются некоторые предложения по стратегическому позиционированию России в изменившихся условиях. Обосновывается вывод, что турбулентность мировой политической системы в обозримом будущем будет только

нарастать, что потребует дальнейшего теоретического осмысления разворачивающихся процессов.

Ключевые слова: геополитическая структура мира, глобализация, деглобализация, пандемия коронавируса, Китай, США.

Abstract: the article analyzes geopolitical consequences of the COVID-19 pandemics, which leads to slowdown of global processes and worldwide discreditation of globalization. Logic of comprehension and material structure are dictated by certain circumstances. First and foremost, it should be stated, that coming of the pandemics took place at the moment of exacerbated world geopolitical competition which currently unfolds on two interconnected levels. On the one hand, this refers to the US — China world leadership contest, while on the other, it is about two competing projects of the world order, which can be figuratively referred to as globalist and state-centric ones. As the US President, Donald Trump represented political forces, which understood unsustainability of the US positions in the realm of globalist project and sought for exit strategy based on more narrowly defined American national interests. Pandemics provided him with favorable opportunity to implement these plans, though prevented his reelection. However, substance and course of changes in international politics caused by the COVID-19, have not yet been fully grasped by the scientific community due to the novelty of the phenomenon.

The author comes to conclusion, that there is high probability of other global shocks of comparable magnitude in the near future. Study of information sources and global events helps to forecast the most probable development of the situation in the world politics, sketch prospective geopolitical landscape, and put forward some suggestions on strategic positioning of Russia under new circumstances. The researcher substantiates, that the world political system will be getting more turbulent in the foreseeable future and that will require further theoretical comprehension of unfolding processes.

Key words: world geopolitical structure, globalization, deglobalization, COVID-19 pandemics, China, United States.

События, связанные с коронавирусом, пандемия которого в течение нескольких месяцев охватила практически всю планету, находятся в центре внимания мировой общественности. Экономические, психологические, социальные аспекты коронавирусной пандемии являются объектом повышенного интереса со стороны экспертного сообщества. Всё это свидетельствует о сложности и многоаспектности данного феномена, который дает о себе знать буквально во всех сферах общественной жизни.

Не является исключением и сфера мировой политики. Глубокий анализ событий, разворачивающихся на международной арене в связи с пандемией коронавируса, свидетельствует об обострении геополитического противоборства в мире, и коронавирус в этой ситуации используется в качестве информационного оружия. При этом следует отметить, что борьба между разными государствами ведется не просто за лидирующие позиции в международной экономической и политической системе. Очевидно стремление определенных политических сил коренным образом трансформировать характер современного мирового устройства, отменить константы, которые многим казались,

а некоторым и до сих пор кажутся незыблемыми, и внедрить новые принципы, которые будут способствовать повышению конкурентоспособности этих сил.

Характер и содержание мирового геополитического противоборства на современном этапе

Чтобы оценить, как коронавирус влияет на изменение расстановки сил в мире, необходимо понять основное содержание мирового геополитического противоборства на современном этапе и вскрыть базовые противоречия современной эпохи, которые данные силы пытаются разрешить в свою пользу. Такой анализ позволяет выявить связи между разными региональными событиями и поставить их в единый контекст.

В настоящее время можно выделить два уровня глобального геополитического противоборства. Первый уровень представляет собой межгосударственную конкуренцию, а его основным содержанием является борьба между США и Китаем за лидирующие позиции в мировой политической и экономической системе. На втором уровне противостояние осуществляется между двумя моделями мироустройства, а именно между моделью, основанной на государственном суверенитете и признании за государством статуса основного элемента политической системы общества, и моделью глобализма, в рамках которой государство становится лишь одним из многих субъектов мировой политики наряду с глобальными институтами, мировыми городами, транснациональными корпорациями и многими другими. По словам В.К. Белозерова, на этом уровне «происходит объективное повышение роли внешних факторов во внутреннем развитии отдельных государств и связанное с этим уменьшение реальных возможностей государства в реализации своих суверенных прав и обязанностей» [2, с. 16]. Эти два уровня тесно связаны между собой, а пандемия делает эту связь еще более прочной.

У глобализации есть свои идеологи, такие как Ж. Аттали, Э.-М. Слотер, Дж. Сорос и др.¹, которые утверждают, что единый мировой рынок для своего эффективного функционирования требует формирования и соответствующих глобальных по-

¹ См., например: Аттали Ж. Краткая история будущего. — М.: Питер, 2014. — 288 с.; Сорос Дж. О глобализации. — М.: Эксмо, 2004. — 224 с.; Slaughter A. -M. A New World Order. — Princeton: Princeton University Press, 2004. — 341 p.

литико-правовых режимов. В рамках этих режимов происходят утрата государственным суверенитетом абсолютного характера и его размывание в пользу различного рода региональных и глобальных институтов, таких как Европейский союз, ООН, НАТО, ВТО и ряд других.

Американская элита видела в глобализации инструмент упрочения влияния Соединенных Штатов в мире, его распространения на новые регионы, а также создания прочной институциональной основы для однополярности. До определенного момента эти расчеты оправдывали себя. Однако в конечном итоге логика разворачивания глобализационных процессов привела к появлению глобальных экономических и политических субъектов, которые не только отказывались обслуживать американские интересы, но и, наоборот, стали приспосабливать США к своим нуждам, и то, что раньше казалось конкурентным преимуществом, стало обнажать уязвимые места самой Америки.

Глобализация не изменила природу капиталистической системы, которая разделяется на ядро и периферию, однако в условиях глобализации ни ядро, ни периферия уже не ассоциируются с конкретными географическими регионами. В странах традиционного ядра капиталистической системы, то есть на Западе, стали расширяться очаги периферийного жизненного уклада, а в странах периферии, то есть в третьем мире и присоединившемся к нему бывшем социалистическом лагере, наоборот, возникли очаги суперсовременной постиндустриальной жизни. Это способствовало изменению баланса сил между государствами и во многом предопределило ту трансформацию китайско-американских отношений, которую мы наблюдаем сегодня.

Дело в том, что Китай стал одним из главных выгодоприобретателей глобализации, так как многие западные, в том числе американские, корпорации стали переносить свои производства в КНР, и это обстоятельство стало главным фактором, способствовавшим столь впечатляющему экономическому росту этой страны на протяжении четырех десятилетий. Одновременно с укреплением экономической, технологической и военной мощи происходило и возрастание геополитических амбиций Китая, как в региональном, так и в глобальном масштабе. Как считают американские исследователи Х. Брандс и Дж. Салливан, «если Ки-

тай собирается двигаться к статусу сверхдержавы, на пути к этой цели есть два пути. Первый — это тот, на который до недавнего времени обращали наибольшее внимание американские стратеги (в той степени, в которой они признавали за Китаем глобальные амбиции). Этот путь лежит через домашний регион (home region) Китая, а именно западную часть Тихого океана. Он делает упор на достижении региональной гегемонии как трамплина к мировому господству, и это похоже на путь, который когда-то прошли сами Соединенные Штаты. Второй путь принципиально иной, поскольку он бросает вызов историческим законам стратегии и геополитики. Этот подход направлен не столько на создание несокрушимой силы в западной части Тихого океана, сколько на обход американской системы альянсов и военного присутствия в регионе путем расширения экономического, дипломатического и политического влияния Китая в глобальном масштабе» [7].

На региональном уровне политика КНР стала более жесткой, в ней возросла ставка на силовые методы. Основными целями этой политики являются консолидация контроля над собственной территорией, восстановление территориальной целостности государства и разрешение территориальных споров с соседями на основе удовлетворения китайских требований. Учитывая тот факт, что все региональные оппоненты Китая в этих вопросах в лице гонконгских автономистов, тибетских и уйгурских сепаратистов, Тайваня, Японии, Вьетнама, Филиппин, Индии и некоторых других являются союзниками или партнерами США, то достижение Китаем своих целей будет фактически свидетельствовать о бессилии Америки и означать ее вытеснение из западной части Тихого океана.

Одновременно с укреплением своих позиций на ближайшей периферии КНР стремится также стать полноценной глобальной державой и перехватить у Соединенных Штатов мировое лидерство. В качестве главного инструмента реализации своих геополитических амбиций в мире Китай рассматривает экономическое сотрудничество, которое он не сопровождает требованиями по коррекции внутренней политики государств-партнеров. Такая модель сотрудничества является достаточно привлекательной для многих стран Африки, Латинской Америки и Центральной Азии, которые опасаются вмешательства в свои внутренние дела,

чем так часто занимаются США. Китайская геоэкономическая инициатива «Один пояс — один путь» стала серьезной заявкой на создание альтернативной модели мирового экономического устройства. Как пишет шеф вашингтонского бюро аналитического центра «Executive Intelligence Review» и приглашенный научный сотрудник Чунъянского института финансовых исследований У. Джонс, «хотя США и обещают другим государствам те выгоды, которые они получают от сотрудничества с Китаем, существует мало уверенности в том, что современная Америка имеет возможность или желание играть ту благотворную роль, которую в последние несколько лет играет Китай в глобальном масштабе» [13]. Наиболее отчетливо заявка Китая на роль лидера глобального мира прозвучала в речи Председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 2017 году, которая была произнесена за несколько дней до инаугурации Трампа и создала для нее яркий фон [14]. А научный сотрудник Конгресса США М. Шрадер прямо заявляет о том, что глобализация становится для Китая оружием [15].

Перед Америкой и американской элитой возник фундаментальный вызов, аналогичный тому, что возник перед британской элитой 100 лет назад, когда она впервые столкнулась с упадком могущества своей империи. Этот вызов существенно расколол Америку, и свидетельства этого глубокого раскола мы можем каждый день видеть в телевизионных новостях. Судьба мирового устройства в значительной степени зависит от того, как будет дальше разворачиваться внутривнутриполитическая борьба в США, и поэтому в этой борьбе интенсивно участвуют также внешние игроки, лоббируя свои интересы.

По мнению Трампа и его сторонников, концепция американского лидерства, сформулированная глобалистами, является глубоко порочной, потому что издержки на выполнение обязательств по поддержанию стабильности либеральной системы мироустройства превышают те выгоды, которые Америка извлекает из статуса лидера. Трамп неоднократно указывал на то, что союзники по НАТО, в первую очередь Германия, мало тратят на оборону, и Соединенным Штатам приходится за свой счет обеспечивать европейскую безопасность. В то же время, по мнению Трампа, США не имеют никаких преференций в тор-

говле с Германией и другими странами ЕС, и в результате имеет место нечестная игра и эксплуатация Америки союзниками. Столь же несправедливыми по отношению к США он считал условия Транстихоокеанского партнерства и Парижского соглашения о борьбе с изменениями климата 2015 года, из которых он вывел свою страну.

При этом следует отметить, что Трамп является еще не самым главным сторонником сокращения глобального военного присутствия США и американских военных обязательств перед союзниками. Так, либертарианский Институт Катона регулярно критиковал Трампа за внешнеполитический курс, который Институтом считался ястребиным. Авторы одного из его аналитических докладов утверждали, что трамповское видение «Америка прежде всего» делало избыточный упор на вооружение и военную технику вместо «мягкой силы», и призывали администрацию Трампа к еще большей стратегической сдержанности [9, с. 6].

Главной темой в повестке дня президентства Трампа была его борьба за изменение условий торговых отношений США и КНР. Он стремился создать такое положение дел, чтобы американским корпорациям было больше невыгодно размещать производственные мощности в Китае и они стали возвращать рабочие места в Америку. Для этого доступ китайских товаров на американский рынок должен был быть максимально затруднен высокими тарифами и квотами, что Трамп и начал реализовывать. Так как перенос производств в Китай осуществлялся для того, чтобы с большей выгодой торговать именно на американском рынке, который является самым емким национальным рынком мира, то исчезновение этой выгоды лишало смысла и сам этот перенос.

В 2018 году Трамп начал против Китая торговую войну, в ходе которой стороны последовательно вводили друг против друга протекционистские тарифы. В январе 2020 года между странами было подписано торгово-экономическое соглашение, но оно касается наиболее незначительных аспектов американских претензий к Китаю, а по основным вопросам переговоры продолжаются. Можно констатировать, что, с одной стороны, к моменту смены администрации в Вашингтоне Соединенным Штатам не удалось добиться от Китая сколько-нибудь существенных уступок, но, с другой стороны, и Китаю не удалось заставить США

отказаться от своих целей. Стороны пока остаются на своих переговорных позициях, но при этом объем торговли между ними существенно уменьшился, как и темпы экономического роста. Учитывая тот факт, что торгово-инвестиционные связи США и Китая фактически являются одной из основных опор глобализации, можно сказать, что предпринятые Трампом меры запустили процесс ее сворачивания. Поэтому, когда председателя Президиума Совета по внешней и оборонной политике России Ф. А. Лукьянова спросили, положит ли пандемия начало процессу деглобализации, он ответил: «Нет, потому что начало было положено задолго до. Пандемия только ускорила всё это. Уже происходит отход от той модели, к которой мы привыкли за 1990-е и 2000-е годы. И эти процессы идут не от Китая, Ирана или России, а от самого Запада. Трамп и Брекзит — там всё началось» [5]. Аналогичным образом рассуждает бывший посол Франции в США Ж. Арро. По его словам, «атака на глобализацию осуществляется с разных сторон — финансового кризиса, китайско-американского соперничества, призывов экологических активистов покупать местное. COVID-19 является лишь очередным лыком в этой строке» [17].

COVID-19 как трансформационное событие

Сама по себе торговая война не могла привести к ликвидации современной либеральной системы мирового экономического и политического устройства, потому что и у США, и у Китая остается достаточно возможностей для перестройки своих логистических цепочек на новых партнеров, не затронутых тарифами. Достижение целей Трампа требует сочетанного воздействия нескольких мощных факторов, которые выставили бы на всеобщее обозрение все недостатки данной модели и сделали бы ее сохранение политически невозможным. Пандемия коронавируса стала одним из таких факторов.

Официальная версия возникновения пандемии многими экспертами подвергается сомнению относительно места и времени ее возникновения, а также относительно происхождения самого вируса, однако на настоящий момент ни Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), ни правительства большинства государств не готовы ее по-настоящему оспаривать. Глубокое изучение этого вопроса находится за рамками темы данной ста-

ты. В данном случае гораздо более важным является тот факт, что вспышка COVID-19, во-первых, существенно притормозила ключевые глобальные процессы, а во-вторых, достаточно сильно дискредитировала глобализацию в глазах мирового общественного мнения и существенно облегчила национально ориентированным консервативным силам по всему миру атаки на ценности, нормы и институты глобализма. Как полагает президент политконсалтинговой компании «Eurasia Group» Я. Бремер, «вспышка коронавируса может запомниться как поворотный момент на пути к концу первой фазы глобализации» [8].

Торможение международной экономической интеграции стало главной мерой, предпринятой большинством национальных правительств в ответ на распространение коронавируса. Прежде всего, речь идет о закрытии государственных границ и прекращении экспорта медицинских и сопутствующих товаров, спрос на которые в условиях пандемии резко вырос, таких как аппараты искусственной вентиляции легких, маски, защитные комплекты для врачей, жидкости для санитарной обработки и других. Многие страны, в том числе и Россия, полностью приостановили регулярное международное авиационное сообщение. Произошла отмена множества международных мероприятий, начиная от экономических форумов и заканчивая спортивными соревнованиями. Естественно, что всё это прежде всего нанесло удар по тем отраслям, которые в наибольшей степени олицетворяют собой глобализацию, в частности по международному туризму и связанным с ним индустриям.

Одновременно с фактической приостановкой глобальных процессов миру были продемонстрированы все уязвимые стороны глобализации, что обуславливает пересмотр отношения к этому процессу в широких общественных кругах. Во-первых, это было вызвано тем обстоятельством, что столь стремительное распространение вируса по планете стало возможным только благодаря открытости межгосударственных границ и широкому распространению международных авиасообщений. Глобализацию олицетворяют собой наиболее активно путешествующие граждане, которых вполне уместно квалифицировать как своего рода носителей ее культурного кода. И когда они стали главными переносчиками коронавируса в мире, это не способствовало фор-

мированию к ним теплого отношения среди тех соотечественников, кто лишен столь заманчивых возможностей. Тот факт, что заграничные поездки продолжали интенсивно совершаться и после начала пандемии до самого момента закрытия границ, способствовал дополнительному нагнетанию негатива, не говоря уже о том, что для вывоза своих граждан, не успевших вернуться из-за рубежа в указанные сроки, странам пришлось организовывать специальные рейсы. В глазах многих граждан, даже тех, которые не знают самого слова «глобализация», она стала одним из главных виновников гибели людей от COVID-19.

Во-вторых, пандемия коронавируса продемонстрировала всему миру неэффективность институтов глобального управления, таких как ВОЗ, Европейский союз и ряд других. Всемирная организация здравоохранения не продемонстрировала методологического лидерства в деле борьбы с коронавирусной инфекцией, что не в последнюю очередь вызвано отсутствием у нее должного авторитета в мире после ряда скандалов во время предыдущих эпидемий. Европейский союз не смог организовать эффективного использования необходимых ресурсов для борьбы с коронавирусом и помощь наиболее пострадавшим странам, особенно на раннем этапе, когда наиболее острая ситуация сложилась в Италии и Испании.

В свою очередь, неэффективность глобальных институтов прежде всего обусловлена слабостью социальной базы глобализации и отсутствием у подавляющей части населения современных государств глобального сознания. В мире так и не сформировалось мировое сообщество, которое вобрало бы в себя все национально-государственные идентичности и воздвигло на них свою надстройку. Поэтому в условиях возникновения столь острой ситуации и вопроса о том, кого спасать, выяснилось, что за редким исключением ни граждане, ни правительства не демонстрируют той степени сопричастности к иностранцам, даже проживающим на их территории, какую они испытывают к своим соотечественникам. Именно страх остаться в чужом государстве без медицинской помощи в случае заболевания вызвал массовое возвращение людей с началом эпидемии в свои страны и породил запрос на вывоз соотечественников из-за рубежа, который правительства не могли игнорировать.

В-третьих, глобализация логистических цепочек продемонстрировала обществу уязвимость государства перед лицом таких угроз, как крупномасштабная пандемия. Специализация и концентрация производства, мировое разделение труда способствуют размещению производственных мощностей в тех местах, где это является экономически наиболее рентабельным с точки зрения доступа к источникам сырья, рабочей силе и рынкам сбыта. При этом в нормальных условиях при наличии платежеспособного спроса любой товар может быть в любом количестве доставлен в любую точку мира.

Однако в условиях пандемии те государства, которые наиболее плотно интегрировались в глобальную экономику и утратили контроль над производством важнейших медицинских товаров, в наибольшей степени пострадали от их недостатка в самые критические моменты. Внезапно оказалось, что национальные интересы государств, на территории которых находятся соответствующие производства, заключаются в максимальном обеспечении собственных врачей и пациентов всем необходимым и имеют приоритет над интересами владеющих этими производствами корпораций, которые воплощаются в свободной торговле своими товарами и получении максимальной прибыли. При наступлении кризисной ситуации глобальный рыночный механизм перестал эффективно функционировать, и государства, не обладающим нужными производствами, столкнулись с невозможностью приобрести необходимые товары ни за какие деньги. Как указывают профессора Джорджтаунского университета Х. Фаррелл и А. Ньюман, «когда важнейшие логистические цепочки начинают рушиться, а страны запасают медицинские принадлежности и ограничивают перемещения, кризис приводит к масштабной переоценке взаимосвязанной глобальной экономики. Глобализация не только поспособствовала быстрому распространению заразной болезни, она также обусловила глубокую взаимозависимость фирм и государств, которая делает их более уязвимыми к неожиданным шокам» [11].

В свете выявления всех указанных слабых мест безальтернативность глобализации как проекта мирового устройства была поставлена под вопрос в глазах государств и народов, и у них проявилось стремление взять свою судьбу в свои собственные

руки. Фактически подтвердилась безальтернативность политической организации общества в виде государства. В экономической сфере речь идет о переходе к самообеспечению всеми важнейшими видами товаров и услуг, необходимых для выживания населения в критических ситуациях, возвращении на Родину или создании с нуля стратегических производств, усилении государственного контроля за корпорациями в их стремлении к максимизации прибыли любой ценой. В политической сфере государство возвращает себе все основные полномочия по принятию важнейших решений, которые ранее были по умолчанию отданы международным или неправительственным организациям. Происходит рост националистических настроений и усиление националистического крена в политике, когда во главу угла ставятся интересы государствообразующей нации, хотя и не обязательно моноэтнической. Глобализация очевидным образом начинает сдавать свои позиции. Как утверждает председатель софийского Центра либеральных стратегий и ведущий научный сотрудник венского Института наук о человеке И. Крастев, «вместо того, чтобы ответить на вопрос, является ли либеральная демократия или китайский авторитаризм тем типом режима, который наиболее подходит для требований XXI века, COVID-19 достиг чего-то иного: он положил конец перспективам китайско-американского сотрудничества в управлении проблемами глобализации. Напротив, тенденция к глобальной фрагментации и регионализации стала еще более явной» [4]. По мнению Д. В. Тренина, «кризис усиливает основные тенденции в международных отношениях», значимыми из которых, по его мнению, являются «постепенный отход США от ставшего слишком обременительным глобального лидерства и их сосредоточение на укреплении собственной национальной базы» [6]. Сдвиг в сторону деглобализации признает даже такой ее противник, как президент Совета по международным отношениям США Р. Хаас [12].

Мы, безусловно, не утверждаем, что пандемия коронавируса является геополитическим проектом Трампа, направленным на то, чтобы положить конец глобализации. С точки зрения интересов политических сил, интересы которых выражал Трамп, коронавирус является палкой о двух концах. С одной стороны, он на самом деле атакует глобализацию в ее самых болевых точ-

ках, тем самым приближая избавление Америки от глобальных функций. Однако, с другой стороны, пандемия серьезно ударила и по самим США, которые занимают первое место в мире по количеству заболевших и умерших, и это, по сути дела, стало главным фактором, не позволившим Трампу избраться на второй срок. Поэтому если предположить, что коронавирусная пандемия на самом деле является проектом, то это с равной вероятностью мог бы быть и проект тех, кто Трампу противостоял.

Перспективы дальнейшей геополитической динамики

Настоящий момент можно в некотором смысле охарактеризовать как точку бифуркации, когда события с почти равной степенью вероятности могут пойти по прямо противоположным сценариям. С одной стороны, усилиями Трампа в течение последних четырех лет, а также вследствие пандемии коронавируса глобализация оказалась одновременно и приостановленной, и серьезно дискредитированной. С другой стороны, сторонники глобализма в американской и мировой элите смогли вернуть себе президентское кресло в США. Теперь вопрос заключается в том, насколько администрация Байдена будет свободна в выработке внешней политики Соединенных Штатов и насколько вообще сложившаяся ситуация поддается корректировке.

Когда эксперт Американского института предпринимательства Н. Эберстадт задается вопросом о том, «приведет ли пандемия COVID-19 к brutальному концу вторую эпоху глобализации, начавшуюся в 1945 г., подобно тому, как Первая мировая война ознаменовала катастрофическую гибель первой глобализации 1870—1914 гг.», он отвечает на него следующим образом: «по крайней мере, на настоящий момент представляется, что многие вещи, которые еще не приняли дурной оборот, должны будут его принять и снести основы торговых, финансовых, коммуникационных, технологических, культурных и многих других сетей, которые прочно связали воедино мировое сообщество. Не меньше чем продолжающаяся, каскадная и ослабевающая серия политических ошибок всемирного масштаба — не исключая и военные авантюры — потребуются для того, чтобы сжечь это здание дотла» [10, с. 4]. Поэтому главная интрига заключается в том, будет ли нанесен новый удар по ли-

беральной системе мирового политического и экономического устройства после торговой войны США и КНР и пандемии коронавируса. По состоянию на сегодняшний день эта система выглядит потрясенной, но, тем не менее, сохраняющей потенциал для восстановления. В широких кругах мирового населения велико желание вернуться к нормальной жизни, и идеологи глобализации в состоянии убедить эти круги, что нормальная жизнь и глобализация неразделимы.

Однако если новое столь же или даже более масштабное потрясение не заставит себя ждать, глобальный мир может его не выдержать. Поскольку преимущества глобализации распределяются крайне неравномерно и большая часть населения Земли в основном испытывает на себе ее отрицательные стороны, то существующая глобальная система в принципе плохо справляется с масштабными общемировыми бедствиями. Это повышает вероятность того, что новый вызов такого плана может стать для этой системы в ее нынешнем виде последним.

Пока наиболее вероятным кандидатом на роль такого «черного лебедя» являются новые волны пандемии всё того же коронавируса, которых может быть несколько и вторая из которых уже является более масштабной, чем первая. Учитывая тот факт, что наступление второй волны произошло на фоне ослабления карантинных мер, снятия некоторых ограничений на заграничные поездки и международное авиасообщение, увеличения интенсивности международных мероприятий, негативный образ глобализации в общественном сознании может закрепиться еще более прочно. Запрос на окончательное сворачивание глобализации станет еще более мощным и массовым, и элитам будет всё сложнее его игнорировать, даже если им этого и хотелось бы. Произойдет активизация консервативных национально ориентированных политических сил, которые оседлают этот запрос и будут бросать вызов устоявшемуся либеральному порядку.

Перечень возможных катастрофических событий не ограничивается коронавирусом. Учитывая, что глобальная система либерального капитализма ставит во главу угла максимизацию прибыли, в том числе и путем сокращения любых издержек, которые в нормальных условиях кажутся избыточными, современное мироустройство представляет собой достаточно хрупкий

феномен и обладает слабой устойчивостью в условиях, которые перестают быть нормальными. Масштабное перераспределение ресурсов на борьбу с COVID-19 оголило другие важнейшие направления здравоохранения, а введенные ограничительные меры влекут за собой тяжелые экономические последствия. Поэтому пандемия коронавируса может открыть ящик Пандоры, и мировые катастрофы последуют одна за другой. Это могут быть эпидемии других инфекционных заболеваний, массовый голод, новые и еще более масштабные потоки миграции, а также всё это в совокупности и многое другое. Нельзя исключать и крупномасштабных силовых эксцессов. Такая ситуация может быстро начать выходить из-под контроля глобальных сил. Как написали еще до начала пандемии российские исследователи А. А. Казанцев и В. М. Сергеев, «в принципе весьма вероятно, что наблюдаемые нами сейчас кризис глобализации и упадок американской гегемонии являются неким переходным периодом, связанным со сменой модели мировой гегемонии или сменой гегемона. В этом случае в переходный период (продлится он 3, 5, 10 или даже 20 лет) конфликты будут только нарастать» [3, с. 60].

По завершении этого сложного периода перед нашими глазами может предстать совершенно иной мир, который по своим очертаниям будет напоминать одновременно Ялтинско-Потсдамскую систему международных отношений и «концерт мировых держав» XIX века. С Ялтинско-Потсдамской системой его будет роднить биполярность с двумя полюсами в лице США и КНР, а с «Европейским концертом» — наличие целого ряда влиятельных акторов, которые обладают суверенитетом относительно собственных дел и привилегированной сферой интересов, хотя и не дотягивают по своему влиянию до двух основных держав мира. Общемировое международное право не исчезнет совсем, однако его объем существенно уменьшится, а ведущие государства будут сами организовывать имплементацию соответствующих норм в своих сферах влияния. По сути, именно в этом состоит сущность инициативы Президента РФ В. В. Путина, изложенной им в статье для журнала «National Interest» [16].

Напряженность в американо-китайских отношениях будет возрастать по мере того, как они будут избавляться от эконо-

мической взаимозависимости. При этом западная часть Тихого океана станет для новой геополитической структуры мира примерно тем же самым, чем была Европа во время предыдущей биполярности. Речь идет о том, что именно в этом регионе американские и китайские войска будут наиболее тесно соприкасаться друг с другом и находиться в постоянной готовности к войне, как это было с советскими и американскими войсками в Европе. Западная Европа будет постепенно утрачивать свое геополитическое значение для США, хотя вполне вероятными представляются подвижки на пути создания Балтийско-Черноморского союза в той или иной форме для противодействия укоренившейся в сознании местных элит российской угрозе.

Несмотря на то что рассматриваемая гипотетическая трансформация системы мирового экономического и политического устройства возвышает КНР до статуса мирового полюса, Китай тем не менее станет главной проигравшей стороной от такого перехода. Со своим населением в 1,4 млрд человек Китай слишком велик для того, чтобы ему хватило только половины земного шара для достижения его целей развития. Китай видит свою задачу не в том, чтобы оторвать кусок от возглавляемой американцами глобальной системы, а в том, чтобы вытеснить США с главенствующих позиций в этой системе, но при этом саму систему оставить в неприкосновенности. Поэтому КНР будет сопротивляться сворачиванию глобализации, выходу стран из глобальных правовых режимов и их отказу от институтов глобального управления и поддерживать те политические силы, в том числе и в США, которые выступают за продолжение и наращивание глобализации. В крайнем случае Китай попытается сохранить глобализацию за вычетом США, однако такая система уже не будет глобальной в полном смысле этого слова. Кроме того, неэффективный глобальный ответ на пандемию коронавируса многократно увеличил число глобальных скептиков и за пределами Соединенных Штатов.

Если же переход к новой системе международных отношений и раздел мира на сферы влияния великих держав окажется неизбежным, то нельзя исключать вероятность того, что Китай будет пытаться распространить свою сферу на большее количество стран и регионов, чем то, с которым могут согласиться

другие участники этой геополитической сделки. Поэтому согласование параметров будущего устройства мира не обещает быть простым делом, а между великими державами более чем вероятны трения. Эти трения могут возникать не только по поводу разграничения сфер влияния, но и по поводу того, где находятся пределы прерогатив регионального гегемона по осуществлению вмешательства для поддержания стабильности в своей зоне интересов.

Пандемия как окно возможностей для России

Отдельный вопрос, которым следует задаться, заключается в том, какова должна быть позиция России в свете всех текущих и перспективных геополитических изменений, вызванных коронавирусной пандемией. Как нашей стране относиться к глобализации и ее возможному сворачиванию?

По нашему мнению, издержки от участия в глобализации превышают ее выгоды, причем превышают ее в гораздо большей степени, чем это имеет место в отношении США. Глобализация направлена на лишение государственного суверенитета реального содержания, а это в корне противоречит российским политическим и духовным ценностям. Безусловно, в России, прежде всего в Москве, имеется свой космополитический элитный сегмент выгодоприобретателей глобализации, который выступает за безоговорочное вписывание России в глобальный контекст. Однако следование такому политическому курсу приведет к лишению России не только реального суверенитета, но и территориальной целостности, потому что единственный вариант вписывания такой большой страны в систему глобального управления — это вписывание по частям. Эта угроза не является для России новой. По словам В.К. Белозерова, «как показывает многовековой опыт развития страны, угроза ее существованию в качестве целостного, централизованного и самостоятельного государственного образования имела место практически на протяжении всей ее истории» [1, с. 112].

Поэтому сворачивание глобализации соответствует интересам России и укреплению ее суверенитета, и следует отметить, что в данном случае российские интересы расходятся с китайскими. Однако ситуация складывается так, что России нет ника-

кой необходимости портить из-за этого свои отношения с Китаем или иным образом вмешиваться в американо-китайское противостояние. Наметившаяся деглобализация происходит без каких-либо российских усилий, в которых нашу страну можно было бы обвинить.

Литература

1. Белозеров В. К. Государство и его альтернативы // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. — Т. 6. — 2013. — № 4. — С. 109—113.
2. Белозеров В. К. Особенности геополитической картины современного мира // Россия и мусульманский мир. — 2013. — № 1. — С. 11—16.
3. Казанцев А. А., Сергеев В. М. Кризис «американоцентричной глобализации»: причины, тенденции, сценарии развития // Вестник МГИМО. — Т. 13. — 2020. — № 2. — С. 30—69.
4. Крастев И. Завтра уже наступило? Первые уроки коронавирусного кризиса // Россия в глобальной политике. — 2020. — № 3, май–июнь. — URL: <https://globalaffairs.ru/articles/zavtra-nastupilo/>(дата обращения: 01.07.2020).
5. Лукьянов Ф. А. Мир после пандемии: всё меняется, но ничего нового/Российский совет по международным делам. — 28 июня 2020 г. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/mir-posle-pandemii-vsye-menyetsya-no-nichego-novogo/>(дата обращения: 01.07.2020).
6. Тренин Д. В. Как России удержать равновесие в посткризисном биполярном мире / Московский Центр Карнеги. — 15 апр. 2020 г. — URL: <https://carnegie.ru/commentary/81541> (дата обращения: 01.07.2020).
7. Brands H., Sullivan J. China Has Two Paths to Global Domination // Foreign Policy. — May 22, 2020. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/05/22/china-superpower-two-paths-global-domination-cold-war/>(accessed: 01.07.2020).
8. Bremmer I. Why COVID-19 May Be a Major Blow to Globalization // Time. — March 5, 2020. — URL: <https://time.com/5796707/coronavirus-global-economy/>(accessed: 01.07.2020).
9. Building a Modern Military: The Force Meets Geopolitical Realities. Analytical Report by Cato Institute. 2020. — 44 p. — URL: <https://www.cato.org/sites/cato.org/files/2020-05/white-paper-building-a-modern-military.pdf> (accessed: 01.07.2020).
10. Eberstadt N. The “New Normal”: Thoughts about the Shape of Things to Come in the Post-Pandemic World // The National Bureau of Asian Research. — April 18, 2020. — URL: <https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/new-normal-eberstadt-041820.pdf> (accessed: 01.07.2020).
11. Farrel H., Newman A. Will the Coronavirus End Globalization as We Know It? // Foreign Affairs. — March 16, 2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-16/will-coronavirus-end-globalization-we-know-it> (accessed: 01.07.2020).
12. Haass R. Deglobalization and Its Discontents // Council on Foreign Relations. — May 12, 2020. — URL: <https://www.cfr.org/article/deglobalization-and-its-discontents> (accessed: 01.07.2020).
13. Jones W. Which Way the International Winds Blow After COVID-19 Pandemic? // Global Times. — May 29, 2020. — URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1189927.shtml> (accessed: 01.07.2020).
14. President Xi’s Speech to Davos in Full, January 17, 2020/World Economic Forum. — URL: <https://www.weforum.org/agenda/2017/01/full-text-of-xi-jinping-keynote-at-the-world-economic-forum/>(accessed: 01.07.2020).
15. Schrader M. China Is Weaponizing Globalization // Foreign Policy. — June 5, 2020. — URL: <https://foreignpolicy.com/2020/06/05/china-globalization-weaponizing-trade-communist-party/>(accessed: 01.07.2020).

16. *Putin V.* The Real Lessons of the 75th Anniversary of World War II // National Interest. — June 18, 2020. — URL: <https://nationalinterest.org/feature/vladimir-putin-real-lessons-75th-anniversary-world-war-ii-162982?page=0%2C5> (accessed: 01.07.2020).
17. *Wright T.* Stretching the International Order to Its Breaking Point/Brookings Institution. — April 6, 2020. — URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2020/04/06/stretching-the-international-order-to-its-breaking-point/> (accessed: 01.07.2020).

Додонов Вячеслав Юрьевич,

доктор экономических наук,
Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан.

Vyacheslav Yu. Dodonov,

Doctor of Economics,
Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President
of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan.

E-mail: dodonovv@mail.ru

ИСЧЕРПАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СТИМУЛИРОВАНИЯ КАК ОСНОВНОЙ ВЫЗОВ ДЛЯ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

EXHAUSTION OF STIMULUS OPPORTUNITIES AS THE MAIN CHALLENGE FOR THE DEVELOPMENT OF THE WORLD ECONOMY

Аннотация: мировая экономика в период после глобального финансового кризиса сталкивается с растущими вызовами для устойчивого развития, основными средствами преодоления которых к настоящему времени стали массивные монетарные и фискальные стимулы. В 2020 году на фоне преодоления последствий пандемии COVID-19 эти стимулы достигли беспрецедентных масштабов и стали фактически единственным драйвером роста, особенно в развитых экономиках. Дальнейшее стимулирование в столь колоссальных объемах невозможно. В связи с этим мировая экономика в ближайшее время столкнется с серьезнейшим вызовом стабильности своего развития после исчерпания возможностей политики роста за счет непропорциональных монетарных и фискальных стимулов.

Ключевые слова: мировая экономика, монетарные стимулы, фискальные стимулы, количественное смягчение, COVID-19.

Abstract: the world economy after the global financial crisis is facing growing challenges to sustainable development, the main means of overcoming which have now become massive monetary and fiscal incentives. In 2020, against the backdrop of overcoming the consequences of the COVID-19 pandemic, these incentives reached unprecedented proportions and became the only driver of growth, especially in advanced economies. Further stimulation in equally colossal volumes is impossible, and therefore the world economy will soon face a serious challenge to the stability of its development after the exhaustion of growth policy opportunities due to disproportionate monetary and fiscal incentives.

Key words: world economy, monetary incentives, fiscal incentives, quantitative easing, COVID-19.

В XXI веке мировая экономика столкнулась с растущим количеством и интенсивностью кризисов. В 2007—2009 годах про-

изошел глобальный финансовый кризис, который стал на тот момент крупнейшим со времен Великой депрессии; в 2010—2011 годах в ряде стран Европейского союза резко обострились проблемы с государственными финансами, которые многие специалисты аттестовали как европейский долговой кризис; наконец, в 2020 году начался очередной кризис глобального масштаба, вызванный пандемией COVID-19 и охвативший практически все сферы большинства экономик мира. Интенсивность этого кризиса заметно превзошла события 2008—2009 годов, а по отдельным проявлениям в ведущих мировых экономиках — даже ситуацию, сложившуюся в годы Великой депрессии и Второй мировой войны.

Возросшая мощь кризисов и их частота, не имеющие аналогов в истории современной финансово-экономической системы, быстро обнаружили недостаточность арсенала действующей системы регулирования как финансовых рынков (на которых кризисные явления проявлялись максимально остро), так и экономики в целом. В частности, классические инструменты монетарной политики, такие как снижение ставок центральных банков и смягчение резервных требований, обнаружили свою несостоятельность еще в ходе кризиса 2008—2009 годов. Федеральная резервная система (ФРС) США понизила ставки до фактически нулевого уровня в декабре 2008 года, но это не остановило кризисные явления как в реальном секторе экономики (промышленное производство продолжало сокращаться на протяжении еще нескольких месяцев), так и на финансовых рынках, где не прекращалось снижение фондовых индексов и котировок товарных контрактов, а также рост цен активов-убежищ (государственных облигаций, золота и проч.), в которые инвесторы уводили деньги с остальных секторов рынка.

В этих условиях была начата реализации нетрадиционных мер монетарной политики, главной из которых стало так называемое количественное смягчение и его модификации. Эта мера заключалась в выкупе центральными банками у участников финансовых рынков различных активов (главным образом, государственных облигаций) для того, чтобы высвободить связанные этими активами средства. Предполагалось, что предоставление финансовым организациям «живых» денег, вы-

свобожденных из данных облигаций, станет стимулом для их направления в экономику и эти инъекции финансовой ликвидности повысят совокупный спрос на товары и услуги, оживят инвестиционную активность, а также увеличат кредитование бизнеса и потребителей за счет снижения рыночных ставок. Фактически же большая часть предоставленной ликвидности вместо того, чтобы попасть в экономику через кредитование, была канализирована в активы организованных финансовых рынков, подстегнув их рост и вызвав явление, которому дали название «инфляция активов». Эффективность этой политики, как и адекватность нетрадиционной практики количественного смягчения сложившейся ситуации, вызывает много вопросов среди специалистов. Многие исследователи отмечают влияние данных программ на ускорение инфляции и снижение процентных ставок [6; 18; 32], что дает основание оценивать ее как эффективную в части достижения поставленных целей. В то же время другие экономисты указывают на то, что данная политика ведет к ряду негативных последствий, включая выравнивание кривой доходности, снижение прибыльности банковского сектора и деятельности институциональных инвесторов [17; 22], а также формирует макроэкономические диспропорции и искажает структуру экономики, искусственно увеличивая роль в ней финансового сектора [1; 13; 25]. Некоторые же авторы нетрадиционную монетарную политику оценивают негативно и считают, что выкуп центральными банками активов на рынке формирует пузыри на его фондовом, долговом и иных сегментах и тем самым создает предпосылки новых кризисов [2; 8; 10].

Первая программа количественного смягчения была развернута ФРС США осенью 2008 года в ответ на острую фазу кризиса, начавшуюся после банкротства банка «Lehman Brothers», которое вызвало обвал на финансовых рынках. Затем эти программы продолжались вплоть до 2014 года; в период их реализации аналогичные программы появились в арсенале других ведущих центральных банков мира. ФРС свернула свои программы количественного смягчения в 2014 году, после того как ее баланс за время их действия увеличился почти в 5 раз — с 0,9 трлн долл. в 2008 году до 4,5 трлн долл. в 2014 году. Другие центральные банки продолжали наращивать свои балансы и после этого —

Европейский центральный банк (ЕЦБ) ненадолго приостановил свои вливания ликвидности только в 2017 году, а Банк Японии не прекращал их вообще. Кризис 2020 года вернул этот инструмент в арсенал ФРС, а другие центральные банки резко активизировали его использование (рис. 1).

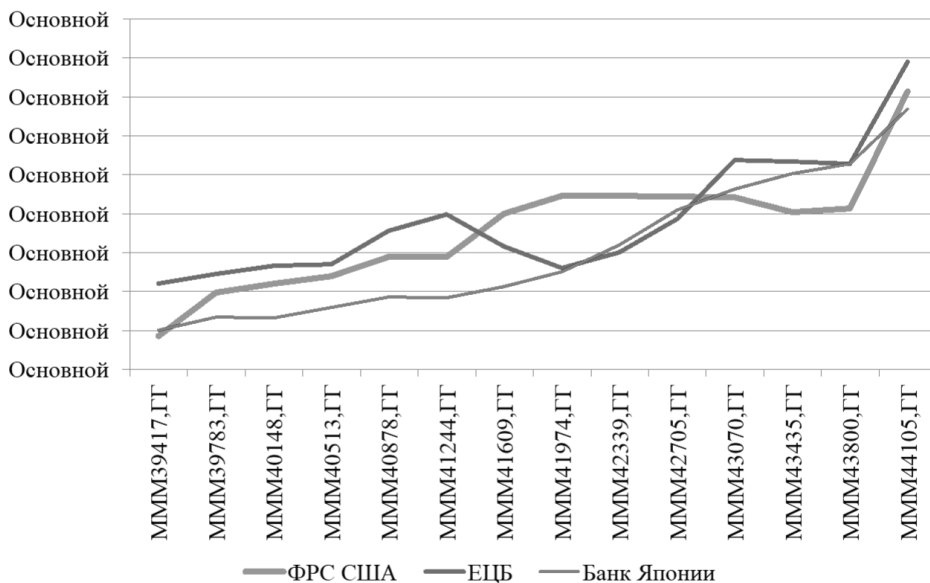

Рис. 1. Динамика объемов балансов ФРС, ЕЦБ и Банка Японии в 2008—2020 годах, трлн долл. США¹

За 2020 год объем увеличения баланса ФРС из-за выкупа активов у участников рынка составил 3,4 трлн долл. [7], увеличившись в 1,8 раза. Резкий рост объема выкупа активов продемонстрировали и другие центральные банки крупнейших мировых экономик — ЕЦБ нарастил свой баланс в 1,5 раза относительно конца 2019 года, Банк Японии — в 1,3 раза, Народный банк Китая — на 15%. В результате к концу 2020 года суммарный объем активов на балансах центральных банков превысил 30 трлн долл. — более 1/3 мирового ВВП 2019 года². При этом львиная доля этого объема приходится на четыре центральных банка, представляющих крупнейшие экономики мира — Европейский центральный банк, Федеральную резервную систему США, Банк

¹ Источник: [9].

² 87,8 трлн долл. США, по данным Всемирного банка. Источник: [30].

Японии и Народный банк Китая. На ноябрь 2020 года эти четыре института имели суммарный баланс общим объемом в 27,9 трлн долл. США (рис. 2).

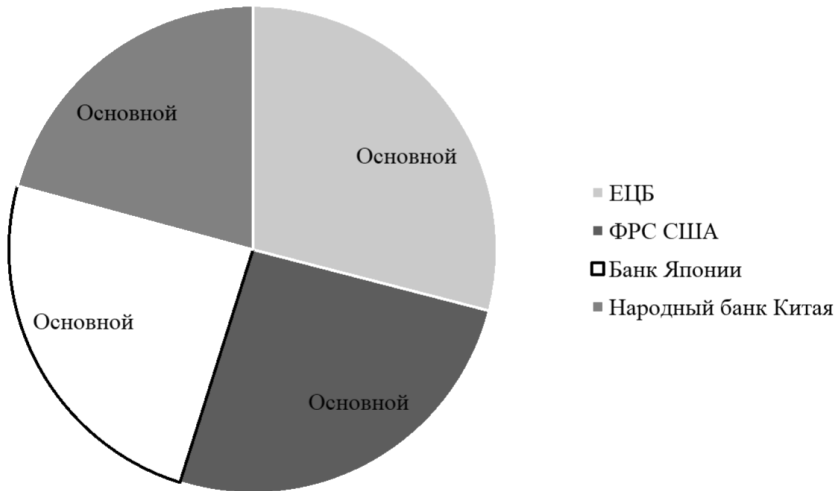

Рис. 2. Крупнейшие по размеру объема активов на балансе центральные банки мира на ноябрь 2020 года, трлн долл. США [31]

Несмотря на то что объем балансов четырех представленных центральных банков сопоставим, история его наращивания у данных институтов различна, так же как и относительные параметры. Так, Народный банк Китая в 2020 году увеличил свой баланс очень незначительно в сравнении с другими тремя организациями, а в относительном выражении (в % к ВВП) даже сократил этот параметр до 34,7% ВВП. Это стало продолжением длительной тенденции, начавшейся в 2009 году, когда его уровень превышал 60% [31, с. 3]. Обратная ситуация происходит с балансом Банка Японии, который является пионером среди монетарных регуляторов в области использования активных интервенций для поддержки ликвидности финансовых рынков. Относительный размер баланса японского центрального банка превышал 20% [31, с. 3] ВВП задолго до того, как к этому уровню пришел баланс ФРС после внедрения инструмента количественного смягчения в ответ на глобальный кризис. В настоящее время баланс Банка Японии приближается к 130% ВВП, что почти в 4 раза больше, чем у ФРС (33%) и в 2,5 раза больше, чем у ЕЦБ (55,3%) [31, с. 3].

Все четыре центральных банка крупнейших экономик мира имеют разные траектории наращивания балансов в рамках монетарного стимулирования. У Народного банка Китая, как отмечалось выше, объем баланса рос умеренными темпами, а с 2014 года находится в горизонтальном коридоре, прекратив рост; при этом размер баланса относительно ВВП поступательно снижается с 2009 года. У Банка Японии баланс растет постоянно и быстро на протяжении последних 12 лет, и периодически происходящие кризисы оказывают на ускорение этого роста незначительное влияние: таким образом, вливания ликвидности в финансовую систему страны стали для японского регулятора постоянным и рутинным инструментом, слабо зависящим от конъюнктуры мировых финансовых рынков. Европейский центральный банк имеет самую сложную траекторию динамики баланса, объем которого интенсивно рос в 2010—2012 годах, в период борьбы с долговым кризисом еврозоны, затем заметно снижался в 2013—2015 годах, опустившись до предкризисных значений, вновь активно увеличивался в 2015—2019 годах. Наконец, в 2020 году он продемонстрировал взрывной рост в 1,6 раза на фоне борьбы с последствиями пандемии COVID-19 [31, с. 4]. Динамика же объема баланса ФРС с 2008 года демонстрирует ступенчатую траекторию с тремя резкими взлетами в 2008, 2013 и 2020 годах и двумя периода плато после скачков 2008 и 2013 годов [31, с. 4].

Особенности динамики балансов данных центральных банков позволяют сделать вывод о том, что она отражает интенсивность и характер вызовов, с которыми сталкиваются соответствующие экономики. Монетарное стимулирование в период между двумя крупнейшими кризисами последнего времени стало основным инструментом влияния на экономические процессы. В этом качестве активность его применения отражает уровень проблемности тех или иных экономик. Так, экономика КНР демонстрирует интенсивный рост, что позволяет монетарным властям обходиться без широкомасштабного задействования стимулов и ведет к сокращению относительного размера баланса Народного банка Китая. Япония, экономика которой находится в хронической стагнации на протяжении трех «потерянных десятилетий», нуждается в постоянном стимулировании, при этом рост баланса Банка Японии

также обусловлен фактическим финансированием этим институтом гигантского государственного долга. Европейский же и американский центральные банки используют монетарное стимулирование посредством выкупа активов на рынке ситуационно, в периоды финансовых кризисов, а между ними пытаются снизить чрезмерно увеличивающиеся в результате такой политики балансы. Эта практика отражает экономическую ситуацию в данных экономиках, которая сильно подвержена влиянию финансового сектора, и стремление регуляторов защитить его (и тем самым экономику в целом) от шоков финансовых кризисов. Особенно наглядно это проявляется в случае США, где доля сектора «Финансы и страховая деятельность» максимальна в ВВП среди четырех крупнейших экономик мира и составила по итогам 2019 года 7,8% (в КНР — 7,7%, в еврозоне — 4,1%, в Японии — 4,2%) [19]. В годы острых фаз финансовых кризисов сектор «Финансы и страховая деятельность» в США страдал сильнее остальных, что выражалось в заметном снижении его доли в ВВП, но массивированные интервенции ФРС быстро восстанавливали его позиции и даже усиливали их. Так было в 2008, 2013 и 2020 годах (рис. 3).

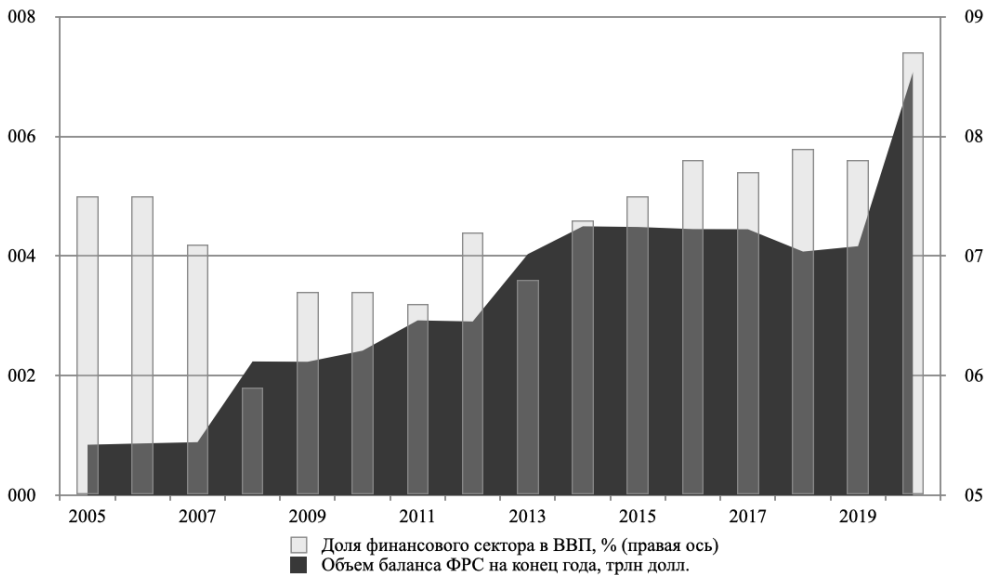

Рис. 3. Сравнительная динамика объема активов на балансе ФРС и доли сектора «Финансы и страхование» в ВВП США¹

¹ Рассчитано по данным из следующих источников: [7; 21].

Поскольку в США стимулирующая функция монетарных стимулов в кризисных условиях имеет наиболее выраженный характер, целесообразно рассмотреть их действие и роль в экономической динамике подробнее на примере этой страны. Скупка активов центральным банком США, как отмечалось выше, практиковалась в крупных масштабах трижды — в ответ на острую фазу глобального кризиса в 2008 году, в ходе нового витка количественного смягчения в 2013 году и в 2020 году в рамках реализации антикризисных мер по борьбе с последствиями пандемии COVID-19. Масштабы финансовых интервенций в эти три периода были очень значительны и в абсолютных величинах (которые составляли 1,3 трлн долл. в 2008 г., 1,1 трлн долл. в 2013 г. и 3,2 трлн долл. в 2020 г.), и в относительном выражении [7]. Масштабы увеличения баланса ФРС относительно ВВП дают более наглядное представление о роли фактора монетарного стимулирования в макроэкономической динамике. Соотношение объема ликвидности, предоставленной ФРС рынку, и ВВП в отдельные кварталы достигало гигантских уровней — 7,1 % в IV квартале 2008 года и 9,4 % во II квартале 2020 года (табл. 1). Эти уровни превышают долю в ВВП США таких видов деятельности, как транспорт, строительство, розничная торговля, оптовая торговля, финансы и страхование, и многих других.

Таблица 1

Влияние программ скупки активов ФРС на динамику ВВП США в периоды активного монетарного стимулирования¹

Показатель	Глобальный финансовый кризис					
	III кв. 2008 г.	IV кв. 2008 г.	I кв. 2009 г.	II кв. 2009 г.	III кв. 2009 г.	VI кв. 2009 г.
Рост ВВП относительно предыдущего периода, %	-2,1	-8,4	-4,4	-0,6	1,5	4,5
Баланс ФРС, млрд долл.	1211,8	2239,5	2071,6	2025,6	2141,0	2234,1
Изменение баланса ФРС, % к ВВП	2,2	7,1	-1,2	-0,3	0,8	0,6

¹ Составлено по данным из следующих источников: [7; 15].

Окончание таблицы 1

Показатель	Третья программа количественного смягчения (QE-3)						
	I кв. 2013 г.	II кв. 2013 г.	III кв. 2013 г.	VI кв. 2013 г.	I кв. 2014 г.	II кв. 2014 г.	III кв. 2014 г.
Рост ВВП относительно предыдущего периода, %	3,6	0,5	3,2	3,2	-1,1	5,5	5,5
Баланс ФРС, млрд долл.	3202,3	3478,7	3734,0	4032,6	4227,0	4368,3	4459,1
Изменение баланса ФРС, % к ВВП	1,7	1,8	1,5	1,7	1,1	0,8	0,5

Показатель	Ответ на пандемию COVID-19			
	IV кв. 2019 г.	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2021 г.
Рост ВВП относительно предыдущего периода, %	-2,4	-5	-31,4	33,4
Баланс ФРС, млрд долл.	4165,6	5254,3	7082,3	7056,1
Изменение баланса ФРС, % к ВВП	1,4	5,0	9,4	-0,1

Как видно из приведенных в таблице данных, массированные интервенции ФРС способствовали ускорению роста ВВП, которое происходило через один-два квартала после начала скупки активов. При этом правомерно делать вывод о взаимосвязи между ростом ВВП и количественным смягчением, учитывая объемы интервенций ликвидности в экономику. О размахе монетарного стимулирования свидетельствует и тот факт, что во время его масштабного применения объемы годового наращивания баланса ФРС за счет выкупа активов превышали объемы увеличения ВВП США, причем в несколько раз (табл. 2).

Таблица 2

Сопоставление изменения объемов реального ВВП США и активов на балансе ФРС США, млрд долл. ¹

Год	ВВП	Активы на балансе ФРС	Изменение ВВП к предыдущему году	Изменение баланса ФРС к предыдущему году
2007	14 452	891	637	21
2008	14 713	2239	261	1349
2009	14 449	2234	-264	-5

¹ Составлено по данным из следующих источников: [7; 15].

Окончание таблицы 2

2010	14992	2421	543	187
2011	15543	2926	551	506
2012	16197	2907	654	-19
2013	16785	4033	588	1125
2014	17527	4498	742	465
2015	18238	4487	711	-11
2016	18745	4451	507	-35
2017	19543	4449	798	-3
2018	20612	4076	1069	-373
2019	21433	4166	821	90
2020	-	7363	-	3197

Столь массивные инъекции, превышающие триллион долларов в год и достигающие нескольких процентов ВВП, не имеют аналогов по влиянию на макроэкономическую динамику среди традиционных факторов. Крупнейшие виды деятельности, имеющие максимальный удельный вес в ВВП США, — операции с недвижимостью (13,4% ВВП в 2019 г.), обрабатывающая промышленность (10,9%), финансы и страхование (7,8%) — не способны внести столь же заметный вклад в изменение годовой динамики экономического роста, поскольку максимальный размер производимых этими отраслями продуктов и услуг не превышает 2,8 трлн долл., а годовое ее увеличение измеряется несколькими десятками миллиардов долларов [21]. Объем монетарного стимулирования многократно превосходит даже ведущий фактор формирования ВВП по методу конечного использования — изменение расходов на потребление домохозяйств, которые в 2019 году формировали 68% ВВП США [26]. Этот крупнейший компонент ВВП объемом в 14,5 трлн долл. за год изменяется на несколько сот миллиардов долларов (в 2019 г. он вырос на 312 млрд), что на порядок меньше средств, потраченных ФРС на скупку активов в 2020 году.

Таким образом, можно констатировать факт, что в развитых странах нетрадиционные методы денежно-кредитного регулирования стали основным драйвером макроэкономической динамики, заместив традиционные факторы отраслевого развития, роста потребления домохозяйств и производительности пред-

приятий. В этих условиях не удивительно, что динамика ВВП тех же США очень сильно взаимосвязана с объемом баланса ФРС (рис. 4), а коэффициент корреляции этих двух показателей за период с 2003 по 2020 год составляет 0,89 [7; 15].

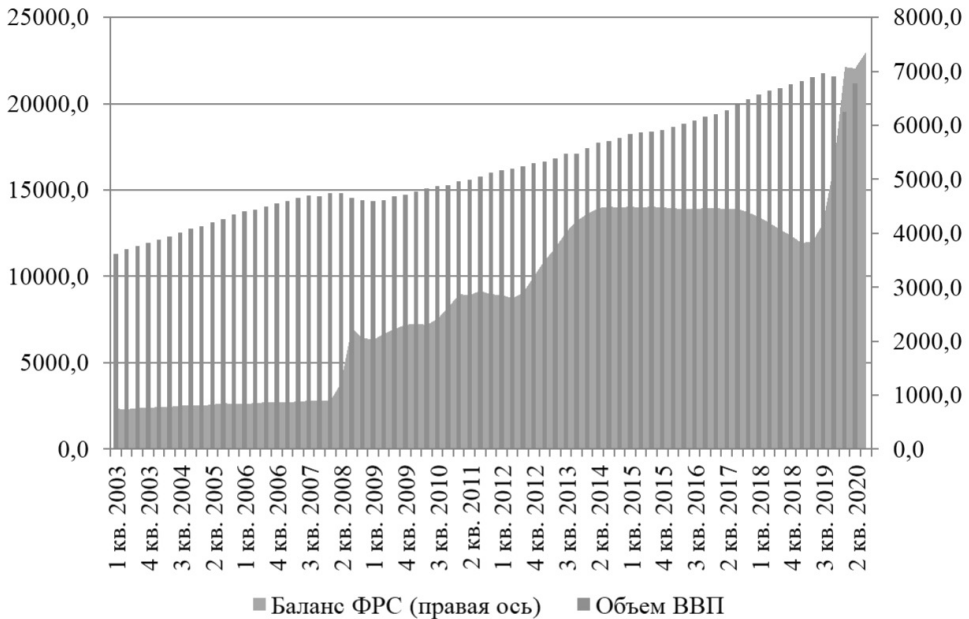

Рис. 4. Сравнительная динамика объема ВВП США и баланса ФРС¹

Однако даже таких гигантских объемов монетарного стимулирования в ряде случаев недостаточно для преодоления последствий мощнейших финансовых кризисов последнего времени. Поэтому наряду с ними широко применяются также и фискальные стимулы, финансируемые из государственных бюджетов разного уровня. Эти стимулы многообразны, включают в себя разные налоговые льготы и послабления, увеличение расходов на государственные закупки в целях поддержки соответствующих секторов и отраслей, наконец, расходы на различные выплаты населению.

Стимулы фискального характера, так же как и монетарные, в последние годы приобрели невиданный размах, о чем свидетельствуют параметры системы государственных финансов, отражающие масштабы помощи, выделяемой экономике по этой

¹ Источники: [7; 15].

линии. Крупнейшие экономики мира по итогам 2020 года увеличат свои дефициты государственных бюджетов до беспрецедентных размеров, значительно превысив уровни 2009 года, которые ранее были крупнейшими со времен Великой депрессии и Второй мировой войны (рис. 5).

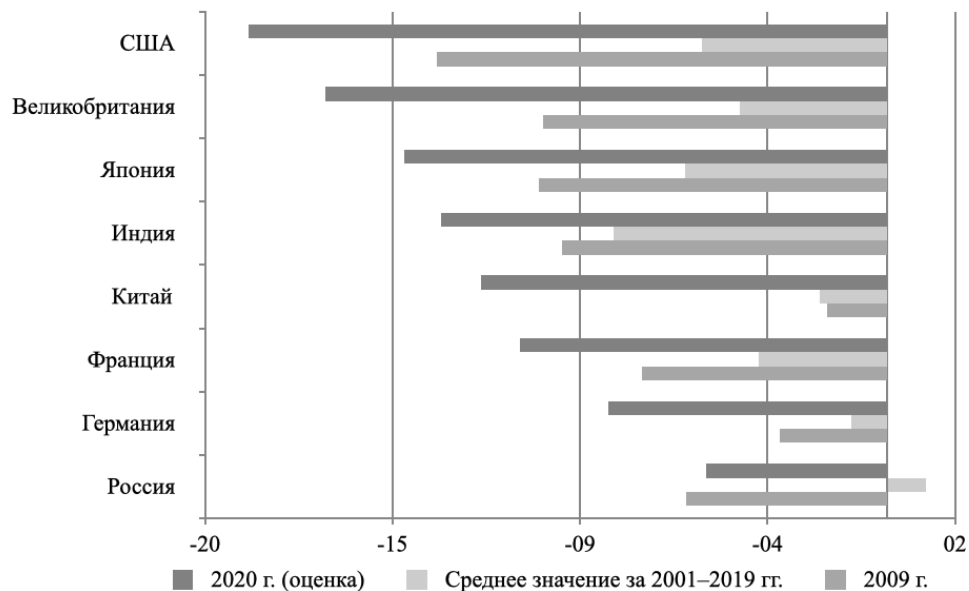

Рис. 5. Прогнозируемый МВФ дефицит государственных бюджетов крупнейших экономик мира в 2020 году в сравнении со средним значением в XXI веке и в 2009 году, % ВВП¹

Дефициты бюджетов в год борьбы с пандемией COVID-19 в большинстве крупнейших стран в 3–4 раза превысили средние показатели 2001–2019 годов. При том, что и этот средний уровень был отягощен повышенными расходами кризисного периода 2008–2010 годов. Только по восьми приведенным на рисунке 5 странам совокупный объем их бюджетного дефицита по итогам 2020 года оценивается примерно в 7,8 трлн долл., что эквивалентно почти 10 % мирового ВВП [15]. Характер этой проблемы не имеет аналогов в послевоенной истории мировой экономики.

Не меньшую важность имеет и обострение ситуации с государственным долгом — пожалуй, самым проблемным компо-

¹ Источник: [15].

нением системы государственных финансов в глобальном масштабе. Государственный долг очень быстро рос и до последнего кризиса, особенно в развитых странах, а 2020 год вывел и его относительные объемы, и их динамику на новые рекордные уровни (рис. 6).

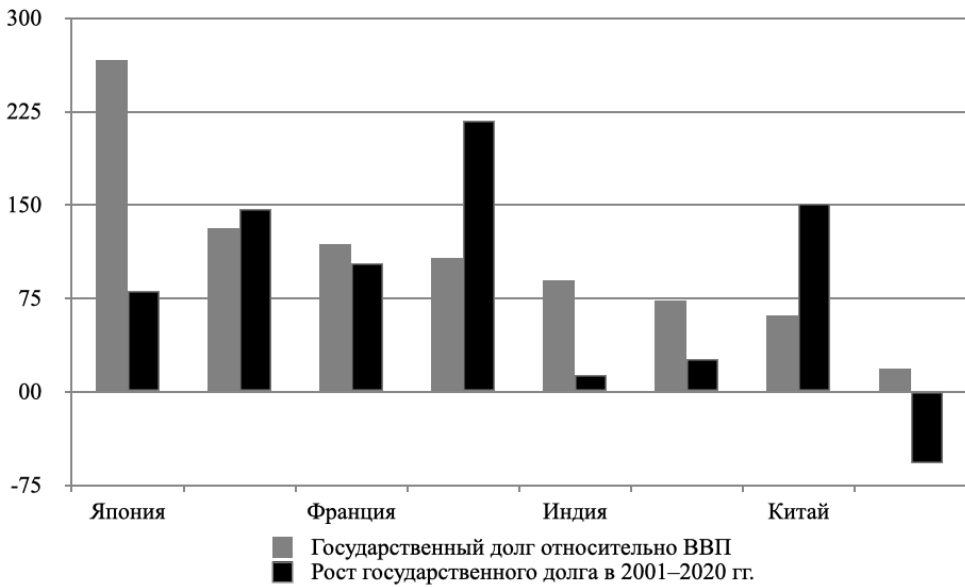

Рис. 6. Параметры государственного долга крупнейших стран, %¹

В отношении динамики государственного долга можно отметить, что из ведущих экономик мира только Россия сократила его относительный объем за первые 20 лет текущего столетия, тогда как большинство развитых стран увеличили его более чем вдвое. Объем же государственного долга относительно ВВП превышает 100-процентный уровень у четырех крупнейших развитых стран из пяти и быстро приближается к этому уровню у двух ведущих развивающихся экономик — Индии и Китая.

Резкое ускорение динамики госдолга было отмечено в 2020 году на фоне беспрецедентных по объемам фискальных стимулов и взлета бюджетных дефицитов, финансируемых за счет эмиссии долговых обязательств. Среднее значение годового прироста относительного объема госдолга по восьми ве-

¹ Источник: [14].

дущим странам превысило 22% [14]. Увеличение абсолютного объема государственной задолженности оценивается величиной более 10 трлн долл. (табл. 3), что эквивалентно примерно 13% мирового ВВП.

Таблица 3

Оценочные параметры состояния и динамики валового государственного долга в крупнейших странах¹

Страна	Валовый государственный долг по итогам 2020 г., % ВВП	Прирост относительного размера госдолга к 2019 году, %	Прирост валового госдолга к 2019 году, млрд долл.
США	131,2	20,7	4307,4
Китай	61,7	17,2	2561,9
Германия	73,3	23,1	873,5
Великобритания	108,0	26,6	700,9
Индия	89,3	23,5	608,7
Япония	266,2	11,9	582,4
Франция	118,7	21,0	536,1
Россия	18,9	36,1	528,9

В части наращивания государственного долга и в части увеличения бюджетного дефицита, обусловленного фискальными стимулами антикризисного характера, лидерами являются США. Это дает основания подробнее остановиться на данном направлении экономического стимулирования на примере этой страны. Стимулирование за счет бюджетных средств в 2020 году осуществлялось и по линии мероприятий по борьбе с самим коронавирусом, и по линии финансовой помощи населению, и по линии поддержки бизнеса в разных формах. Управление Конгресса США по бюджету оценивает увеличение расходов федерального бюджета в 2020 финансовом году (длится с октября по сентябрь) вследствие мер, связанных с коронавирусом, почти в 2,2 трлн долл. [4].

В результате такого резкого взлета расходов бюджета наряду со снижением его доходов (примерно на 170 млрд долл.) произошло увеличение дефицита федерального бюджета

¹ Составлено по данным из следующего источника: [14].

до рекордного уровня в 3,1 трлн долл., что более чем вдвое превышает объем дефицита в год глобального финансового кризиса (2009 г.), который ранее был рекордным по этому показателю. В относительном выражении дефицит федерального бюджета 2020 года составит около 15—16%, что также является рекордом для мирного времени (рис. 7): большие размеры федерального дефицита были у США только во время Второй мировой войны, и даже во время Великой депрессии его размер был намного ниже.

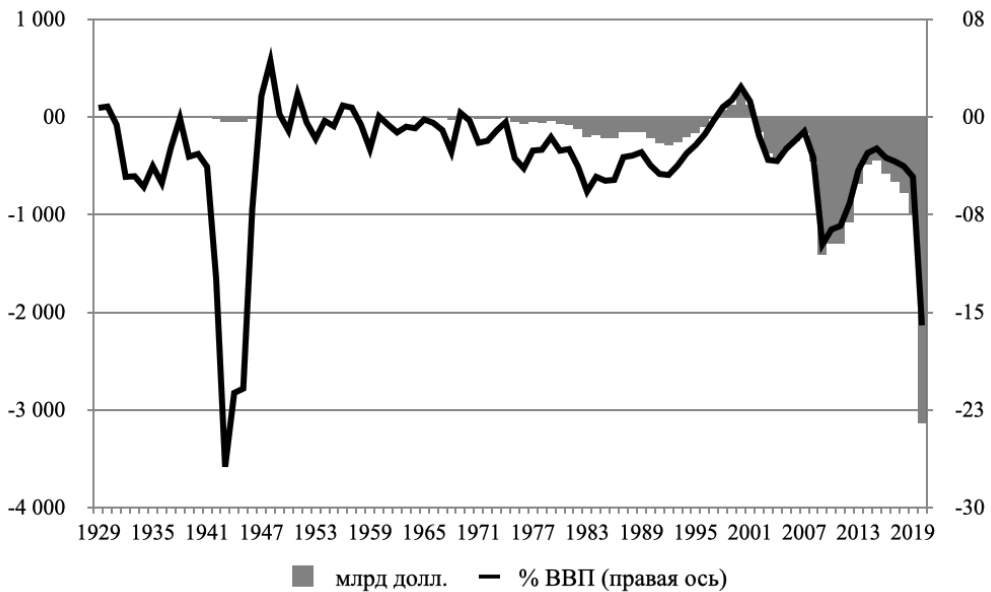

Рис. 7. Абсолютные и относительные параметры дефицита федерального бюджета США¹

Резкий рост дефицита бюджета привел к скачку объема федеральной части государственного долга США, который по итогам III квартала 2020 года увеличился на 3,7 трлн долл. относительно конца 2019 года и достиг 26,9 трлн [12]. Также резко вырос и относительный объем долга — до 127,3% ВВП (рис. 8), уровня, превосходящего предыдущие рекорды военных и послевоенных лет (до этого максимальным значением был уровень в 119%, зафиксированный в 1946 г. [27]).

¹ Источник: [4].

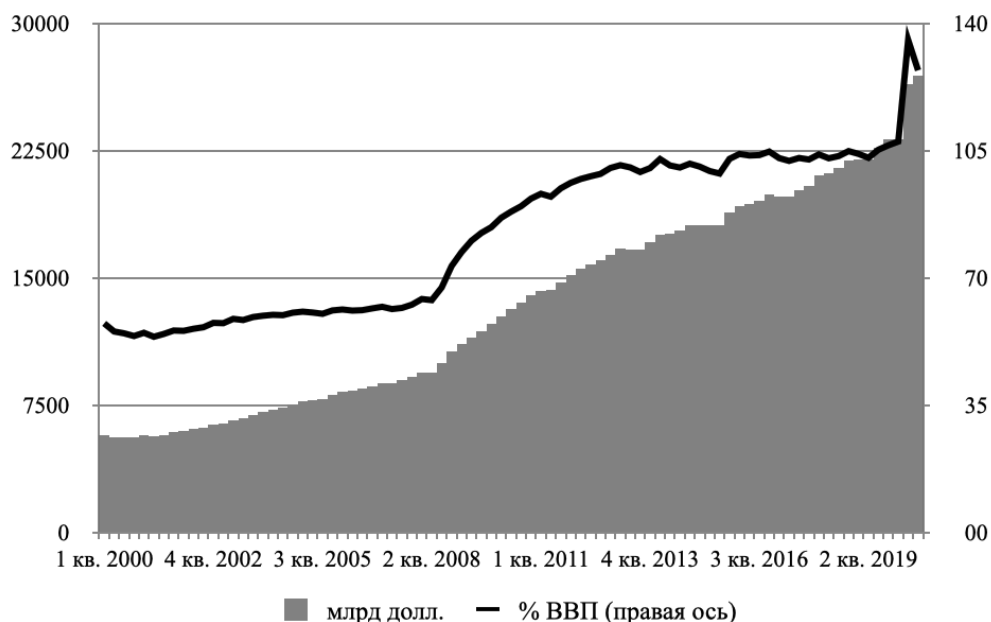

Рис. 8. Абсолютные и относительные параметры федерального долга США¹

Взлет дефицита бюджета и федерального долга значительно обострил проблему разбалансированности государственных финансов США, которая и так оставалась крайне напряженной еще со времен глобального финансового кризиса. После пандемии COVID-19 рост обоих проблемных параметров федеральной финансовой системы приобрел экспоненциальный характер (что хорошо иллюстрируют приведенные графики рисунков 7 и 8), и перспективы их нормализации значительно ухудшились. Это ухудшение признается и в прогнозах профильных федеральных органов США. Так, Управление Конгресса США по бюджету (Congressional Budget Office, CBO) в десятилетнем прогнозе состояния бюджета, последний из которых датируется сентябрем 2020 года, значительно ухудшило оценку состояния и динамики основных параметров федеральной финансовой системы (табл. 4).

¹ Источник: [27].

Таблица 4

**Прогнозы Управления Конгресса США по бюджету состояния
и динамики основных параметров федеральных финансов США
к 2030 году¹**

Показатель	2019 г.	2030 г. (прогноз)	Изменение 2030/2019, %
Доходы федерального бюджета	3463	5457	57,6
Расходы федерального бюджета	4447	7084	59,3
Дефицит федерального бюджета	-984	-1627	65,3
Чистое обслуживание госдолга	375	664	77,0
Федеральный долг у инвесторов	15750	31773	101,7
Федеральный долг у инвесторов, % ВВП	79,2	108,9	37,5

К 2030 году предполагается усиление разбалансированности федерального бюджета, выражающееся в опережающем росте расходов по сравнению с доходами и увеличении дефицита максимальными темпами среди основных бюджетных параметров. Также ожидается более чем двукратный рост объема федерального долга у инвесторов, резкое увеличение относительного уровня этого показателя и, как следствие, опережающий рост расходов на чистое обслуживание долга в бюджете. Характерно, что резкое изменение прогнозов в худшую сторону произошло после увеличения расходов и дефицита в 2020 году, тогда как в аналогичном прогнозе этого ведомства всего лишь годичной давности (датированном августом 2019 г.) ожидалась значительно более благоприятная ситуация и в бюджетной сфере, и в части федерального долга. Если сопоставить эти два прогноза, сделанные с годичным интервалом, то станет понятна цена коронакризиса для системы федеральных финансов США в среднесрочной перспективе, по оценке СВО. Прогноз 2020 года оценивает доходы федерального бюджета к 2025 году ниже на 251 млрд долл. (на 5,5%), чем прогноз 2019 года, расходы — на 361 млрд долл. (на 6,2%) [3; 4]. Объем федерального долга у инвесторов в том же 2025 году прогнозируется на 3 трлн (13%) больше, чем это было в прогнозе 2019 года, а ВВП — на 1,5 трлн ниже [3; 4].

Таким образом, масштаб трудностей, вызванных только усилением бюджетных проблем в одном 2020 финансовом году,

¹ Источник: [3].

на пятилетнем горизонте прогнозирования грозит ведущей экономике мира проблемами с дополнительным увеличением госдолга примерно на 5 трлн долл. (учитывая весь его объем, а не только долг у инвесторов, рассматриваемый СВО), что эквивалентно примерно 1/4 ВВП США 2019 года и примерно 6% мирового ВВП. При этом можно отметить, что прогнозы СВО не отличаются высокой достоверностью, не учитывают опасность продолжения кризиса после 2020 года, а также не предполагают вероятности новых финансовых кризисов, которые практически неизбежны на десятилетнем горизонте прогнозирования. Иллюстрацией этого тезиса может быть сопоставление фактических значений дефицита федерального бюджета США и прогноза СВО от 2011 года (рис. 9).

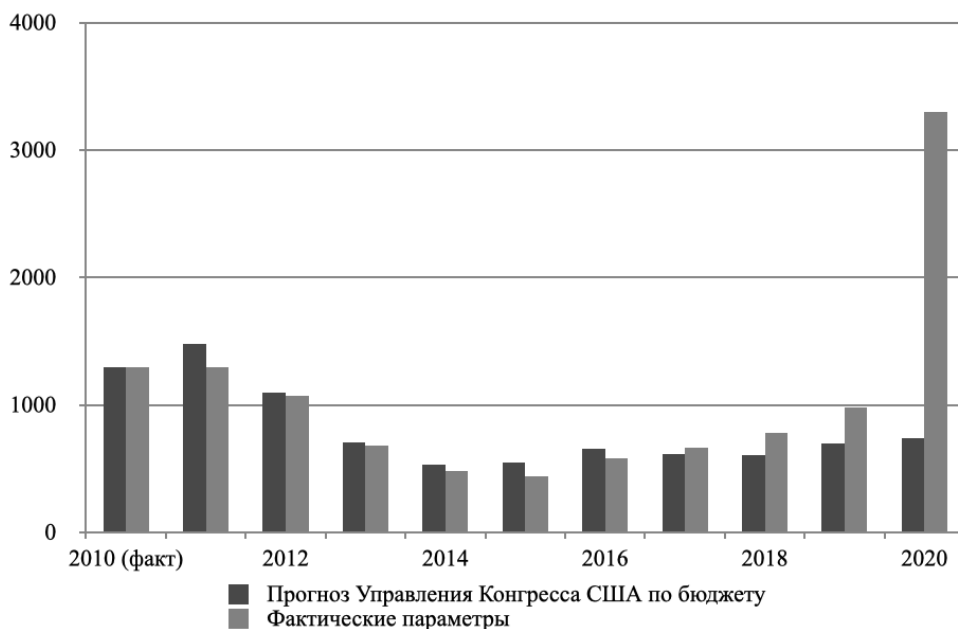

Рис. 9. Соотношение прогнозов дефицита федерального бюджета США от Управления Конгресса по бюджету и фактических его объемов в 2010–2020 гг., млрд долл.¹

Уже через семь лет после даты прогноза, в 2018 году, начало проявляться сильное расхождение фактических и прогнозных объемов дефицита в худшую сторону. Кризис 2020 года вывел это расхождение на уровень 4,5 раз. Это свидетельствует о том,

¹ Источники: [20; 23].

что и текущие прогнозы профильных американских ведомств могут оказаться столь же несостоятельными перед лицом новых вызовов, с которыми столкнется экономика США и мира в ходе преодоления гигантских дисбалансов, сформировавшихся в глобальной финансовой системе, а масштаб накопившихся проблем способен породить очередной беспрецедентный кризис, который превзойдет своим размахом предыдущие два, каждый из которых также не имел аналогов со времен Великой депрессии.

Рассмотрение обоих основных направлений стимулирования, используемых большинством крупнейших экономик мира в ходе текущего кризиса, как монетарных, так и фискальных, позволяет сделать следующие выводы относительно их масштабов и роли в глобальной экономике:

— меры стимулирования, применявшиеся как правительствами, так и центральными банками в ходе коронакризиса, имеют беспрецедентный характер и только в нескольких ведущих экономиках мира исчисляются совокупными объемами, эквивалентными примерно 20 % мирового ВВП;

— масштабы стимулов и темпы наращивания соответствующих параметров финансовой системы (балансов центральных банков, государственного долга, бюджетных дефицитов) зависят от уровня проблемности экономик накануне кризиса — крупнейшим очагом стимулирования являются так называемые развитые экономики;

— предпринятые меры стимулирования, несмотря на их беспрецедентный масштаб, не позволили в полной мере нейтрализовать влияние кризиса, и макроэкономическая динамика в большинстве ведущих экономик, а также в мировой экономике в целом по итогам 2020 года будет отрицательной, что свидетельствует о недостаточной эффективности применяемого инструментария государственного регулирования экономических процессов;

— монетарные и, в меньшей мере, фискальные стимулы стали основным драйвером экономического роста в развитых странах, заместив традиционные факторы роста, поскольку масштаб стимулирования значительно превосходит по своему воздействию на экономические параметры влияние производственных, инве-

стиционных, экспортных и потребительских компонентов изменения ВВП;

— чрезмерный масштаб стимулов, осуществляемых в направлениях, не связанных с процессами производства товаров и услуг, многократно усилил существующие проблемы и дисбалансы в ключевых сферах, определяющих макрофинансовую стабильность в крупнейших развитых экономиках и глобальной финансовой системе в целом, что создает предпосылки для эволюции текущего кризиса в еще более мощную и опасную его форму.

В результате масштабного и в некоторых сферах непропорционального использования стимулов экономика ведущих развитых стран и мировая экономика в целом столкнулись с рядом вызовов для стабильности функционирования в условиях «новой нормальности». Фактически единственным основным драйвером роста является стимулирование. Главным из этих вызовов является сценарий исчерпания возможностей этого стимулирования, которое неизбежно произойдет после ограничения его масштабов и последующего сворачивания. Другим вызовом сформировавшейся в результате борьбы с последствиями COVID-19 «новой нормальности» является гигантский кризисный потенциал, который необходимо купировать в условиях постоянного риска его спонтанной реализации. При этом особую сложность представляет сочетание этих двух вызовов, так как исчерпание стимулов и их сворачивание резко повышает риск реализации очередной фазы кризиса (который становится постоянным фоном функционирования мировой экономики). Продолжение же стимулирования, которое отодвигает кризисную развязку, только нагнетает напряженность и усиливает масштаб накопившихся проблем, повышая разрушительный потенциал будущего «окончательного» кризиса.

Таким образом, основным сценарием функционирования мировой экономики в среднесрочной перспективе становится возникновение нового разрушительного кризиса вследствие исчерпания возможностей дальнейшего стимулирования в развитых экономиках при отсутствии других значимых факторов роста. Кризисный потенциал прекращения наращивания монетарных и фискальных стимулов и их сворачивания формируется следующими факторами:

— экстремально высокими уровнями государственного долга, обслуживание которого постоянно повышает долю соответствующих расходов в бюджетах и оставляет меньше средств для финансирования других направлений, в том числе развивающих базовые факторы экономического роста;

— ростом дефицитности бюджетов во многих странах, включая ведущие экономики мира, который обуславливает ускорение эмиссии госдолга и еще больше увеличивает и без того чрезмерную глобальную долговую массу;

— приближением возможностей монетарного стимулирования к неким предельным уровням, после достижения которых дальнейшие интервенции центральных банков прекратятся, лишив рынки искусственной поддержки;

— экспоненциальным ростом корпоративных, муниципальных и иных банкротств из-за невозможности обслуживания чрезмерных долговых обязательств, накопленных в период низких ставок и преодоления последствий коронакризиса;

— резким ростом объема необслуживаемых кредитов и возникновением по этому причине проблем в банковском и финансовом секторе развитых экономик.

Большая часть указанных факторов уже отличалась проблемным состоянием и чрезмерными показателями характеризующих их параметров накануне пандемии COVID-19, а в ходе кризиса 2020 года их кризисообразующий потенциал значительно возрос.

Так, резкий рост федерального долга в США обуславливает постоянный рост расходов на его обслуживание на протяжении нескольких последних лет. В 2019 финансовом году абсолютный размер этих расходов достиг рекордной величины в 376 млрд долл. (рис. 10) и максимума XXI века в относительном выражении (по отношению к доходам бюджета) [28]. Соответственно, дальнейший рост долга и процентных ставок (по мере неизбежного снижения инвестиционной привлекательности казначейских обязательств) приведет к увеличению и этих расходов, и расходов бюджета в целом, и бюджетного дефицита, что приведет к новому витку ускорения наращивания долга и т. д.

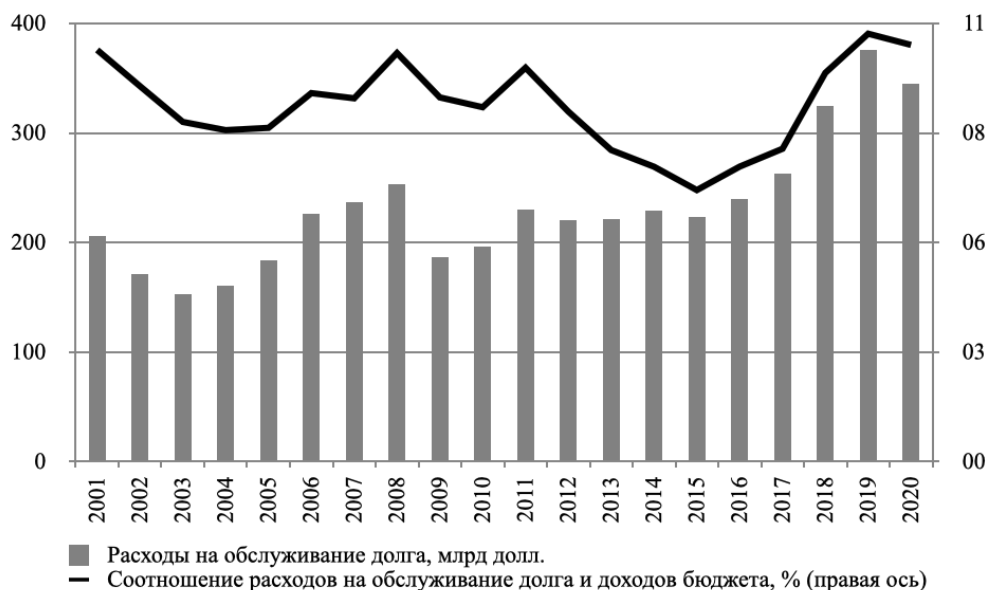

Рис. 10. Расходы федерального бюджета США на обслуживание государственного долга в XXI веке¹

Рост банкротств имеет высокий потенциал, который уже начал реализовываться. Так, в США на середину октября было подано 527 корпоративных заявлений о банкротстве, что стало максимальным количеством с 2010 года и превысило уровень 2019 года на 10,5% [29]. При этом сохранение высокого потенциала дальнейшего роста банкротств базируется на беспрецедентном количестве так называемых зомби-компаний, то есть бизнеса, нарастившего вследствие пандемии необслуживаемые объемы долга. В США в ноябре 2020 года 527 из 3000 крупнейших компаний находились в таком статусе, имея 1,36 трлн долл. долга, что в 3,6 раза больше, чем на конец 2019 года [24]. У этих компаний объем получаемой прибыли меньше, чем объем платежей по долгам, и это означает высокий риск банкротства. Проблему усугубляет то, что в число зомби-компаний входят и отраслевые лидеры, такие как «Boeing», «Uber», «Moderna», «General Electric». Банкротства компаний такого уровня способны стать триггером новой фазы мирового финансового кризиса, подобно тому как банкротство банка «Lehman Brothers» стало таким триггером в 2008 году.

¹ Источник: [28].

Экстремально низкие процентные ставки, поддерживаемые центральными банками, в значительной мере позволили сгладить кризисные проявления, но они же резко увеличили объем долгов всех видов и уровней. По оценкам Института международных финансов, в течение 2020 года глобальный долг увеличился на 20 трлн долл. На конец года он достиг 277 трлн, что эквивалентно 365 % мирового ВВП [16]. Долговой сектор мирового финансового рынка является, на наш взгляд, наиболее вероятным очагом очередной фазы глобального финансового кризиса, поскольку как абсолютный объем накопленных долгов, так и вероятность повышения ставок вследствие неизбежного сворачивания программ монетарного стимулирования спровоцируют резкий рост объема необслуживаемых долгов, обвал котировок облигаций и последующий вал банкротств.

В связи с этим можно отметить, что и до кризиса 2020 года во многих крупных экономиках мира, особенно развивающихся, уровень необслуживаемых долгов был высок и имел тенденцию к росту, порой очень интенсивному (табл. 5).

Таблица 5

Необслуживаемые банковские кредиты к общему объему кредитов в крупных экономиках, %¹

Страна	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Россия	6,6	6,0	6,0	6,7	8,3	9,4	10,0	10,1	9,3
Индия	2,7	3,4	4,0	4,3	5,9	9,2	10,0	9,5	9,2
Италия	11,7	13,7	16,5	18,0	18,1	17,1	14,4	8,4	6,7
Испания	6,0	7,5	9,4	8,5	6,2	5,6	4,5	3,7	3,2
Турция	2,6	2,7	2,6	2,7	3,0	3,1	2,8	3,7	5,0
Аргентина	1,4	1,7	1,7	2,0	1,7	1,8	1,8	3,1	5,7
Бразилия	3,5	3,4	2,9	2,9	3,3	3,9	3,6	3,1	3,1
Франция	4,3	4,3	4,5	4,2	4,0	3,6	3,1	2,7	2,5
Китай	1,0	1,0	1,0	1,2	1,7	1,7	1,7	1,8	
Германия	3,0	2,9	2,7	2,3	2,0	1,7	1,5	1,2	
Великобритания	4,0	3,6	3,1	1,7	1,0	0,9	0,7	1,1	
США	3,8	3,3	2,5	1,9	1,5	1,3	1,1	0,9	0,9

¹ Источник: [5].

В развитых странах ситуация была иной — благодаря агрессивной монетарной политике и резкому снижению ставок до близкого к нулю уровня объем и удельный вес необслуживаемых долгов снизился, однако в 2020 году эти показатели вновь начали быстро расти. Так, в США объем необслуживаемых кредитов вырос с 87 млрд долл. в конце 2019 года до 107 млрд долл., по итогам III квартала 2020 года [11], или на 23%. Резкий рост объема необслуживаемых кредитов в совокупности с другими факторами напряженности на долговом рынке делает возникновение серьезнейших проблем на нем практически неизбежным.

Таким образом, исчерпание стимулирования, которое в настоящее время поддерживает хрупкую и во многом искусственную стабильность на финансовых рынках мира, станет безусловным и очень мощным фактором ее разрушения с последующим возникновением сильнейшего финансового кризиса в истории современной мировой экономики.

Литература

1. Глазьев С. Ю. Проблемы и перспективы российского финансового рынка в условиях структурных изменений мировой экономики // *Финансы: теория и практика/Finance: Theory and Practice*. — 2020. — № 24 (3). — С. 6—29.
2. Додонов В. Ю. Монетарная политика ФРС как фактор возникновения глобального финансового кризиса // *Проблемы национальной стратегии*. — 2016. — № 2 (35). — С. 131—139.
3. 10-Year Budget Projections. Projections of spending and revenues by category and of deficits and debt held by the public / Congressional Budget Office. — URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#3> (accessed: 26.12.2020).
4. An Update to the Budget Outlook: 2020 to 2030. September 2, 2020 / Congressional Budget Office. — URL: <https://www.cbo.gov/publication/56517#:~:text=At%2016.0%20percent%20of%20gross,be%20the%20largest%20since%201945> (accessed: 30.12.2020).
5. Bank nonperforming loans to total gross loans (%) / International Monetary Fund, Global Financial Stability Report. The World Bank Data. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/FB.AST.NPER.ZS> (accessed: 30.12.2020).
6. Belke A. The Effectiveness of the Fed's Quantitative Easing Policy — A Survey of the Econometrics // *Estudios de Economía Aplicada*. — 2018. — Vol. 36. — P. 291—308.
7. Board of Governors of the Federal Reserve System (US), Assets: Total Assets: Total Assets (Less Eliminations from Consolidation): Wednesday Level [WALCL], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, December 19, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/WALCL> (accessed: 25.12.2020).
8. Caraianni P., Călin A., Gupta R. Monetary policy and bubbles in US REITs // *International Review of Finance*. — 2019. — P. 1—13.
9. Central bank balance sheets. Reuters Graphics // <http://fingfx.thomsonreuters.com/gfx/rngs/GLOBAL-CENTRALBANKS/010041ZQ4B7/index.html> (accessed: 22.12.2020).
10. Dong F., Miao J., Wang P. Asset bubbles and monetary policy // *Review of Economic Dynamics*. — 2020. — Vol. 37.

11. Federal Financial Institutions Examination Council (US) and Federal Reserve Bank of St. Louis, Total Nonperforming Loans for Commercial Banks in United States [USNP], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, December 27, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/USNP> (accessed: 03.01.2021).
12. Federal Reserve Bank of St. Louis and U. S. Office of Management and Budget, Federal Surplus or Deficit [-] as Percent of Gross Domestic Product [FYFSGDA188S], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, November 11, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/FYFSGDA188S> (accessed: 23.12.2020).
13. *Fofack A., Aker A., Rjoub H.* Does quantitative easing work? — 2019 // Researchgate website. — URL: https://www.researchgate.net/publication/337144204_DOES_QUANTITATIVE_EASING_WORK (accessed: 22.12.2020).
14. General government gross debt, percent of GDP. World Economic Outlook Database. October 2020 / International Monetary Fund. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (accessed: 25.12.2020).
15. General government net lending / borrowing. World Economic Outlook Database. October 2020/International Monetary Fund. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October> (accessed: 25.12.2020).
16. Global Debt Monitor / Institute of International Finance. — URL: <https://www.iif.com/Research/Capital-Flows-and-Debt/Global-Debt-Monitor> (accessed: 30.12.2020).
17. *Grenville S.* Unwinding quantitative easing // VoxEU website, 22.06.2013. — URL: <https://voxeu.org/article/unwinding-quantitative-easing>. (accessed: 24.12.2020).
18. *Groesdonk J.* The Effect of Quantitative Easing on Exchange Rates. — 2017 // Researchgate website. — URL: https://www.researchgate.net/publication/327225897_The_Effect_of_Quantitative_Easing_on_Exchange_Rates (accessed: 22.12.2020).
19. Gross domestic product (GDP) // OECD Stat. — URL: <https://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=60702#> (accessed: 23.12.2020).
20. Historical Budget Data. Data on revenues, outlays, and the deficit or surplus from 1965 through the most recent year completed / Congressional Budget Office. — URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#3> (accessed: 26.12.2020).
21. Industry Economic Account Data: GDP by Industry / Interactive Data. Bureau of Economic Analysis. — URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=150&step=2&isuri=1&caterories=ugdpxinid> (accessed: 23.12.2020).
22. *Karadi P., Nakov A.* Effectiveness and addictiveness of quantitative easing // Journal of Monetary Economics. — 2020. — Vol. 70. — P. 22—38.
23. An Update to the Budget Outlook: 2020 to 2030 / Congressional Budget Office. — URL: <https://www.cbo.gov/data/budget-economic-data#3> (accessed: 26.12.2020).
24. Should Corporate Zombies Give You Nightmares? // Bloomberg Opinion. 20.11.2020. — URL: https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-11-20/should-corporate-zombies-give-you-nightmares?sref=2oOrZsF1&utm_medium=social&utm_campaign=socialflow-organic&utm_source=twitter&cmpid%3D=socialflow-twitter-view&utm_content=view (accessed: 15.12.2020).
25. *Thornton D.* The Downside of Quantitative Easing // Economic Synopses. — 2010. — No. 34.
26. U. S. Bureau of Economic Analysis, Real Gross Domestic Product [A191RL1Q225SBEA], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, December 24, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/A191RL1Q225SBEA> (accessed: 05.01.2021).
27. U.S. Department of the Treasury. Fiscal Service, Federal Debt: Total Public Debt [GFDEBTN], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, December 25, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/GFDEBTN> (accessed: 05.01.2021).
28. U. S. Department of the Treasury. Fiscal Service, Total Federal Receipts [MTRSR133FMS], retrieved from FRED, Federal Reserve Bank of St. Louis, November 12, 2020. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/series/MTRSR133FMS> (accessed: 23.12.2020).
29. US corporate bankruptcies continue to mount amid coronavirus, but at slower pace // S&P Global Market Intelligence. October 20, 2020. — URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/us-corporate-bankruptcies-continue-to-mount-amid-coronavirus-but-at-slower-pace-60801107> (accessed: 30.12.2020).

30. World Bank national accounts data, and OECD National Accounts data files / Worldbank. — URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD> (accessed: 21.12.2020).
31. *Yardeni E., Quintana M.* Central Banks: Monthly Balance Sheets. Yardeni Research, Inc. December 18, 2020. — P. 1.
32. *Yue H.-Y, Leung K.-T.* The effects of quantitative easing on inflation rate: A possible explanation on the phenomenon // *European Journal of Economics, Finance and Administrative Sciences.* — 2011. — Issue 41. — P. 34—40.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Зверева Татьяна Вадимовна,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России,
Национальный исследовательский Университет
«Высшая школа экономики», профессор, Москва.

Tatiana V. Zvereva,

Doctor of Political Sciences,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry,
National Research University Higher School of Economics,
Professor, Moscow.

E-mail: tatyana-zvereva@yandex.ru

Закаурцева Татьяна Алексеевна,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Tatiana A. Zakaurtseva,

Doctor of History,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: zta_da@yahoo.com

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И ВЕЛИКОБРИТАНИИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

MILITARY-POLITICAL COOPERATION BETWEEN FRANCE AND GREAT BRITAIN: STATE AND PROSPECTS

Аннотация: в статье проанализированы основные направления и этапы франко-британского военно-политического и военно-технического сотрудничества. Выявлены факторы, стимулирующие и тормозящие его развитие. Препятствия на пути развития двусторонних связей обусловлены концептуальными расхождениями Парижа и Лондона относительно роли Вашингтона и уровня автономии системы европейской обороны. Влияние Брекзита на военно-политическое сотрудничество двух стран неоднозначно. С одной стороны, выход Великобритании из ЕС оказал на него определенное сдерживаю-

щее влияние. Однако, с другой стороны, сохраняется значительная заинтересованность и Парижа, и Лондона не только в поддержании прежнего уровня этого взаимодействия, но и в его дальнейшем развитии. Дополнительным тормозящим сотрудничество фактором стал кризис, вызванный пандемией коронавируса. Несмотря на это, проводимая Францией политика, направленная на укрепление ЕС как «центра силы» и встраивание в него британского военного потенциала, будет продолжена.

Ключевые слова: Европейский союз, Франция, Великобритания, франко-британские военно-политические и военно-технические связи, европейская оборона, Брекзит, кризис, коронавирус.

Abstract: the article analyses the main directions and stages of Franco-British military-political and military-technical cooperation. The stimulating and slowing down its development factors are revealed. Obstacles to the development of bilateral ties are caused by conceptual differences between Paris and London regarding the role of Washington and the level of autonomy of the European defense system. The impact of Brexit on military-political cooperation between the two countries is ambiguous. On the one hand, the UK's exit from the EU had a certain deterrent effect on it. However, on the other hand, both Paris and London remain very interested not only in maintaining the previous level of this interaction, but also in its further development. An additional factor hindering cooperation is the crisis caused by the coronavirus pandemic. Despite this, the policy of France, aimed at strengthening the EU as a "center of power" and embedding British military capabilities in it, will continue.

Key words: European Union, France, Great-Britain, Franco-British military-political and military-technical ties, European defense, Brexit, crisis, coronavirus.

Коронакризис заставляет мировое сообщество переосмысливать приоритеты дальнейшего развития международных отношений, уделяя особое внимание сотрудничеству в гуманитарной сфере. Однако уже сегодня очевидно, что новой международной реальности неизбежно будут присущи «родимые пятна», унаследованные от прошлого. Поэтому изучение геополитических аспектов международных отношений, включая политику в этой области крупнейших европейских стран, остается важной и актуальной задачей. В статье исследованы мотивы, которыми руководствуются Париж и Лондон, развивая свои военно-политические и военно-технические связи, а также препятствия, сохраняющиеся на пути этих отношений.

Активизация франко-британского военно-политического сотрудничества в 1998—2016 годах

Современная история франко-британского военно-политического сотрудничества берет свое начало в 1990-е годы. Распад биполярной системы международных отношений, финансово-экономическое, научно-техническое и геополитическое усиление роли США в этот период, неспособность крупнейших стран Европы добиться мирного разрешения конфликта в бывшей Югославии подталкивали Францию к поискам дополни-

тельных возможностей для укрепления автономной системы европейской обороны. Со своей стороны, Великобритания также намерена была акцентировать свою роль в европейских делах, что нашло проявление в ряде совместных с Францией военно-политических инициатив. Важнейшей среди них стало подписание в декабре 1998 года франко-британской декларации в Сен-Мало. Этот документ закрепил «успехи франко-британского партнерства в области обороны и безопасности» [5, с. 521]. Декларация Сен-Мало обозначила начало нового этапа в сближении позиций двух стран.

Во Франции этот документ подавался как свидетельство сдвига в позиции Британии в пользу поддержки идеи европейской обороны. Вместе с тем, хотя во французской экспертной среде 1998—2003 годы считаются наиболее благоприятными с точки зрения развития франко-британских военно-политических связей [19], очевидно, что Декларация Сен-Мало не привела к прорывным практическим решениям в этой сфере. Начиная свой «континентальный дрейф», Лондон не был намерен пересматривать «особые» отношения с Вашингтоном и в 2003 году поддержал американское вторжение в Ирак, против которого активно возражал Париж. Пожалуй, главным достижением в области военно-технического сотрудничества двух стран этого времени стало совместное создание одного из крупнейших мировых производителей ракетной техники — европейского оборонного концерна MBDA (Matra BAE Dynamics Alenia).

С 2009 года франко-британское военно-политическое сотрудничество обрело «второе дыхание» во многом благодаря возвращению Франции в военную организацию НАТО. После Иракского кризиса 2003 года Париж не прекращал отстаивать идею превращения Европейского союза в «центр силы» и создания автономной системы европейской обороны. Одним из уроков войны в Ираке 2003 года стало осознание того, что совместные усилия европейцев в военно-политической сфере неизбежно будут заблокированы, если Вашингтон не даст на них своего согласия или хотя бы не прекратит активно им препятствовать. Во Франции решено было «зайти с другой стороны»: сначала вернуться в военную организацию НАТО (2009 г.), а потом, уже изнутри альянса, попытаться укрепить «европейское оборонное ядро»,

придав ему организационное начало и обеспечив странам Евросоюза большую самостоятельность в военно-политической сфере. Определенные надежды возлагались и на дальнейшее развитие военно-политического сотрудничества с Великобританией, основы которого были заложены в Сен-Мало. С точки зрения Франции со временем эти связи должны были встроиться в автономную систему европейской обороны.

В подходах Лондона к вопросам двустороннего военно-политического сотрудничества с Парижем в этот период также наметились некоторые сдвиги: в условиях мирового финансово-экономического кризиса и охлаждения «особых отношений» Великобритании с США в 2008—2010 годах способность британских войск к оперативному развертыванию в мире сужалась из-за нехватки ресурсов. В такой ситуации «ускорение англо-французского сотрудничества было способно укрепить британскую силу и влияние в мире» [1, с. 245]. Однако Лондон по-прежнему скептически воспринимал общие военно-политические планы ЕС, блокируя все значительные инициативы в данной сфере, которые не получали поддержки в Вашингтоне.

Основой дальнейшего военно-политического и военно-технического взаимодействия Франции и Британии стали Ланкастерские соглашения, подписанные 2 ноября 2010 года и рассчитанные на 50 лет. Были определены основные направления сотрудничества. Первое предусматривало стимулирование оперативного взаимодействия, проведение совместных военных операций в разных регионах мира, второе — сотрудничество в разработке и производстве новых вооружений, что должно было оптимизировать и удешевить эти процессы. Предполагалось, в частности, создать к 2016 году Комбинированные экспедиционные силы (CJEF — Combined Joint Expeditionary Force), численностью в 6500 человек, а также беспилотные аппараты нового поколения, системы спутниковой связи, военно-транспортный самолет A400 M, самолеты-дозаправщики. Третье направление двустороннего сотрудничества предусматривало усиление связей двух стран в ядерной сфере.

В коммюнике по итогам Ланкастерской встречи на высшем уровне отмечалось, что Франция и Великобритания вышли на беспрецедентный уровень взаимного доверия и стремятся

вместе находить ответы на новые вызовы и угрозы [22]. Сближение позиций двух стран проявилось в совместной военной операции в Ливии в 2011 году. Тогда Вашингтон постарался как можно скорее официально отстраниться от ее проведения, передав инициативу европейцам. Лондон и Париж стали самыми крупными донорами и главной движущей силой интервенции в Ливии: 80% всех бомбовых ударов были нанесены в условиях тесной франко-британской кооперации. Вместе с тем «кампания показала полную несостоятельность военно-политического измерения ЕС» [1, с. 247] и усиление оперативной зависимости европейцев от НАТО, в частности в области обеспечения системами раннего предупреждения, космической связи, возможности дозаправки в воздухе и др.

В конце 2012 — начале 2013 года британский авиаотряд поддержал французскую операцию в Мали. Эта помощь имела не столько практический, сколько символический характер, подтверждая намерения Лондона продолжить ограниченное взаимодействие с Парижем при условии согласия со стороны Вашингтона. Великобритания «получила возможность продемонстрировать не только качество своего сотрудничества с Францией, но и высокий уровень подготовки частей, имеющих в Европе только у нее одной, а также еще раз напомнить о своем международном влиянии» [1, с. 249]. Однако неофициально с французской стороны отмечался недостаточный масштаб этой поддержки по сравнению с задачами, которые Парижу приходилось решать в регионе.

В 2013 году был подписан договор, предусматривающий пролонгацию Ланкастерских соглашений. Стороны договорились о программах создания беспилотников и противокорабельных ракет, а также активизировали сотрудничество в аэрокосмической сфере, решив привлечь к нему ФРГ.

Таким образом, в указанный период произошла активизация военно-политического и военно-технического сотрудничества двух стран благодаря подписанию Ланкастерских договоренностей и возвращению Франции в военную организацию НАТО. Для Парижа «ценой» этого сближения стала утрата высокого уровня собственной автономии в рамках Североатлантического альянса. Ею пришлось «пожертвовать» ради военно-политическо-

го взаимодействия с Великобританией и другими партнерами по ЕС, хотя причины военной реинтеграции Франции в альянс этим не ограничиваются. Со своей стороны, Лондон, идя на сотрудничество с Парижем, не намерен был отказываться от своих особых связей с Вашингтоном. Позиция Великобритании оставалась неизменной: дальнейшее развитие военно-политического взаимодействия с Францией было возможно только в условиях укрепления «трансатлантической связки», что не совсем вписывалось в планы Парижа, намеревавшегося, наоборот, добиваться «автономизации» европейского «центра силы».

Военно-политическое сотрудничество Парижа и Лондона в контексте Брекзита

Влияние Брекзита на двустороннее военное сотрудничество с Францией могло проявиться по-разному в рамках трех основных сценариев. Первый предполагал, что выход из ЕС Великобритании напрямую никак не отразится на двусторонних связях Франции и Британии, так как формально это сотрудничество не зависит от отношений Лондона с ЕС: проекты, реализуемые в рамках Ланкастерских соглашений, не находятся «под крышей» Евросоюза. По второму сценарию Брекзит, являясь сильным травмирующим фактором для стран — участниц ЕС и неся в себе значительный конфликтный потенциал, мог оказать сдерживающее влияние на весь комплекс двустороннего франко-британского взаимодействия, в том числе в военной сфере. Существовала и третья возможность, когда выход Британии из ЕС заставил бы ее искать пути сохранения двустороннего военно-политического сотрудничества с Францией в качестве связки со странами Евросоюза после формального разрыва с ним. Очевидно, что сегодня, четыре года спустя после британского референдума, фактически реализуется четвертый вариант развития событий, сочетающий элементы второго и третьего сценариев. С одной стороны, Брекзит, политика Д. Трампа в отношении союзников, а также коронакризис оказали сдерживающее влияние на военно-политические и военно-технические связи двух стран. Однако, с другой стороны, сохраняется значительная заинтересованность и Парижа, и Лондона не только в поддержании прежнего уровня этого взаимодействия, но и в его дальнейшем развитии.

Во Франции отдавали предпочтение третьему сценарию, несмотря на то что переговоры о выходе Великобритании из ЕС проходили сложно и официальный Париж считал Брекзит большой ошибкой англичан. Привлечение к дальнейшему военно-политическому сотрудничеству в рамках ЕС Великобритании позволяло Франции решить сразу несколько важных задач. Во-первых, это позволило бы сохранить Британию в орбите ЕС, несмотря на Брекзит, и тем самым усилить совокупный военный потенциал и соответствующее внешнеполитическое влияние Евросоюза. Во-вторых, в новых условиях именно военно-политическое сотрудничество двух стран рассматривалось Парижем в качестве «структурирующего элемента» всей системы франко-британских отношений [22], иначе говоря, являлось ключом к развитию двустороннего взаимодействия Франции с Британией и на других направлениях. В-третьих, через Лондон можно было бы попытаться наладить более гармоничный диалог с Вашингтоном, склонив его к поддержке идеи автономной европейской обороны в той или иной форме, а также улучшить отношения с проблемными «новичками» Евросоюза из числа стран Центральной и Восточной Европы.

В Париже надеялись на то, что, покинув ЕС, Лондон займет более лояльную позицию по отношению к Парижу в вопросах двустороннего военно-политического и военно-технического сотрудничества. Эти надежды имели под собой определенное основание: Великобритания в контексте Брексита начала поиск дополнительных «точек опоры», что проявилось в том числе в виде особой политики по отношению к КНР, которая далеко не во всем совпадала с американскими подходами [2, с. 114]. В этом же ряду можно рассматривать и демонстрацию заинтересованности Лондона в развитии военно-политических и военно-технических связей с Парижем. Британия понимала, что «после выхода из интеграционного объединения к ней могут потерять интерес ее традиционные партнеры внутри ЕС. Отсюда, Лондону важно было зафиксировать новые военные договоренности с французской стороной, в частности, расширить географию взаимодействия и поддержать французские операции в Африке» [2, с. 115].

Характеризуя политику Франции, необходимо отметить заинтересованность официального Парижа в том, чтобы укрепить

геополитическую роль ЕС. С этой точки зрения взаимодействие в условиях пост-Брекзита с таким важным и сильным в военном отношении союзником, как Великобритания, должно вписываться во французский проект реформирования европейского интеграционного процесса, предполагающий укрепление «европейского суверенитета» [10; 17, с. 221—241], одновременно подчеркивая роль Франции в этом процессе.

В Стратегическом обзоре по вопросам обороны и национальной безопасности военно-политическому взаимодействию Франции с Великобританией уделено почти такое же внимание, как отношениям с Германией. Отмечается, что, несмотря на Брекзит, необходимо встроить Британию в систему двустороннего сотрудничества в сфере обороны и таким образом сохранить «привилегированные отношения» Франции с единственной европейской ядерной державой, обладающей «глобальными амбициями», силами ядерного сдерживания и способностью проводить «операции высокой интенсивности». Подчеркнуто, что Британия и Германия являются стратегическими партнерами Франции в сфере обмена разведанными, что позволяет создать «европейское пространство безопасности» [23, с. 62].

В развитие Ланкастерских соглашений продолжено практическое взаимодействие по основным трекам. Особое внимание уделяется сотрудничеству в ядерной сфере, которое во Франции рассматривается в качестве специального механизма, призванного крепче привязать Великобританию к Европе после Брекзита [19]. По оценкам французских экспертов, взаимодействие двух стран в ядерной сфере, заложенное Ланкастерскими соглашениями, «в целом развивалось хорошо» [13]. Во Франции и в Великобритании созданы специальные базы для моделирования испытаний ядерного оружия, заменившего реальные ядерные взрывы [20]. Для этого с 2014 года начато совместное использование специальной технической установки, функционирующей под эгидой французского Комиссариата по ядерной энергии в г. Вальдук. С 2018 года инициированы общие работы в британском Олдермастоне. Предполагается, что на полную мощь эти центры заработают с 2022 года. Вместе с тем французские эксперты высказывали опасения, что падение темпов роста ВВП Велико-

британии, вызванное Брекзитом, заставит ее больше экономить и свернуть это сотрудничество [13].

Активизировалось и оперативное взаимодействие двух стран. В качестве его успешных примеров на официальных французских сайтах приводятся операции в Сирии (совместно с американскими войсками), а также в Мали и ЦАР. Осуществляется совместное морское и воздушное патрулирование. Проведены общие военные учения. В Африке Париж «охотно сотрудничает на двусторонней основе с государствами со сходной военно-стратегической культурой, прежде всего с США и Великобританией, пытается привлечь к этому сотрудничеству и континентальных союзников» [4].

Начато создание предусмотренных Ланкастерскими договоренностями франко-британских Комбинированных экспедиционных сил (CJEF – Combined Joint Expeditionary Force) численностью от 5 тысяч до 10 тысяч человек, предназначенных для самостоятельного применения или же для использования в операциях, проводимых под эгидой НАТО, ЕС, ОБСЕ, ООН. Последние, состоявшиеся до пандемии коронавируса учения CJEF прошли в октябре 2019 года. Помимо британских и французских сил к участию в них были привлечены также военные из Дании, Норвегии, Германии и США. По сообщению журнала французских Военно-морских сил, с 2020 года CJEF будут полностью готовы и смогут проводить военные операции «высокой интенсивности», в том числе на территории противника [18].

Оперативное взаимодействие дополнено сотрудничеством в разработке и производстве вооружений, что позволит разделить груз финансовых затрат. В рамках деятельности европейского ракетного концерна MBDA запущены программы противокорабельных ракет [7], реализация которых считается во Франции главным успешным франко-британским проектом. В совместном парламентском докладе, подготовленном в 2018 году и посвященном военно-политическим и военно-техническим связям двух стран, отмечается, что взаимодействие в деле создания новой ракетной техники является «становым хребтом» всей системы франко-британского сотрудничества [21].

Характеризуя французские подходы к вопросам военно-политического и военно-технического взаимодействия с Великобри-

танией в условиях пост-Брекзита, нельзя не упомянуть о том, что политика Франции на этом направлении остается двойственной и противоречивой. Официальный Париж, с одной стороны, призывает к усилению «европейской военной автономии», однако, с другой стороны, заявляет о том, что франко-британское военно-техническое сотрудничество не только не противоречит укреплению так называемой трансатлантической связки, но и строится в соответствии с целями и задачами НАТО. Причины во многом обусловлены тем, что Франция ограничена в своих возможностях продвигать идею автономной европейской обороны, слабыми местами которой «остаются забюрократизированность, противоречия между национальными и коллективными интересами, разногласия между европейцами и атлантистами, недостаток финансов и т. д.» [3]. Взаимодействие Франции и Великобритании в сфере разработки ракетной техники развивается при координации с другими союзниками, прежде всего с США [21]. Приоритет отдается взаимодополняемости систем вооружений, которыми располагают союзники, чтобы при необходимости проводить совместные операции. Франко-британская ракетная программа открыта и для других стран ЕС. В условиях Брекзита она должна демонстрировать прочность двусторонних связей в области обороны и безопасности [21].

Как рассчитывают в Париже, Франция и Великобритания должны сотрудничать в рамках инициированной Э. Макроном в сентябре 2017 года Европейской инициативы по вторжению, организационное оформление которой начато в июне 2018 года, но пока ограничиваются регулярными встречами на уровне министров обороны в целях согласования «общей стратегической культуры». Страны — участницы Инициативы (Германия, Бельгия, Дания, Испания, Эстония, Франция, Голландия, Португалия, Великобритания, Финляндия, Швеция, Норвегия, Италия) хотели бы «иметь возможность осуществлять интервенцию без каких-либо географических или тематических ограничений» [16]. В конце 2019 года практическим шагом в рамках реализации Инициативы стало присутствие двух кораблей французского и голландского ВМФ в Ормузском проливе.

Приведенные выше факты показывают, что в первое время после референдума по Брекзиту было начато претворение в жизнь

третьего, наиболее оптимистического сценария развития франко-британских военно-политических отношений, предполагающего, что обе стороны попытаются частично компенсировать негативные последствия формального разрыва связей Великобритании с ЕС. Вместе с тем в дальнейшем воплощение в жизнь этих планов проходило не так гладко, как это первоначально ожидалось. Как отмечает французский эксперт Ф. Моро из Института международных стратегических исследований Франции (IRIS), Великобритания всегда блокировала европейские инициативы, призванные повысить автономию ЕС в военной сфере и вызывавшие «гнев» Вашингтона. По мнению Моро, независимо от того, насколько близки друг другу «стратегические культуры Франции и Британии» и насколько значительно взаимопонимание между их вооруженными силами, «всегда будет существовать президент х Штатов, который скажет “нет” франко-британскому сотрудничеству и даже евро-британскому сотрудничеству, зашедшему, с его точки зрения, слишком далеко» [19]. По этой причине по инициативе Лондона были заморожены или отменены многие перспективные европейские военные программы. Существенно замедлена реализация европейского проекта «Галилео», призванного обеспечить ЕС собственной системой спутниковой связи, «похоронены» совместные проекты создания новых вооружений — ядерной подводной лодки, морского фрегата, авианосца нового поколения, танка, дрона [19].

В ряде важных сфер Лондон и Париж продолжали конкурировать, а не взаимодействовать между собой. Так, Великобритания предпочла партнерство со Швецией по проекту разработки самолета-истребителя шестого поколения Tempest, тогда как Франция объединила усилия с Германией и Испанией, разрабатывая практически аналогичную систему SCAF [6]. Непросто продвигались и совместные работы над новой противокорабельной ракетой: Лондон закупил в США многофункциональные истребители F-35 и поставил вопрос о совместимости с американской техникой франко-британских разработок, что не было поддержано Парижем [15].

Препятствия на пути развития двустороннего военно-политического сотрудничества не являлись чем-то новым в совместной франко-британской повестке. Трудности были связаны прежде

всего с различным видением во Франции и в Великобритании роли и места франко-британских военно-политических отношений в трансатлантическом сотрудничестве. Если Париж стремился укрепить ЕС в качестве автономного европейского «центра силы», то Лондон, наоборот, добивался более тесной привязки европейских военно-политических и военно-технических проектов к НАТО и США.

Во французской экспертной среде препятствия объясняют прежде всего спецификой британской политики, ориентированной на США. Несмотря на часто повторяемую французскими руководителями «мантру» о том, что европейская оборона не только не противоречит интересам альянса, а, наоборот, способствует его усилению, практически все американские администрации с большим или меньшим подозрением относились к самостоятельным европейским проектам в военно-политической сфере. Д. Трамп был настроен еще более категорично, чем его предшественники. С его точки зрения, если европейские военно-технические проекты и имеют право на существование, то только в рамках НАТО, под контролем Вашингтона и при существенном наращивании финансового вклада европейцев в «общее дело» альянса.

Э. Макрон видит систему европейской обороны иначе, чем Трамп, в качестве основы для более самостоятельного европейского курса, а военно-политическое сотрудничество Парижа и Лондона рассматривает как способ консолидации европейского «центра силы», несмотря на формальный выход Британии из ЕС. Иначе говоря, главным мотивом, которым руководствуется Франция в своих отношениях с Великобританией, является ее намерение усилить Европу по отношению к США, тогда как Вашингтон, опираясь на Лондон, наоборот, стремится этого не допустить. Очевидно, что в рамках этих отношений Парижу не удастся полностью реализовать свою основную цель и создать автономную систему европейской обороны. Как подчеркивает ведущий специалист по этим вопросам, член административного совета европейского исследовательского центра «Наша Европа» (Notre Europe) Н. Ньезотто, Европе сегодня необходимо найти «третий путь» между «ультралиберализмом и авторитарным популизмом» [12], тогда как европейская оборона может стать реальностью только в том случае, если США сами уйдут из Европы [9].

В более отдаленной перспективе эта тенденция может укрепиться. Позиции Британии, направляющейся в «свободное плавание» и претендующей на глобальную роль, могут оказаться еще более ослабленными по отношению к ее крупнейшим международным партнерам, прежде всего США. Выступая 7 февраля 2020 года в Военной школе, Э. Макрон вновь заявил об актуальности франко-британского сотрудничества, настаивая на достигнутом «высоком уровне взаимного доверия», которое, в частности, находит проявление в ядерном сотрудничестве двух стран. «Брекзит ничего здесь не меняет», — торжественно провозгласил в своей речи французский Президент [11]. Вместе с тем нельзя исключать, что в результате Брексита Лондон станет еще более сговорчивым союзником по отношению к Вашингтону. В этих условиях любые важные решения в военно-политической сфере, принимаемые в Великобритании, будут еще более тщательно, чем раньше, согласовываться с Соединенными Штатами. Франко-британские военно-технические и военно-политические связи здесь не являются исключением. Разыгрывая свою европейскую партию, Лондон, однако, не хочет сильно раздражать Вашингтон и тем более не намерен отказываться от особых отношений с США. В этих условиях Париж неизбежно вынужден будет согласиться на более плотный контроль со стороны Вашингтона над совместными франко-британскими проектами или же просто от них отказаться.

Перспективы военно-политического и военно-технического сотрудничества Франции и Великобритании зависят как от общей эволюции всей международной системы, так и от развития этих стран в условиях пост-Брексита и посткоронакризиса. Оценке долгосрочной перспективы этих связей сегодня препятствует высокий уровень неопределенности. Вместе с тем в ближайшем будущем приход на высший пост в Вашингтоне Дж. Байдена внесет новые краски в трансатлантические отношения, что создаст определенные дополнительные возможности для военно-политического сотрудничества Лондона и Парижа. Однако можно ожидать, что в целом подходы США к вопросам развития НАТО и роли в альянсе стран ЕС не претерпят радикальных изменений. Вашингтон будет по-прежнему с подозрением оценивать все попытки европейцев добиться большей самостоятельности в воен-

но-политических делах и сделает всё возможное для того, чтобы их лучше контролировать. Отправляясь в «свободное плавание», Великобритания может сохранить или даже укрепить свои «особые отношения» с США. В этом случае Франция, декларируя свое стремление к усилению «автономной системы обороны Европы», тем не менее вынуждена будет с этим считаться. Скорее всего, в ближайшей перспективе военно-политические и военно-технические связи Парижа и Лондона получают определенное развитие, однако препятствующие этому факторы сохраняют свою актуальность.

Франко-британские военно-политические связи и последствия пандемии коронавируса

Другим сдерживающим военно-политические и военно-технические связи Франции и Великобритании фактором является кризис, вызванный пандемией коронавируса, который неизбежно отразится на всех сферах жизни как французского, так и британского обществ. В свете пандемии меняются представления о том, что действительно угрожает будущему человечества, каковы реальные, а не мнимые риски для жизни людей, а также о том, насколько совершенны механизмы и инструменты, позволяющие находить ответы на эти вызовы. Переоценке подвергается вся ранее существовавшая система координат. Эпидемия, вспыхнувшая в Китае, за короткий срок распространилась на весь мир, привела к сотням тысяч жертв, причинив огромный ущерб мировой экономике.

Современный французский дискурс по международной «ковидной» тематике строится вокруг двух основных идей. С одной стороны, звучит мысль о том, что на первое место должна быть поставлена забота об устойчивом развитии, экологии и о здоровье людей. Приоритетной является задача создания таких условий, которые позволили бы максимально быстро справляться с подобными эпидемиологическими кризисами, не допускать их разрастания и «переплескивания» (spill-over) в другие области, прежде всего в мировую экономику. Решение столь масштабных задач невозможно без объединения усилий всех стран. Широкое международное сотрудничество могло бы предполагать сознательное перераспределение средств из сферы военного произ-

водства в область медицины и научных исследований. На начальном этапе распространения пандемии во многих странах мира именно тема гуманитарного международного сотрудничества вышла на первый план, тогда как геополитика почти полностью ушла в тень. Однако, с другой стороны, звучит мысль о том, что новая система международных отношений может оказаться еще менее стабильной и более опасной в том случае, если правительства отдельных государств, используя популистскую риторику, захотят воспользоваться кризисом в своих собственных интересах, перекладывая ответственность на другие страны и народы. Отсюда делается вывод о том, что в новых условиях необходимо «держать порох сухим», и взгляд на мировое развитие сквозь призму геополитики сохраняет свою актуальность [8].

Представление о том, как пандемия влияет на развитие европейских военных программ, включая франко-британские проекты, дают статьи, размещенные на сайте расположенной в Брюсселе ассоциации «Finabel», с 1950-х годов специализирующейся на изучении и прогнозировании развития европейского ВПК [14]. Как считают авторы одного из обзоров, под влиянием пандемии коронавируса ущерб будет причинен как европейскому ВПК, так и непосредственно вооруженным силам, а также новым европейским программам в области обороны. Если пандемия продлится долго, программы будут заморожены из-за отсутствия должного финансирования и закрытия границ между странами ЕС. Исходя из среднесрочного прогноза, пострадают крупнейшие компании европейского ВПК, особенно секторы, разрабатывающие новые технологии. В своих оценках отдаленных последствий кризиса авторы доклада идут еще дальше, отмечая, что в случае длительного течения эпидемии все европейские инициативы по созданию собственных оборонительных структур будут отложены или даже аннулированы [14]. Вместе с тем складывается впечатление, что авторы обзора, представляющие европейские военные компании, несколько сгущают краски в стремлении добиться от правительств более значительной помощи и дополнительного финансирования. Судя по упомянутым выше высказываниям официальных лиц, власти не собираются полностью «бросать на произвол судьбы» европейский ВПК и будут по возможности поддерживать его развитие.

Заключение

Таким образом, в первые годы после британского референдума 2016 года двусторонние военно-политические и военно-технические связи Франции и Великобритании были активизированы. Продолжалась реализация разработанной ранее объемной и амбициозной франко-британской программы военно-технического сотрудничества. В Париже рассчитывали, по возможности, увязать ее с политикой, направленной на развитие системы европейской обороны. Двустороннее франко-британское сотрудничество проходило в координации и с привлечением возможностей других стран ЕС и НАТО. Вместе с тем этот процесс продвигался вперед медленнее, чем предполагалось. Проблемы были обусловлены прежде всего сохраняющимися концептуальными расхождениями Франции и Великобритании относительно роли Вашингтона в развитии этих связей и уровня автономии будущей системы европейской обороны. Кроме того, наращивание «военных мускулов» не является традиционной «специализацией» современной Европы, что также отражалось на развитии двустороннего военно-политического сотрудничества Парижа и Лондона. Страны ЕС предпочитали уделять внимание другим проблемам, поддерживая социальную сферу и всё то, что связано с улучшением жизни граждан. Новым фактором, препятствующим быстрому развитию военно-политического взаимодействия двух стран, стала пандемия коронавируса, заставляющая правительства перераспределять средства, направляя их на поддержку населения, стимулирование экономики и борьбу с безработицей. Сложно предположить, что в ближайшие годы будет сделан рывок в развитии военно-политического сотрудничества Франции и Великобритании. Вместе с тем нельзя исключать, что и в новых, посткоронавирусных условиях Париж продолжит постепенно продвигать идею превращения ЕС во влиятельного геополитического «игрока» на международной арене и после кризиса возобновит свои попытки в той или иной форме встроить в этот процесс британский военный потенциал.

Литература

1. *Андреева Т. Н.* Современное состояние англо-французского военно-промышленного сотрудничества (2010—2015 гг.) // Франция на пороге перемен: экономика

- и политика в начале XXI века/отв. ред.: А. В. Кузнецов, М. В. Клинова, А. К. Кудрявцев, П. П. Тимофеев. — М.: ИМЭМО РАН, 2016. — 285 с.
2. Годованюк К. А. Т. Мэй подтверждает военное партнерство с Францией и торговые связи с Китаем // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2018. — № 1. — С. 111—117.
 3. Зуева К. П., Тимофеев П. П. Франция перед актуальными вызовами внешней и внутренней безопасности (2017—2018 гг.) // Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2090> (дата обращения: 19.04.2020).
 4. Сидоров А. С. Франция в Сахеле: текущие проблемы и возможное развитие военного конфликта // Cyberleninka. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/frantsiya-v-sahеле-tekuschie-problemy-i-vozmozhnoe-razvitie-voennogo-konflikta> (дата обращения: 19.04.2020).
 5. Франция в поисках новых путей / под ред. Ю. И. Рубинского. — М.: Весь мир, 2007. — 621 с.
 6. Barotte N. Armées: Coopération militaire franco-britannique // Le Figaro. — 18.10.2019.
 7. Bernard Ph. Le Brexit pese sur la cooperation de défense franco-britannique // Le Monde. — 21.09.2018.
 8. Coronavirus: «Ma crainte, c'est que le monde d'après ressemble au monde d'avant, mais en pire», dit Jean-Yves Le Drian // Le Monde. — 20.04.2020. — URL: https://www.lemonde.fr/international/article/2020/04/20/jean-yves-le-drian-ma-crainte-c-est-que-le-monde-d-apres-ressemble-au-monde-d-avant-mais-en-pire_6037128_3210.html (accessed: 09.04.2020).
 9. Défense: Europe, quelles divisions? // France-culture. — 15.02.2020. — URL: <https://www.franceculture.fr/emissions/affaires-etrangeres/defense-europe-queelles-divisions> (accessed 19.04.2020).
 10. Discours d'Emmanuel Macron pour une Europe souveraine, unie, démocratique. 26 septembre 2017 // Elysee. — 26.09.2017. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2017/09/26/initiative-pour-l-europe-discours-d-emmanuel-macron-pour-une-europe-souveraine-unie-democratique/>(accessed: 20.04.2019).
 11. Discours du Président Emmanuel Macron sur la stratégie de défense et de dissuasion devant les stagiaires de la 27ème promotion de l'école de guerre // Elysee. — 07.02.2020. — URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2020/02/07/discours-du-president-emmanuel-macron-sur-la-strategie-de-defense-et-de-dissuasion-devant-les-stagiaires-de-la-27eme-promotion-de-lecole-de-guerre> (accessed: 09.04.2020).
 12. Gnesotto N. L'Europe indispensable. — CNRS Editions, 2019. — 60 p.
 13. Guibert N. Le nucléaire, cheville de la relation de défense franco-britannique. Le Brexit fragilise les projets militaires communs relancés en 2010 par le traité de Lancaster // Le Monde. — 19.01.2018. — URL: https://www.lemonde.fr/europe/article/2018/01/19/le-nucleaire-cheville-de-la-relation-de-defense-franco-britannique_5243883_3214.html (accessed 20.04.2020).
 14. How COVID-19 may impact the European Defence. 17.03.2020 / European Army Interoperability Centre. — URL: <https://finabel.org/how-covid-19-may-impact-the-european-defence/>(accessed: 09.04.2020).
 15. Le Brexit et la coopération franco-britannique de défense? // RFI. — 06.01.2019. — URL: <http://www.rfi.fr/fr/emission/20190106-defense-cooperation-franco-britannique-charles-verpilliere-marines> (accessed: 19.03.2020).
 16. L'Initiative européenne d'intervention. Objectifs et mise en œuvre de l'Initiative européenne d'intervention / Ministère de défense. — URL: <https://www.defense.gouv.fr/espanol/dgris/action-internationale/environnement-proche/royaume-uni> (accessed: 19.04.2020).
 17. Macron E. Revolution. — XO Editions, 2016. — 268 p.
 18. Manche-mer du Nord — Une région stratégique pour la Marine // Cols Bleus. Décembre 2019. — Nr. 3084. — URL: <https://www.colsbleus.fr/articles/11833> (accessed 19.04.2020).

19. *Mauro F.* Défense européenne: faire le deuil de l'Angleterre // IRIS. — 20.12.2019. — URL: <https://www.iris-france.org/143050-defense-europeenne-faire-le-deuil-de-langleterre/> (accessed: 25.04.2020).
20. Partenariat franco-britannique de défense et de sécurité: améliorer notre coopération. Rapport — novembre 2018 / Institut Montaigne. — URL: <https://www.institutmontaigne.org/publications/partenariat-franco-britannique-de-defense-et-de-securite-ameliorer-notre-cooperation> (accessed 19.04.2020).
21. Rapport d'information déposé par la Commission de la défense nationale et des forces armées et la Commission de la défense de la Chambre des Communes en conclusion des travaux d'une mission d'information conjointe sur la prochaine génération de missiles anti-navires // Assemblée Nationale. — 18.12.2018. — URL: http://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/rapports/cion_def/115b1493_rapport-information (accessed: 19.04.2020).
22. Relations bilatérales // MAE. — 26.07.2019. — URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/dossiers-pays/royaume-uni/rerelations-bilaterales/> (accessed: 20.04.2020).
23. Revue stratégique de défense et de sécurité nationale 2017. Paris. 2017 / Ministère de défense. — URL: <https://www.defense.gouv.fr/dgris/presentation/evenements/revue-strategique-de-defense-et-de-securite-nationale-2017> (accessed 20.04.2020).
24. Royaume Uni / Ministère de défense. — URL: <https://www.defense.gouv.fr/espanol/dgris/action-internationale/environnement-proche/royaume-uni> (accessed: 20.04.2020).

Шематинова Екатерина Андреевна,

Атташе Посольства России в Пакистане,
стажер, Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Ekaterina A. Shematinova,

Attaché of the Russian Embassy in Pakistan,
Post graduate student,
Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: katshe@mail.ru

«СЕВЕРНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ»: РЕГИОНАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ЕС В ПРОЦЕССЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

NORTHERN DIMENSION: EU REGIONAL PARTNERSHIP IN THE PROCESS OF TRANSFORMATION

Аннотация: в статье проанализированы роль региональной подсистемы в Европейском союзе на примере политики «Северного измерения», история ее возникновения, институциональный состав и развитие на современном этапе. Особое внимание уделено четырем партнерствам (по транспорту, здравоохранению, культуре и окружающей среде). Проанализирована роль «Северного измерения» для России, поскольку в его рамках происходит социальное и гуманитарное сотрудничество, ведется политическое и экспертное взаимодействие, формируется общее пространство безопасности, ставятся вопросы стабильности и устойчивого развития всего большого региона, включающего в себя страны ЕС, Норвегию, Исландию и Россию. Подчеркнута важная роль, которую играет взаимодействие по Арктике: устойчивое развитие, сохранение мира и безопасности, исследование ресурсного потенциала. Делается вывод о перспективности развития «Северного измерения», однако подчеркивается сложный геополитический контекст сотрудничества на современном этапе.

Ключевые слова: «Северное измерение», Европейский союз, интеграция, политика партнерства, региональные подсистемы, регион, Северо-Балтийская восьмерка, Россия.

Abstract: the article analyzes the role of regional subsystems in the European Union with an example of the Northern Dimension, its history, institutions and reasons of urgency at the present stage. Special attention is paid to four main Partnerships (transport, health, culture and environment). It also analyzes the role of Northern Dimension for Russia, as within its frameworks social and humanitarian cooperation is exercised. ND gives the ground for successful political and expert consultations, forms common grounds of regional security, raises the issues of stability, sustainable development and prosperity of big region which includes EU member-states, Norway, Iceland and Russia. The important role of interaction in the Arctic is emphasized: sustainable development, preservation of peace and security, research in the field of resource potential. It is also concluded that the development of the ND is promising, but it is also emphasized that the geopolitical context of cooperation at the present stage is complex.

Key words: Northern Dimension, European Union, integration, Partnerships, regional subsystems, region, Nordic-Baltic eight, Russia.

Введение

Региональные подсистемы в качестве составных элементов Европейского союза можно рассматривать как субъекты, способствующие созданию единой идентичности на общеевропейском пространстве, так и, наоборот, в качестве субъектов, «разламывающих» карту ЕС на отдельные крупные регионы. В последнее время (после разрушения Бреттон-Вудской валютной системы, Первого энергетического кризиса 1973 года, а также после учреждения Европейской системы в 1979 году, которые сыграли важную роль в развитии новых направлений интеграции) произошел так называемый неофункционалистский «перелив» (spill-over) [19, с. 10]¹ изначального предназначения региональных объединений, большая часть которых укрепились политически и экономически. На момент создания они представляли собой «клубы по интересам», объединяющие страны со схожей политической, социально-экономической и культурной судьбой. Их развитие предполагало выравнивание уровней развития на пространстве крупной региональной подсистемы внутри Европейского союза, создание общей идентичности ряда схожих/соседних стран для упрощения их перехода в ЕС [9]. Некоторым региональным объединениям удалось не только достичь поставленной цели, но и стать самостоятельными игроками на европейском пространстве, формирующими его политическую географию.

Исторические предпосылки создания «Северного измерения»

Одним из региональных объединений является подсистема «Северное измерение» (СИ). Она была инициирована в 1999 году, но до середины 2000-х годов не получила эффективного развития и была возрождена только в 2006 году [2, с. 37—38]. Уже в ноябре 2006 года совместный проект Евросоюза, Норвегии, Исландии и России начал свою активную работу. В соответствии с рамочным документом (от 24 ноября 2006 г.) объединение ох-

¹ «Неофункционализм как интеграционная теория ставит во главу угла динамику интеграции. Неофункционалистская концепция строится вокруг центрального стержня, который Э. Хаас (ведущий автор, развивавший идеи неоф.) определил как “перелив”, т.е. логику интеграционной экспансии, постепенно распространяющейся из одной экономической отрасли на другие».

ватывает географическую область «от арктических и субарктических регионов Европы до южных берегов Балтийского моря, включая соседние страны, и от Северо-Запада России на востоке до Исландии и Гренландии на западе» [16]. «Северное измерение» в данном случае можно считать именно неформальным региональным объединением стран, тесно взаимодействующих друг с другом (для сравнения — Вышеградская группа или Северо-Балтийская восьмерка в ЕС могут рассматриваться в качестве субрегиональных группировок, т.е. институционально оформленных интеграционных объединений). В случае дальнейшего интеграционного процесса, развития общих политических/экономических внутрирегиональных институтов, создания более сложной региональной сети превращение в субрегиональную группировку не исключается, однако на современном этапе говорить о подобной трансформации преждевременно.

Изначально программа СИ создавалась по образцу уже существовавшего «Средиземноморского измерения» (с 1995 г.) — испанской инициативы для политического и экономического диалога стран южной Европы и Средиземноморья. Идею о необходимости создания субрегиональной политики северных стран ЕС впервые высказал премьер-министр Финляндии Е. Ахо в 1994 году накануне вступления страны в Евросоюз. Затем, в сентябре 1997 года, новый финский премьер-министр П. Липпонен представил оформленную инициативу на Конференции стран Баренцева региона. Позднее, в декабре того же года, финское правительство передало проект на рассмотрение Европейскому совету. После прохождения соответствующих процедур к саммиту министров иностранных дел 1999 года в Хельсинки структура «Северного измерения» была подготовлена и одобрена [22, с. 12].

Формальное начало новому этапу в развитии северной инициативы дала встреча министров иностранных дел ЕС в Брюсселе в 2005 году. Благодаря усилиям Финляндии возрождение северной политики стало одним из приоритетов Евросоюза. Во время ее второго председательства в ЕС в 2006 году был выработан функционирующий до сегодняшнего дня рамочный документ, определяющий природу и институциональную форму партнерства (вступил в силу 1 января 2007 г.).

«Северное измерение» — это пример субрегиональной интеграции отдельных стран Северной Европы со схожей политической, исторической и культурной судьбой. Интеграция проходит неоднородно, в меньшей степени затрагивая Россию, которая участвует в совместных проектах и играет важную роль в региональной политике, однако «стоит особняком», не вмешиваясь в процесс создания общей идентичности. В ряде северных/скандинавских стран, странах ЕС, прозрачность границ, обмен валютой, успешно функционирующие региональные экономические, финансовые, социальные институты, внутрорегиональная миграция и возможность трудоустройства специалистов в странах региона являются позитивными стимулами для формирования такой идентичности. Постепенно размываются границы национальных государств, ранее представлявших мощную силу. Среди стран Евросоюза с разной скоростью продолжается передача суверенитета на наднациональный уровень. Северный регион Европы показывает позитивные результаты в вопросах интеграции и демонстрирует положительную динамику в рамках экономического и социального сотрудничества (для всего региона в равной степени характерны: высокие уровни экономического развития и жизни населения, положительный прирост производства, низкий уровень безработицы).

Важным фактором в формировании региональной подсистемы является безопасность. Политика стран СИ в сфере обеспечения безопасности представляется продолжением политики середины 1990-х годов. Уже в 1994 году скандинавские страны создали программу «NORDAC», в соответствии с которой обеспечивался обмен информацией, закупками/обслуживания [29] при том понимании, что страны не создавали единую военную стратегию, а «облегчали» себе жизнь, кооперируясь в практических (технических) оборонных вопросах. В 2000 году было создано объединение по оборонному сотрудничеству «NORCAPS» («Северное соглашение по координации ради поддержки мира»), нацеленное на координацию усилий северных стран в миротворческих операциях. С 2009 года действует норвежская инициатива оборонного сотрудничества «NORDEFCO».

Говорить о возможности создания единой территории безопасности либо налаживании серьезного оборонного сотрудни-

чества в рамках СИ не актуально. Серьезным препятствием для этого является необходимость кооперации между ЕС, скандинавскими странами и Россией, что в условиях «антироссийской» позиции западных стран фактически невозможно.

В случае с СИ Россия не является ключевым фактором, препятствующим созданию единой оборонной стратегии. Отсутствие «общего видения угроз и вызовов» [11], общего врага или понимания того, что требует первостепенной защиты (идентичность, территория, арктические земли, суверенитет и т. п.), затрудняет ведение общей политики обороны и безопасности. Если удастся успешно преодолеть искусственные барьеры — перспективы на данном направлении имеются.

Секьюритизация региона [11, с. 27—28] может непосредственно влиять на процессы интеграции: в современных условиях европейские страны сталкиваются с необходимостью скорейшего прохождения интеграционных процессов для передачи всей полноты своего суверенитета, включая политическую и экономическую власть, на наднациональный уровень Брюсселю (что успешно используется для стимулирования военно-политического сотрудничества), учитывая культивируемый страх перед Большим соседом — Россией. Вопрос общеевропейской безопасности в целом, а также безопасность отдельного европейского региона (в том числе северного, без участия России), в частности, активно эксплуатируется институциональным центром ЕС, что выгодно используется для наращивания темпов внутриевропейской интеграции. Северные страны при этом не спешат политизировать свою оборонную политику, однако готовы к большей интеграции и наращиванию объемов сотрудничества.

Интеграция северных стран Евросоюза представляет собой показательный пример создания субрегиональной единицы. Сопряжение идентичностей этих стран — по сути, создание общего жизненного пространства, включающего в себя всё: от политических программ до единых банков, сетей торговых центров, университетов и др. Таким образом, в северном регионе в границах Европейского союза продолжает формироваться субрегиональная структура. Она основывается на общих исторических, политических и культурных ценностях, однако, как и многие дру-

гие региональные подсистемы, в то же время становится базисом для надстройки общих европейских норм и ценностей, в том числе политики в отношении России.

«Северное измерение»: участники

«Северное измерение» является важным региональным объединением как для Европейского союза, так и для северного европейского региона и отдельных входящих в него стран.

Для Финляндии как страны-инициатора политики СИ важным фактором является возможность осуществления сотрудничества с соседними странами, а также укрепление связей с ЕС и Россией.

Норвегия и Исландия в большей степени ориентированы на «прикладные» партнерства в рамках «Северного измерения». В частности, Норвегия активно участвует в проектах укреплении региональной кибербезопасности.

Для Брюсселя СИ помимо очевидного преимущества сотрудничества с экономически развитыми скандинавскими странами является площадкой для взаимодействия с Москвой [30]. Решение Еврокомиссии от 24 июля 2019 года выделить финансирование на 2019—2020 годы [23], обоснованное необходимостью расширения взаимодействия с Российской Федерацией в текущем политическом контексте, предполагает сотрудничество в ключевых для ЕС областях. Для ЕС партнерство в рамках «Северного измерения» — позитивный пример прагматического и перспективного взаимодействия с Россией «вне политики». Во многом такой подход совпадает и с интересами нашей страны, в том числе для России на подобной площадке появляется возможность налаживания диалога по важным аспектам, таким как, например, сотрудничество в Арктике.

Арктическая стратегия является перспективным направлением совместного развития стран региона Северной Европы. В рамках СИ можно было бы успешно согласовывать общие цели и возможности практической их реализации. Политика северных стран Европы в Арктике строится на основе членства в Арктическом совете, Совете Баренцева/Евроарктического региона, Совете министров Северных стран, Совете государств Балтийского моря, ЕС. Страны «активно участвуют в организуемых этими

структурами мероприятий и ориентируются на Северное измерение и другие региональные программы ЕС» [10]. Территория приполярных районов рассматривается североевропейскими странами как стратегическая площадка с политической, экономической и социальной точек зрения. В этом регионе находится уникальный ресурсный потенциал; здесь возможно военное измерение для наращивания потенциала взаимодействия; кроме того, Арктический регион является важным для изучения в условиях изменения климата и глобального потепления.

Подобные приоритеты присутствия в Арктике характерны и для России. Особый акцент — на использовании ресурсов для устойчивого развития, обеспечении мира и сотрудничества в Арктике, сохранении уникальных экосистем региона и развитии Северного морского пути в качестве единой транспортной коммуникации РФ [4].

Наиболее актуальной арктическая тематика становится в связи с председательством России в Арктическом совете в 2021—2023 годах. Российская сторона исходит из необходимости обеспечения безопасности в регионе, сохранения Арктики «в качестве зоны мира, сотрудничества и низкой военно-политической напряженности» [8]. Отмечается также важность укрепления сотрудничества арктических государств в области биобезопасности, противодействия новым угрозам (таким как распространение пандемии COVID-19), а также в области устойчивого развития Арктики. Таким образом, страны «Северного измерения» в рамках партнерств (например, по здравоохранению или защите окружающей среды) могли бы успешно развивать взаимодействие по сопряженным вопросам.

В целом в рамках СИ предполагается партнерство в социальных и гуманитарных областях (культура, здравоохранение, защита окружающей среды и т. п.). Совместная постановка и решение таких задач благоприятствует созданию пространства идентичности, укрепляет интеграционные процессы и благодаря диалогу помогает сглаживать противоречия между странами [5, с. 75]. Кроме того, СИ напрямую соотносится со Стратегией ЕС для стран Балтийского региона на период до 2030 года [18], Стратегией «Европа 2020» [3] и Повесткой ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года [14], поскольку

ставит схожие цели и задачи, изыскивает пути их реализации в регионе.

Официально Россия воспринимает СИ как перспективную площадку для взаимодействия. Министр иностранных дел РФ С. В. Лавров подчеркивает, что «Северное измерение остается широкой дорогой, открытой для продвижения позитивной повестки дня в этом регионе» [6, с. 75—76], способствует устойчивому развитию и равноправному сотрудничеству на севере Европы. В своем заявлении в ноябре 2020 года заместитель Министра иностранных дел России А. В. Грушко на онлайн-форуме «Северного измерения» подтвердил востребованность совместной работы для преодоления кризисных явлений в экономике стран региона, вызванных пандемией, а также для противодействия угрозам эпидемиологического характера [12].

Однако в целом взаимодействие по линии СИ ведется в сложных геополитических условиях. В ходе форума А. В. Грушко подчеркнул необходимость сохранения и развития СИ, несмотря на то что в условиях обострения глобальной конкуренции предпринимаются серьезные усилия, «чтобы ослабить и расколоть Большую Европу, вернуть ее к состоянию “холодного мира”, подорвать выстраивавшееся десятилетиями партнерство между нашей страной и ЕС» [12].

Охлаждение отношений России и европейских стран, обмен санкциями, заморозка ряда крупных проектов негативно влияют и на сотрудничество в рамках СИ (в частности, Европейский банк реконструкции и развития и Европейский инвестиционный банк с 2014 г. воздерживаются от финансирования новых экологических проектов в России [2]). Происходит политизация отношений во всех областях международного взаимодействия. Новым вызовом в 2020 году стало распространение коронавирусной инфекции в мире, что также снизило активность работы в СИ.

Исторические предпосылки и технические характеристики «Северного измерения»

«Северное измерение» представляет собой совместную политику четырех равноправных партнеров. В рамках программы сотрудничают страны — члены ЕС, Норвегия, Исландия и Россия,

в нескольких программах принимает участие Республика Беларусь. США и Канада имеют статус наблюдателей. Практическая реализация осуществляется в разных областях, включая ядерную безопасность, развитие здравоохранения, энергетический сектор, вопросы экологии, изменения климата, транспорта, логистики, торговлю и инвестиции, науку и проведение научных исследований, культурные проекты и др.

«Северное измерение» составляют четыре программы партнерства:

- 1) партнерство по культуре (Culture, PC);
- 2) природоохранное партнерство «Северного измерения» (Environmental, EP) (ППСИ);
- 3) партнерство по развитию транспорта и логистики (Transport and Logistics, PTL);
- 4) партнерство в области развития общественного здравоохранения и социального благосостояния (Public Health and Social Well-being, PHS).

Партнерство по культуре было создано в 2010 году. Его непосредственными участниками являются Европейская комиссия, а также министерства культуры Дании, Эстонии, Финляндии, Германии, Исландии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, России и Швеции. Учитывая культурное разнообразие стран региона, уникальное наследие каждой из них, под давлением глобализации и становления европейской идентичности партнерство помогает сохранить северный регион в его богатом культурном разнообразии. Среди целей участников программы заявлены: развитие национальных проектов, информационно-коммуникационный обмен; создание национальных и региональных сетей; использование современных технологий для знакомства и возможности доступа к культурному наследию стран северного региона [28].

Природоохранное партнерство существует с 2001 года и включает в себя проекты по ядерной безопасности, защите окружающей среды, изменению климата. Большая работа была проведена на территории России — по очистке сточных вод, модернизации станций очистки, утилизации отходов сельхозпроизводства, модернизации систем водоподготовки и водоснабжения и др. (табл. 1).

Таблица 1

**Примеры проектов в рамках природоохранного партнерства
«Северного измерения» (Россия)¹**

Наименование	Дата начала проекта	Стоимость	Грант от ППСИ
Очистка сточных вод в Гатчине	07.09.2012	€2.5 млн	€0.39 млн
Модернизация водопроводно-канализационного хозяйства в Пскове	03.12.2010	€27.4 млн	€6.5 млн
Модернизация 10 пригородных станций очистки сточных вод в Санкт-Петербурге	05.07.2010	€16 млн	€3.75 млн
Группа по осуществлению проекта утилизации отходов сельхозпроизводства в Ленинградской области	30.11.2009	€3.5 млн	€2 млн
Прекращение прямого сброса стоков в р. Неву в Санкт-Петербурге	08.07.2008	€562.6 млн	€24 млн

В последние годы крупных проектов по линии природоохранного партнерства в России не осуществлялось (несколько проектов было осуществлено в Белоруссии). Однако функционирует Фонд NDEP (около 40 млн долл. США) для осуществления международных (в том числе российских) проектов, соотносящихся с Парижским соглашением 2015 года и Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

Партнерство по транспорту и логистике (запущено в октябре 2009 г.) в последние годы функционирует заметно менее эффективно, чем другие. Членами являются министерства транспорта девяти северных европейских стран, Российской Федерации и Белоруссии. Его задачей является обеспечение связуемости стран региона: улучшение транспортной инфраструктуры, согласованное выстраивание транспортной политики на региональном и субрегиональном уровнях, строительство и развитие транспортных магистралей на севере региона.

Партнерство в области здравоохранения и социального благосостояния (запущено в октябре 2003 г.) — одно из наиболее активных среди направлений деятельности «Северного измерения» [27]. В его рамках реализуются 697 разных проектов, к участию в которых подключены 612 организаций, а в работу

¹ Данные официального сайта NDEP [26].

вовлечен непосредственно 451 специалист (руководители проектов, эксперты и т. п.). В частности, работает Ассоциация борьбы с ВИЧ — 8 проектов, 10 стран; Евроарктический совет стран Баренцева региона — 180 проектов, 3 страны; отделение Совета государств Балтийского моря по борьбе с инфекционными заболеваниями — 144 проекта, 9 стран; и др. [27]. Эксперты стран региона нацелены на совместную борьбу с ВИЧ, туберкулезом, инфекционными заболеваниями, алкогольной и наркотической зависимостью. Разрабатываются методики обслуживания пациентов, гигиены и охраны труда. Проводится работа по изучению здоровья нации, обсуждается вопрос старения населения [27].

Институционально к «Северному измерению» относится также Институт «Северного измерения» (ИСИ), Бизнес-совет «Северного измерения» и Парламентский форум «Северного измерения». В частности, ИСИ состоит из многочисленных научных и исследовательских институтов, сети университетов и специализированных центров. Фундаментальную базу ИСИ [7] составляют финский Университет Аалто, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (СПбГЭУ) и Северный Арктический федеральный университет им. М. В. Ломоносова. Кроме того, на постоянной основе проводится межведомственная координация и межправительственная работа стран региона Балтийского и Баренцева морей. Важную роль играют региональные финансовые институты (Европейский банк развития, Европейский инвестиционный банк, Северный инвестиционный банк и др.).

«Северное измерение» можно расценивать как наиболее актуальный проект для России, поскольку во многом его деятельность проецируется на нашу страну, а участники СИ рассматривают Россию в качестве равноправного партнера. Российский МИД подчеркивает, что платформа СИ необходима для практического обсуждения «вызовов и задач сотрудничества, стоящих перед Евроарктическим и Балтийским регионами», и сопряжения усилий [13]. В то же время в современных условиях Россия представляет большой интерес для стран Европейского союза. Существование действующей площадки для сотрудничества и осуществления совместных инициатив выгодно для обеих сторон в финансовом, политическом и социокультурном отношениях.

**«Северное измерение» на современном этапе:
российский угол**

Новый импульс «Северному измерению» принесло партнерство с Россией, присоединившейся к программе 24 ноября 2006 года. Общие для северных стран вызовы, единое культурное наследие и географическая близость участников СИ, упомянутые в политической декларации 2006 года [16], способствуют сплочению региона ради устойчивого развития и благополучия стран на севере Европы. В настоящем политическом контексте участие Москвы в европейском проекте можно рассматривать в качестве позитивной возможности создавать общую повестку в формате диалога на равноправных условиях.

Программа продолжает свое существование, не теряет актуальности, несмотря на очевидную антироссийскую политику Запада. В рамках «Северного измерения» реализуются совместные проекты — одно из косвенных подтверждений признания Европейским союзом необходимости сотрудничества с Россией, осознания общей политической и культурной судьбы, попытки выстраивания добрососедских отношений.

В соответствии с документами Еврокомиссии одним из важнейших интересов для ЕС представляется сотрудничество с Россией по линии природоохранного партнерства (правоприменительная практика и выработка норм в отношении выбросов технического углерода, исследования изменения климата, использования возобновляемых источников энергии и др.). По линии партнерства в сфере развития общественного здравоохранения и социального благосостояния приоритетными являются области борьбы с распространением инфекционных заболеваний, противодействие алко-, нарко- и табакозависимостям. Российский МИД отмечает, что санкции никак не повлияли на этот формат партнерства, поскольку, прежде всего, он представляет практический и прагматический интерес для обеих сторон (как для стран Северной Европы, так и для России) [15].

Европейский союз представляет собой уникальное явление нормативной силы, действующей по правилам, но в то же время прагматичной и гибкой, то есть в случае необходимости способной переписать/изменить существующие правила. Так, несмотря на санкционный режим, ЕС осознает необходимость сотрудни-

чества с Россией в ключевых социальных областях (здравоохранение, защита окружающей среды, транспорт и культура). Более того, без согласования с Россией, ее непосредственного одобрения и участия в региональных проектах их существование фактически бессмысленно. В 2019—2020 годах Еврокомиссией было выделено более 4 млн евро [30] (в виде грантов) на реализацию различных проектов СИ.

Полномасштабной реализации всех целей и задач СИ препятствует турбулентная политическая и экономическая ситуация в мире. По мнению Всемирного экономического форума, глобальными рисками на 2019 год были названы: экономические конфронтации, эрозия многосторонних торговых правил и соглашений, политические конфронтации, риск кибератак, утрата доверия к международным институтам безопасности. В 2020 году к этим рискам добавилось ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки в мире на фоне распространения пандемии COVID-19.

Страны «Северного измерения» осознают, что подобная субрегиональная программа является «удобной» площадкой не только для решения практических социальных и гуманитарных задач. В последние годы она используется также для ведения политического диалога, о чем свидетельствует проведение в 2019 году форума СИ в Санкт-Петербурге «Устойчивое развитие в эпоху глобальных изменений: факторы роста и (не)известные вызовы». На форуме российским и международным экспертам была предоставлена возможность обсудить политические проблемы и геополитические вызовы, дать оценку рискам, с которым сталкивается регион и весь мир.

За 20 лет своего существования региональное партнерство «Северное измерение» доказало свою практическую значимость. Несмотря на современное состояние отношений между Россией и западными странами, функционирование СИ является прямым доказательством необходимости сотрудничества стран региона для достижения совместных целей в рамках устойчивого развития, цифровизации, культурного обмена, сохранения мирового наследия, строительства транспортных артерий и здравоохранения. Площадка северной европейской программы партнерства — уникальная возможность диалога между бизнесом, экс-

пертным и научным сообществом и контактов между гражданами стран Северной Европы.

Северо-Балтийская восьмерка

Помимо «Северного измерения» в регионе постепенно «крепнет» новая субрегиональная группировка — Северо-Балтийская восьмерка (СБ-8, Nordic-Baltic eight). Данный региональный формат объединяет часть стран, входящих в «Северное измерение»; его задачи в некоторой степени соотносятся с задачами СИ. Тем не менее данные объединения существенно различаются, и их рассмотрение дает полную картину развития интеграции в регионе. Кроме того, пример такой более институционально оформленной субрегиональной группировки позволяет увидеть различия с региональным объединением «Северного измерения».

Как и большинство субрегиональных групп, Северо-Балтийская восьмерка развивается естественным образом ввиду близости стран, торгово-экономических связей, мобильности граждан на территории региона и уже начавшейся культурной и социальной интеграции [6, с. 67]. СБ-8 включает в себя Данию, Эстонию, Финляндию, Исландию, Латвию, Литву, Норвегию и Швецию. Страны на ротационной основе принимают на себя функции координатора для ведения совместной работы по разным направлениям. Первые встречи на высоком уровне состоялись в начале 1990-х годов, затем в ходе саммита министров иностранных дел стран Северной Европы и Балтийского региона в 2000 году изначальный формат 5+3 (пять северных и три балтийские страны) трансформировался в СБ-8.

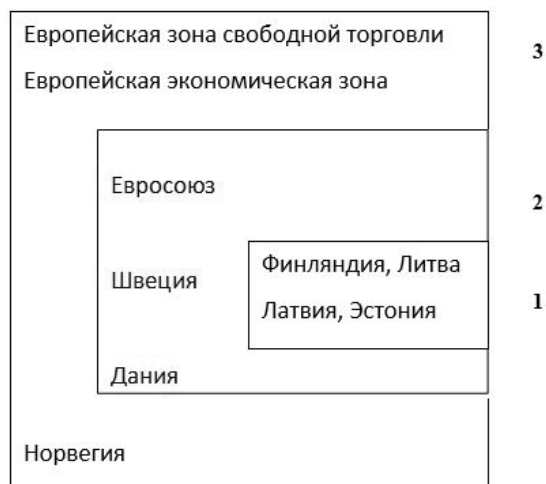
В настоящее время активное сотрудничество продолжается в ходе саммитов и встреч премьер-министров, депутатов парламентов, министров иностранных дел. Проводятся экспертные консультации и заседания рабочих групп по актуальной международной повестке. Формат сотрудничества всё еще находится на стадии развития, однако уже сегодня группировка представляет собой серьезную площадку регионального взаимодействия. Помимо решения непосредственных задач евроинтеграции и укрепления тесных связей с Брюсселем, СБ-8 налаживает связи и за пределами Евросоюза [25, с. 150]. Большое влияние

на развитие региона оказывает Россия, поскольку пять из восьми стран СБ-8 имеют с нашей страной общую границу. Вместе с тем интеграционная группировка ощущает на себе влияние США и НАТО, а также непосредственно взаимодействует с Бреттон-Вудскими институтами (такими как Всемирный банк и Международный валютный фонд), европейскими органами (например, Европейский банк реконструкции и развития, Европейский совет и др.) и международными организациями (ООН, ОБСЕ).

СБ-8 представляет собой крупное внутриевропейское объединение с населением около 33 млн человек, с общим ВВП, приближенным к 2 трлн долл. США. В совокупности это делает регион десятым по популяции и пятым по экономическим показателям в ЕС. Развитие внутри региона идет по разным направлениям: политическое, военное, экономическое, в области защиты окружающей среды, культурное и научное. В августе 2010 года соответствующие официальные институты, центральные банки, финансовые министерства и другие официальные органы всех восьми стран группы подписали трансграничное соглашение о финансовой стабильности. В 2013 году была одобрена «дорожная карта», которая отобразила потребности для укрепления внутрорегиональной координации и интеграционных процессов [20]. В документе особо подчеркивалась необходимость развития следующих направлений: налаживания сотрудничества в сфере образования, исследований и инноваций; кластерное взаимодействие между предпринимателями и индустриями; создание и развитие «зеленых» технологий и использование возобновляемой энергии в регионе; борьба с распространением заболеваний (ВИЧ, СПИД); развитие здравоохранения и социальных служб, а также поддержание общих ценностей (демократия, управление, гендерное равноправие, свобода слова, толерантность).

Страны СБ-8 находятся на разной стадии экономического развития, что обычно и создает предпосылки в регионе для создания интеграционной группировки (для выравнивания уровня жизни, экономических показателей и создания однородной структуры). Все страны группировки являются членами Европейской экономической зоны и участвуют в Шенгенском соглашении. Шесть стран из Восьмерки являются членами ЕС, две входят

в европейскую зону свободной торговли, а также четыре страны (члены Евросоюза) — полноценные участники «проекта» еврозоны и перешли на евровалюту на своей территории (рис. 1).

1. Еврозона (ЕЗ) — Финляндия (член ЕС с 1995 г., член ЕЗ с 1999 г.), Литва (член ЕС с 2004 г., член ЕЗ с 2015 г.), Латвия (член ЕС с 2004 г., член ЕЗ с 2014 г.), Эстония (член ЕС с 2004 г., член ЕЗ с 2011 г.).
2. Евросоюз — Швеция (с 1995 г.), Дания (с 1973 г.).
3. Европейская экономическая зона (ЕЭЗ) + Европейская зона свободной торговли (ЕЗСТ) — Норвегия (член ЕЗСТ с 1960 г., член ЕЭЗ с 1994 г.), Исландия (член ЕЗСТ с 1970 г., член ЕЭЗ с 1994 г.).

Рис. 1. Уровни евроинтеграции в СБ-8¹

Высокими темпами в регионе стран Северо-Балтийской восьмерки идет процесс цифровизации. В 2017 году во время председательства Эстонии в Таллине была учреждена совместная программа по развитию сетей 5G, принята декларация о цифровизации государственного управления. Постепенно на электронное управление переходят как официальные власти, так и представители малого и среднего бизнеса, крупные предприниматели, научные центры.

В последние годы в регионе ведется активная совместная работа по противодействию отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Несмотря на относительно спокойную ситуацию в области контртеррора в регионе, необходимость в развитии этого направления существует. В мае 2019 года финансовые регулирующие органы стран Северо-Балтийской вось-

¹ По материалам Г. Хилмарссона [25, с. 150].

мерки приняли решение о создании постоянной рабочей группы для взаимодействия в сфере ПОД/ФТ [21]. Ряд скандалов, связанных с отмыванием денег, стал причиной решения о начале институционализированной кооперации финансовых регуляторов Дании, Эстонии, Финляндии, Исландии, Латвии, Литвы, Швеции и Норвегии. В частности, по обнародованным сведениям крупного датского банка «Даньске Банк» (Danske Bank), эстонский филиал Банка заподозрили в отмывании крупных денежных средств (около 220 млрд долл.) в период с 2007 по 2015 год [24]. Рабочая группа для взаимодействия в сфере ПОД/ФТ станет специализированной площадкой для поддержания постоянного межправительственного контакта, обмена информацией и согласования планов действий.

Северо-Балтийская группа не является непосредственно межправительственной или международной организацией с институционализированными органами управления и координации. Тем не менее потребность в сотрудничестве между схожими странами региона, расположенными на соседних территориях, есть. Естественное течение интеграции приводит к формированию устойчивых региональных связей между соседними государствами, которые реагируют на процессы, протекающие в Евросоюзе. Для их понимания и постепенной адаптации без существенных экономических потерь и «психологических» барьеров (при наличии существенного отставания евроновичков от стран-основательниц ЕС) необходимо создание подобных субрегиональных группировок, в рамках которых происходит поиск слабых мест региона и постепенное выравнивание. Укрепляется связуемость, налаживается и отстраивается трансграничная инфраструктура, растет внутрирегиональная трудовая/кадровая миграция, увеличиваются социальные, культурные, научные связи. Всё это способствует сплоченности региональной группировки как структурной части Европейского союза. Решение первостепенной задачи — помощь в интеграции — приводит к постепенной трансформации группировки. Она начинает работать в целях собственного развития, то есть преследует уже цели региона, страны-члены начинают осознавать силу в своем единстве и диктовать условия (по крайней мере, предлагать компромисс) Брюсселю.

Тенденцией последних лет является также трансрегиональное сотрудничество группировок в рамках самого Евросоюза. Так, СБ-8 и другие региональные подсистемы, например Вышеградская группа, «научились» координировать позиции по актуальным для себя вопросам, в частности оба субрегиональных интеграционных объединения не приемлют идею «Европы разных скоростей». Обе группировки воспользовались структурной основой регионального объединения для завершения интеграционных процессов на своих территориях. В соответствии с необходимостью страны передали на наднациональный уровень систему управления и часть собственного суверенитета, однако в рамках малого наднационального объединения — субрегиональных группировок — оставили за собой право защищать суверенитет и интересы как региона, так и отдельных стран.

Опасения вызывают антироссийские заявления стран СБ-8, в особенности балтийских стран (Латвия, Литва, Эстония), которые выбирают наиболее жесткую риторику по отношению к России. Особую «динамику появлению новых антироссийских инициатив» придали события на Украине. В этой связи в странах Балтии активизировались «национал-радикальные группы, которые стремятся воспользоваться политической конъюнктурой для уменьшения влияния русской диаспоры» [17].

В целом важным фактором трансформации ЕС постепенно становятся региональные подсистемы, изначально созданные в качестве институтов помощи для «безболезненной» интеграции новых стран-членов в ЕС. На сегодняшний день они всё больше политизируются и вмешиваются в систему управления Евросоюзом, лоббируя собственные интересы. Региональные группировки выполняют сразу несколько новых функций. Прежде всего, усиливают региональную интеграцию: укрепляется региональное взаимодействие, сотрудничество между странами региона помимо экономического распространяется на социальную, культурную, гуманитарную сферы. Растет инфраструктурная связуемость региона, отвечающая задаче создания систем региональной безопасности. Совместно прорабатывается современная и актуальная международная повестка (кибербезопасность, «зеленая» энергетика и др.). Опасаясь остаться на «периферии» европейского развития, страны (в частности Северной Европы)

сплачиваются в региональные объединения и получают возможность не только влиять на европейские процессы, но и налаживать связи за пределами ЕС, в том числе с Россией.

Литература

1. *Бажанов Е. П., Бажанова Н. Е.* Многополюсный мир. — М.: Восток-Запад, 2010. — 464 с.
2. *Вуоренпяя М. Л.* Северное измерение: Взаимовыгодное сотрудничество сегодня и в будущем // Современная Европа. — 2019. — № 3. — С. 35—39.
3. Европейская стратегия 2020 // Сайт Европейской Комиссии, [текст Стратегии «Europe 2020»]. — URL: <https://ec.europa.eu/eu2020/pdf/COMPLET%20EN%20BARROSO%20%20%20007%20-%20Europe%202020%20-%20EN%20version.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).
4. *Журавель В. П.* Трансформация арктической стратегии и политики стран Северной Европы: позиция России // Доклады Института Европы. Современная Европа: 60 лет после Римских договоров. — М.: Ин-т Европы РАН, 2017. — С. 38—47.
5. *Зверева Т. В.* Региональная политика как фактор сплочения государств-членов в условиях «поликризиса» ЕС // Очерки по истории стран европейского Средиземноморья: сб. — СПб.: Алетейя. — 353 с.
6. *Зверева Т. В.* Северо-Балтийская группа в меняющейся Европе // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2019. — № 2 (20). — С. 64—77.
7. Здоровые люди: управление изменениями через мониторинг и действия // Официальный сайт ИСИ. — URL: <http://www.northerndimension.info/ru/ndi-network-rus/projects-rus/healthier-people-rus> (дата обращения: 21.01.2020).
8. Интервью Посла по особым поручениям МИД России Н. В. Корчунова международному информационному агентству «Россия сегодня», 28 июля 2020 г. // Сайт МИД России. — URL: https://www.mid.ru/arkticskij-sovet/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/4261064 (дата обращения: 11.12.2020).
9. *Карлович О., Троянский М.* Многополярность формируется в реальном мире // Международная жизнь. — 2020. — № 8. — С. 84—96.
10. *Коньшев В., Сергунин А.* Северная Европа: общий арктический вектор // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. — 2011. — № 24. — С. 10—13.
11. *Надточей Ю. И.* Модели оборонной кооперации на северном и восточном фланге ЕС (опыт «Нордена» и Вишеградской группы) // Сравнительная политика и геополитика. — URL: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-26-40> (дата обращения: 12.01.2020).
12. О выступлении заместителя Министра иностранных дел А. В. Грушко на онлайн-форуме «Северного измерения» // Сайт МИД России. — URL: https://www.mid.ru/web/guest/maps/no/-/asset_publisher/f4MKo6byouc4/content/id/4449238 (дата обращения: 21.11.2020).
13. Об участии заместителя Министра иностранных дел А. А. Панкина в заседании старших должностных лиц инициативы «Северного измерения» (сообщение для СМИ) // Сайт МИД России. — URL: https://www.mid.ru/severnoe-izmerenie/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3560744 (дата обращения: 20.01.2020).
14. Повестка ООН по устойчивому развитию 2030 // Официальный сайт ООН, раздел Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН. — URL: <https://sdgs.un.org/2030agenda> (дата обращения: 19.01.2020).
15. Приветствие Министра иностранных дел России С. В. Лаврова организаторам и участникам X Форума «Северного измерения» от 05.04.2019 // Официальный сайт МИД России. — URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/news//asset_publisher/sKNonkJE02Bw/content/id/3602667 (дата обращения: 10.02.2020).
16. Рамочный документ по политике «Северного измерения» // Сайт Кремля. — URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3736> (дата обращения: 20.01.2020).
17. *Симонян Р.* Страны Балтии и России в контексте украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. — Т. 63. — 2019. — № 9. — С. 61—68.

18. Стратегия ЕС для стран Балтийского региона 2030 // Сайт EUSBSR (EU Strategy for the Baltic Sea region), July 6, 2020. — URL: <https://www.balticsea-region-strategy.eu/attachments/article/591133/EUSBSR%20Action%20Plan%20%20NCG%20agreed%20final%20version%2006%2007%202020%20PDF%20ht.pdf> (дата обращения: 19.01.2020).
19. *Стрежнева М. В.* Теории Европейской интеграции // Международные организации и международная интеграция. Вестник Московского университета. — Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. — 2009. — № 1. — С. 35.
20. Baltic Energy Market Interconnection Plan // Сайт Европейской комиссии, [текст «дорожной карты» СБ-8 от июля 2013 г.]. — URL: https://ec.europa.eu/energy/sites/ener/files/documents/20142711_6th_bemip_progress_report.pdf (accessed: 27.01.2020).
21. Nordic-Baltic Cooperation (NB8) // Сайт Министерства иностранных дел Эстонии. — URL: <https://vm.ee/en/nordic-baltic-cooperation-nb8> (accessed: 11.07.2020).
22. *Catellani N.* Outlining the Northern Dimension: toward regional cooperation in Northern Europe // Towards a New and Larger EU, Published by Utrikespolitiska Institutet. — URL: <http://www.catellani.info/wp-content/uploads/2014/04/UI-Report1.pdf> (accessed: 18.01.2020).
23. Commission Implementing Decision of 24.7.2019. Brussels, 24.7.2019. C (2019) 5639 final // Сайт Европейской комиссии. — URL: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/sites/near/files/c20195639_final.pdf (accessed: 21.03.2020).
24. Financial results first nine months 2020 / Danske Bank. — URL: <https://danskebank.com/investor-relations/reports> (accessed: 20.01.2020).
25. *Hilmarsson H.* (2019) The Nordic Baltic Region and European Integration: Economic, Political and Security Concerns // Journal of Applied Management and Investments. — Vol. 8. No. 3. — P. 147—158.
26. Northern Dimension Environmental Partnership // Официальный сайт природоохранного партнерства «Северного измерения». — URL: <https://nder.org/projects/> (accessed: 21.01.2020).
27. Northern Dimension Partnership in Public Health and Social Well-being // Официальный сайт партнерства в области здравоохранения. — URL: <https://www.ndphs.org/> (accessed: 21.01.2020).
28. Northern Dimension Partnership on Culture // Официальный сайт партнерства «Северного измерения» по культуре. — URL: <https://www.ndpculture.org/home> (accessed: 21.01.2020).
29. *Voss A., Major C., Molling C.* The State of Defense Cooperation in Europe // Stiftung Wissenschaft und Politik Working Paper. — December 2013. — No. 3.
30. 2021—2027 long-term EU budget & Next Generation EU // Официальный сайт Европейской комиссии. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/eu-budget/long-term-eu-budget/eu-budget-2021—2027_en (accessed: 08.01.2020).

Мамедов Ильгар Махалович,

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Институт славяноведения РАН, Москва.

Ilgar M. Mamedov,

Ph. D. (History),
Senior Research Fellow,
Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow.
E-mail: ilgarmm@yandex.com

**БАЛКАНСКАЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В.****TURKEY'S BALKAN POLICY IN
THE LATE XX — EARLY XXI CENTURY**

Аннотация: распад социалистического лагеря и образование многополярного мира вызвали необходимость пересмотра со стороны Турции своей внешнеполитической стратегии. Основу современной политики Турции заложил президент Т. Озал, восстановивший внешнеполитические подходы Ататюрка, которые были прерваны в годы холодной войны. Развивая эту стратегию, А. Давутоглу заложил концептуальные основы, разработал стратегию и принципы внешней политики. Балканы стали одним из региональных приоритетов. Современная политика Турции на Балканах эволюционировала от этапа войн в 1990-е годы через евроатлантическую интеграцию в 2000-е годы до самостоятельного курса в 2010-е годы. Каждый из этапов имел свои особенности, когда доминировали военные, политические, экономические или гуманитарные аспекты. Политика Турции не лишена противоречий, которые можно назвать «балканской дилеммой».

Ключевые слова: Балканы, балканская дилемма, озализм, стратегическая глубина, Турция.

Abstract: the collapse of the socialist camp and the formation of a multipolar world order necessitated Turkey to review its foreign policy strategy. The foundation of modern Turkish policy was laid by President T. Ozal, who restored Ataturk's foreign policy approaches, which were interrupted during the Cold War. Developing this strategy, A. Davutoglu established the conceptual foundations, elaborated the strategy and principles of foreign policy. The Balkans have become one of the regional priorities. Turkey's modern policy in the Balkans has evolved from the stage of wars in the 1990s through Euro-Atlantic integration in the 2000s to an independent course in the 2010s. Each of the stages had its own characteristics when military, political, economic or humanitarian aspects dominated. Turkey's policy is not without contradictions, which can be called the "Balkan dilemma".

Key words: The Balkans, the Balkan dilemma, ozalism, strategic depth, Turkey.

После распада социалистического лагеря Турция активизировалась на Балканском полуострове. Изменяющееся международное положение поставило перед Турцией новые задачи.

В предлагаемой статье рассматриваются основы новой внешнеполитической стратегии Турции, предлагается периодизация современной балканской политики Турции и раскрываются ее противоречия.

Новая стратегия и реакция на балканские войны

После распада социалистической системы и СССР, а также после разрушения Югославии в 1991 году начала формироваться новая мировая система, которая требовала пересмотра внешней политики Турции. Началась дискуссия о том, каково будет направление турецкой внешней политики в новом тысячелетии. Эта дискуссия была тесно связана с обсуждениями идентичности Турции в новых исторических условиях. По мнению некоторых турецких ученых, Анкара должна отдать приоритет новым независимым государствам на Кавказе и в Центральной Азии и создать новые связи, основанные на общей идентичности «тюркости». По мнению других ученых, Турция должна иметь гораздо более религиозно ориентированную внешнюю политику и стараться улучшать свои отношения с теми странами, где есть мусульманское большинство населения. Третья точка зрения заключалась в том, что европейская ориентация Турции должна сохраниться, как это было во время холодной войны. В результате у экспертов сложилось мнение, что, хотя Турция и должна следовать по европейскому пути, она также не должна игнорировать новые независимые государства в соседних регионах, а также другие государства, которые пренебрегаются великими державами [13, с. 165].

Внешнюю политику Турции после окончания холодной войны связывают с именем Тургута Озала, ставшего президентом Турции в 1989 году. Конец холодной войны Т. Озал рассматривал как возможность для Турции проводить свою собственную независимую внешнюю политику, построенную на общей культуре и истории в большом Евразийском регионе, в котором Балканы занимали уникальное место [16, с. 4]. Турецкие ученые полагают, что внешнеполитическая линия Т. Озала была явным отходом от политики невмешательства Турции в региональные дела, в том числе на Балканах [14, с. 373].

Непосредственным поводом для вовлечения Турции в события, происходящие на Балканах, стали война в Боснии и Герце-

говине в 1992—1995 годах и кризис в Косово в 1998—1999 годах. Первоначально Турция поддерживала территориальную целостность Социалистической Федеративной Республики Югославии и полагала, что ее распад вызовет цепную реакцию и приведет к региональной нестабильности. Поэтому Турция признала независимость Словении и Хорватии только после того, как это сделали страны ЕС и США. Турция в целом действовала в рамках политики своих западных партнеров. Однако во время войны в Боснии и Герцеговине (БиГ) Анкара начала проявлять некоторую самостоятельность и предприняла ряд политических шагов. Турция в 1992 году выступила с инициативой в Совете Безопасности ООН, в Стамбуле в 1993 году провела конференцию министров иностранных дел Балканских стран, в 1995 году подписала с БиГ военное соглашение и, несмотря на эмбарго ООН, поставляла туда оружие. Президент С. Демирель в 1995 году направил письмо Генеральному секретарю ООН Бутросу-Гали с осуждением международного сообщества перед лицом трагедии в БиГ. Действия Турции охватывали, правда только избирательно, и военную сферу. Во время бомбардировок авиацией НАТО позиций боснийских сербов в ходе операции «Обдуманная сила» в 1995 году турецкие воздушные силы в них не участвовали. Вместе с тем Анкара предприняла с Вашингтоном совместные шаги по перевооружению и обучению хорватско-мусульманской армии в рамках американской программы «Обучение и оснащение» [7, с. 380—382].

Косовский кризис стал другим вызовом для Турции [см. подробнее: 18]. Она выдвигала политические инициативы и предпринимала дипломатические действия. В 1998 году министр иностранных дел Турции И. Джем встречался с Президентом Союзной Республики Югославия (СРЮ) С. Милошевичем, принял участие в боннском совещании членов Контактной группы для урегулирования ситуации в Косово. В Анкаре состоялась встреча военных представителей Турции, США, Болгарии, Македонии, Румынии, Албании и Словении, где обсуждался вопрос создания миротворческих сил на Балканах [3, л. 35—36]. Президент С. Демирель призвал усадить враждующие стороны за стол переговоров и направил лидерам стран — участниц Контактной группы по Косово и Президенту СРЮ С. Милошевичу письмо с призывом добиваться мирного урегулирования конфликта [3, л. 45—47].

Из-за опасений репрессий против местных турков со стороны албанцев и ухудшения отношений с СРЮ Турция косовский сепаратизм не поддерживала. В 1999 году И. Джем направил послание генеральным секретарям ООН и НАТО, Действующему председателю ОБСЕ, своим коллегам в США, России, Франции, Великобритании, Германии и Италии, посвященное косовской тематике [4, л. 3—4]. В Бухаресте он участвовал в совещании министров иностранных дел Болгарии, Греции, Румынии, Северной Македонии и Турции по ситуации в Косово [2, л. 9]. В качестве гуманитарной акции в Турции были размещены более 16,2 тысяч косовских беженцев [1, л. 16].

Важнейшим средством турецкой политики было участие в миротворческих операциях ООН, НАТО и ЕС. В Косово в 1999 году около 1000 турецких солдат находились в рамках международной миротворческой операции. Около сотни турецких полицейских были направлены для участия во Временной гражданской администрации [22]. По данным на 30 ноября 1994 года, Турция предоставила 1464 военнослужащих для Сил ООН по охране, находящихся в Хорватии и БиГ, согласно резолюции 743 Совета Безопасности ООН от 21 февраля 1992 года. Силы ООН в 1995 году были заменены миссией ООН в БиГ. Представители Турции входили в состав миссии — более 2000 персонала гражданской полиции. По состоянию на октябрь 2011 года личный вклад Турции в операции и учебные миссии НАТО составлял около 3200 человек. Сейчас численность военнослужащих Турции в операции НАТО по поддержанию мира в Косово составляет 246 человек [см.: 7, с. 382—384].

В 2001 году были начаты политические консультации в целях возобновления связей с СРЮ. И. Джем в Белграде встретился с Президентом В. Коштуницей, премьер-министром З. Джинджичем, министром иностранных дел Г. Свилановичем [5, л. 88]. Этот первый с 1992 года официальный визит министра иностранных дел Турции в Белград рассматривался как поворотный пункт в двусторонних отношениях.

Оглядываясь на основной курс турецкой активности в 1990-е годы, можно констатировать, что страна была ориентирована на политику и безопасность, оставалась в рамках западной политики, а участие в миротворческих операциях ООН и НАТО стали

основными средствами этой политики. США и НАТО были главными игроками на полуострове.

Евроатлантическая интеграция Балканских стран в 2002—2009 годах

Турецкие авторы О. Тюр, А. Хан и О. Октав период после 1998 года характеризуют как переход от традиционной к многомерной внешней политике. Начиная с 1999 года министр иностранных дел И. Джем сыграл ключевую роль в этом изменении внешней политики, применив активный и многомерный внешнеполитический подход. Именно в этот период Турция получила от ЕС статус страны-кандидата и наладила отношения с бывшими противниками, такими как Греция, Сирия и Иран [26, с. 16]. Пять лет, последовавшие за вторжением в Ирак в 2003 году, были продолжением процесса поиска новой основы для турецкой внешней политики, начавшегося в 1999 году [26, с. 22]. В то время как традиционная элита рассматривала Турцию как западную и светскую страну с точки зрения ее политической идентичности, другие рассматривали ее, прежде всего, как страну, которая является частью исламской цивилизации, мусульманской страной с сильными западными «связями» [26, с. 23].

По оценкам турецких специалистов, реальные изменения во внешней политике Турции начались после начала нового тысячелетия [27, с. 412]. «Усилия по расширению связей Турции с регионами, где она имела прочные исторические связи, получили большой импульс при правлении Партии справедливости и развития (ПСР) и были в значительной степени подвержены влиянию доктрины “стратегической глубины”» [12, с. 58—60], выработанной А. Давутоглу, премьер-министром и министром иностранных дел Турции, который концептуально обосновал и развил политику, проводимую Анкарой со времен президентства Т. Озала.

С точки зрения географии Турцию, находящуюся посередине обширной земной суши Афроевразии, А. Давутоглу определил как центральную страну со множеством региональных характеристик. С исторической и культурной точки зрения Турция является в том числе балканской страной. А. Давутоглу отмечал, что после периода холодной войны предметом глобальной политики стали горячие зоны военного противостояния и чувствительные

регионы, которые являются пересечением трех характеристик: геополитические зоны стратегического вакуума, геоэкономические транспортные, в том числе энергетические, районы и геокультурные зоны столкновений [11, с. 77—79, 88].

По мнению А. Давутоглу, Балканы являются одним из трех важнейших геополитических регионов, геополитической основой внешнеполитической стратегии, направленной на укрепление международных позиций Турции [10, с. 118]. Возникновению кризиса в Боснии и Косово способствовали три основные глобальные структурные противоположности: во-первых, имел место конфликт интересов на глобальном уровне между США и Европой; во-вторых, существовали противоречия между англо-французской осью, а также Германией и Россией; в-третьих, произошел перенос конфликтов, вызванных этой борьбой, на уровень международных организаций и в сферу международного права [10, с. 292—293]. Дейтонское соглашение, по мнению А. Давутоглу, представляло собой лишь временное решение и не затрагивало причин боснийского конфликта [10, с. 304—305]. Поскольку албанский вопрос так и остался нерешенным, он считал, что Балканы будут оставаться зоной конфликта интересов и борьбы за власть. США имеют свои собственные интересы в регионе, независимые и часто конфликтующие с двумя другими доминирующими интересами — немецкими и русскими. По этой причине США встали на сторону боснийцев и албанцев во время кризиса на Балканах, чтобы переместить региональный баланс в свою пользу и усилить собственное влияние [10, с. 298—300].

Для Турции важно, чтобы Санджак, Косово и Босния, районы Балкан с большим мусульманским населением, оставались связанными. Для А. Давутоглу БиГ — политическая, экономическая и культурная платформа Турции в Центральной Европе, а Албания играет ключевую роль в политике Турции в отношении Восточного Средиземноморья и Адриатического региона. С геополитической и геокультурной точки зрения будущее всего региона зависит от будущего боснийцев и албанцев. Линия, которая идет от средней Боснии над Восточной Боснией, Санджаком, Косово, Албанией, Македонией, Кырджали в Болгарии, а затем заканчивается в Западной и Восточной Фракии, для Турции представляет собой геополитическую и геокультурную зону на Балканах [10, с. 317].

На момент прихода ПСР к власти в 2002 году начинался новый период в истории стран региона. После окончания в 2001 году последнего конфликта в Македонии в серии балканских войн полуостров начал претерпевать серьезные изменения. Страны, нуждающиеся в экономическом восстановлении и обеспокоенные своей безопасностью, заявили о стремлениях к евроатлантической интеграции. Они рассчитывали, что ЕС поможет в экономическом восстановлении, а НАТО обеспечит безопасность. Началось послевоенное восстановление региона и вступление стран Балкан в НАТО и ЕС. В 2004—2009 годах из девяти стран, вступивших в НАТО, пять были балканскими. В 2004—2007 годах к ЕС присоединились 12 государств, из них три были балканскими. Расширение евроатлантических институтов шло избирательно. В итоге в начале XXI века регион, как и ранее, продолжал состоять из трех групп государств: (1) члены ЕС и НАТО — Болгария, Греция, Румыния, Словения и Хорватия; (2) члены НАТО — Албания, Турция и Черногория; (3) «бесхозные» — БиГ, Македония и Сербия.

В этих условиях Турция представляла большой интерес для стран региона, поскольку ее экономика находилась на подъеме, она сама была балканской страной, поддерживала евроатлантическую интеграцию стран региона, являлась членом НАТО и с 1999 года являлась страной — кандидатом в ЕС. В совместном стремлении балканских стран к членству в НАТО и ЕС Турция, будучи членом Североатлантического альянса и кандидатом на вступление в ЕС, усмотрела важнейшее средство для обеспечения своих региональных интересов. Однако в 2006 году ЕС прервал переговоры с Турцией о членстве, которые велись с 2005 года. В 2009 году разразился европейский долговой кризис, который крайне негативно отразился на экономическом положении балканских стран. К концу 2000-х годов, когда расширение ЕС и НАТО на Балканах в целом завершилось и начался экономический кризис, интерес Запада к региону заметно ослаб.

В этот период двусторонние политические отношения Турции с балканскими странами приобрели важнейшее значение, и она начала их укреплять. Наиболее интенсивно, хотя и не без противоречий, развивались политические отношения Турции с Грецией, Болгарией и Сербией, самыми значимыми государствами

Балканского региона. Албания, БиГ, Македония важны для Анкары в силу того, что в этих странах проживает многочисленное мусульманское и турецкое население. Развитию отношений между Турцией и балканскими странами способствовало создание совместных структур: были образованы межправительственные комиссии и советы сотрудничества высокого уровня, проходили совместные заседания кабинетов министров под председательством глав государств или правительств, на которых стороны достигали соглашений по отдельным вопросам. Особое внимание Анкара уделяла безопасности и стабильности в регионе, а также положению турок и мусульман.

По мнению турецкого ученого Д. Экинчи, решения, принятые Турцией в отношении Балкан в период после 2000 года, происходили на фоне косовского фиаско. Косовский эпизод подтвердил, что Турция является важным действующим лицом в балканских делах не только с точки зрения принятия решений, но и в процессе их осуществления. В течение 2000—2008 годов статус Косово преобладал над другими проблемами, вызывающими озабоченность на Балканах, и турецкая политика была направлена на получение своей выгоды от урегулирования этого вопроса [14, с. 379].

Исследователи того периода критиковали внешнюю политику Турции и выдвинули два основных обвинения: во-первых, внешняя политика Анкары по-прежнему ориентировалась на Запад и строилась на основе политики НАТО, между тем такая ориентация не принесла желаемых результатов. Во-вторых, Турция не сумела воспользоваться возможностями, представившимися ей после распада Советского Союза [8, с. 133].

Подобные высказывания турецких экспертов отражали мысль, что новые геополитические реалии не допускают того, чтобы их практиковали на основе идеологии, восходящей к периоду 1923—1990 годов. Перед Турцией стояла задача проводить собственный курс, не зависящий от диктата Европы и США. Ей следовало отражать новые угрозы, разумно использовать представляющиеся возможности [8, с. 134].

На этапе послевоенного восстановления и евроатлантической интеграции в 2000-е годы доминирующей силой в регионе стал ЕС. В этот период главным средством балканской политики

Турции было продолжение участия в миротворческих операциях ЕС и НАТО, а также в миссиях наблюдения ОБСЕ. Турция поддерживала интеграцию Балкан в западные институты. Будучи участником одного из них и кандидатом в другой, интересы Турции и балканских стран совпадали, и сотрудничество с ними в этом направлении, казалось, отвечало ее интересам. Турция и балканские страны — члены альянса в рамках НАТО обладали равным статусом. С балканскими странами — кандидатами в ЕС Турция работала в аналогичном качестве страны-кандидата. Однако равноправие в рамках ЕС, которое было в Североатлантическом альянсе, перестало существовать, поскольку между Турцией и ЕС официальные переговоры о вступлении были заморожены, что поставило Турцию и балканские государства — члены ЕС в разное статусное положение. С учетом завершения военной миссии НАТО в БиГ и сведения до минимума военного присутствия альянса в Косово, а также ввиду прекращения переговоров с Евросоюзом о вступлении наряду с расширением и углублением противоречий между Турцией, США и ЕС евроатлантические институты перестали быть полезными для обеспечения интересов и реализации политики Турции на Балканах. Анкара начала действовать самостоятельно.

Самостоятельный курс: 2010—2020 годы

Политика Турция активизировалась на двустороннем и многосторонних форматах. Успешное экономическое развитие Турции подталкивало ее к экономической активности на Балканах, которая проявила себя уже в 2000-е годы. С момента прихода к власти ПСР экономика Турции начала быстро развиваться. Валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения в текущих ценах в 2019 году вырос более чем в 2,4 раза по сравнению с 2002 годом, достигнув отметки 9,043 долл. США. Валовой национальный доход на душу населения в текущих ценах в те же годы вырос 2,7 раза и достиг 9,610 долл. Годовая инфляция в розничных ценах упала в 3 раза, достигнув отметки 15,2%. Удельный вес торговли в ВВП вырос с 47,5% в 2002 году до 61,4% в 2019 году. Наблюдался небольшой рост безработицы — с 10,7% в 2002 году до 13,7% в 2019 году [28]. В 2017 году стоимость экспорта товаров Турции выросла на 10,1% и достигла 157,0 млрд долл. Им-

порт также увеличился на 17,7% и достиг 233,8 млрд долл. США [29, с. 344].

Тесные исторические, культурные и религиозные связи делают Турцию естественным партнером для балканских стран и регионов со значительным мусульманским населением, таких как Албания, БиГ, Македония и Косово. Турция имеет двусторонние соглашения о свободной торговле с Албанией, БиГ, Хорватией, Македонией, Черногорией и Сербией [25].

Согласно базе данных ООН по коммерческой торговле, в 2002—2018 годах объем экспорта Турции в Албанию, БиГ, Болгарию, Грецию, Македонию, Словению, Сербию, Хорватию и Черногорию вырос с 1,4 млрд до 9,1 млрд долл. США. Импорт из этих стран в Турцию также увеличился с 927 млн до 5,9 млрд долл. США. Видно, что Турция практически в 2 раза больше продает, чем покупает. Правда, удельный вес балканских стран в общем объеме экспорта Турции в 2018 году составил 5,8%, а в импорте и того меньше — 2,5% [см.: 29, с. 34—35, 76—77, 84—85, 116—117, 154—155, 234—235, 260—261, 306—307, 316—317, 344—345].

Самыми крупными партнерами Турции стали Болгария, общий объем торговли с которой в 2018 году превысил 5 млрд долл., Греция — более чем 4 млрд, Словения — 1,7 млрд и Сербия — 1,5 млрд долл. США. Далее следуют БиГ, Хорватия, Македония, Албания и Черногория [см.: 29, с. 34—35, 76—77, 84—85, 116—117, 154—155, 234—235, 260—261, 306—307, 316—317, 344—345].

Другим направлением турецкой политики стала гуманитарная сфера. Здесь Турция действует главным образом посредством Фонда и Института им. Юнуса Эмре, Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТАСК), Управления по делам религий (Diyanet) (Дианет).

Фонд им. Юнуса Эмре — это общественный фонд, созданный в 2007 году. Институт им. Юнуса Эмре, который начал свою деятельность в 2009 году, является структурным подразделением Фонда, занимается реализацией его целей. Представительства Института имеются почти во всех балканских странах — Албании, БиГ, Косово, Македонии, Румынии, Сербии, Хорватии и Черногории. В Косово и БиГ существуют три представительства. Помимо расположенных в столицах, действуют также представительства

в Пече и Призрене, а также в Мостаре и Фойнице. В Албании и Румынии работают два представительства, расположенные в Шкодере и Констанце. Фонд им. Юнуса Эмре оказывает содействие знакомству с Турцией, турецким языком, а также с ее историей, культурой и искусством, способствует укреплению дружбы между Турцией и странами региона путем расширения культурных связей. Институт, в свою очередь, помимо проведения курсов турецкого языка организывает культурные и художественные мероприятия в целях продвижения культуры Турции, а также поддерживает научную деятельность в этом направлении [6].

Турция также активно действует на Балканах посредством Турецкого агентства по сотрудничеству и координации. На Балканах ТАСК имеет свои отделения в Албании, Биг, Косово, Македонии, Румынии, Сербии, Черногории и Хорватии [20]. ТАСК стало исполняющим посредником турецкой внешней политики. Оно сконцентрировано на сотрудничестве в области образования и культуры, строит школы, библиотеки, лаборатории и обеспечивает университеты техническим оборудованием. С 2000-х годов в соответствии с важными изменениями, произошедшими во внешней политике Турции, ТАСК расширило сферу своей деятельности и выполняет задачу действующего механизма для государственных учреждений и организаций, университетов, некоммерческих организаций и частного сектора. Кроме того, оно функционирует в качестве платформы для объединения усилий этих субъектов и фиксирует помощь в целях развития, оказываемого Турцией [9].

Главным вкладом ТАСК в балканские страны является помощь в развитии. В частности, во время правления ПСР помощь балканским странам возросла более чем в 7 раз. Объем помощи увеличился с 8 млн в 2002 году до 70 млн долл. США в 2012 году. Помощь продолжала расти и достигла по состоянию на 2013 год 85,47 млн долл. США, в том числе 22,28 млн было выделено Боснии, 15,26 млн — Косово, 13,32 млн — Черногории, 13,19 млн — Македонии, 9,24 млн — Албании, 6,06 млн долл. США — Сербии. Важность, придаваемая Боснии Турцией, ясно проявляется в том, что на помощь этой стране выделяются самые большие средства и она занимает 6-е место среди 170 стран, кому Турция оказывает помощь [15, с. 202].

Управление по делам религий (Дианет) в период ПСР стало одним из самых влиятельных игроков на балканском полуострове. Управление является правительственным органом и занимается всеми религиозными вопросами страны [20, с. 40]. Имея около 100 тысяч сотрудников и бюджет больше, чем у большинства министерств Республики, Дианет, вероятно, является крупнейшей и наиболее централизованной мусульманской религиозной организацией в мире, сравнимой по масштабам и возможностям только с Ватиканом. С 1990-х годов Дианет играет важную роль в предоставлении религиозных услуг мусульманским общинам Балкан [21, с. 41—42].

Управление подчиняется премьер-министру и независимо от Министерства иностранных дел, имеет право действовать вне рамок дипломатических конвенций и работать с исламскими союзами и низовыми организациями, а не только с формализованными государственными учреждениями. С 1995 года Управление организует Евразийский исламский совет, объединяющий глав исламских администраций 38 стран и 12 автономных республик России, Содружества Независимых Государств, Кавказа и Балкан. В качестве дополнительного форума к Евразийскому исламскому совету Управление с 2007 года проводит также ежегодную встречу лидеров мусульманских общин Балкан. На этих встречах обсуждаются и часто решаются вопросы исламской практики — от высшего образования до аккредитации университетских степеней — и организации паломничества [21, с. 42].

Помимо организации хаджа в основе политики Дианета лежит обучение проповедников и религиоведов, что реализуется через предоставление стипендий, организацию образовательных программ для религиозных работников и издание книг, переводы Корана [20, с. 43]. В 2009 году Дианет предоставило Албании 174 стипендии, Болгарии — 310, Боснии и Герцеговине — 135, Греции, точнее, области Западной Фракии, — 280, Косово — 195, Македонии — 59, Сербии — 23 стипендии [21, с. 44].

Наиболее заметным вкладом Дианета в развитие региона была его роль посредника в строительстве и реконструкции мечетей. В этом вопросе Управление сотрудничает с ТАСК и Министерством культуры Турции, которые рассматривают мечети Османского периода как часть турецко-исламского наследия [21, с. 44].

Деятельность Дианета свидетельствует о роли Турции как символического лидера мусульманских общин Балкан, что в целом хорошо воспринято, особенно небольшими и недостаточно финансируемыми исламскими общинами Балкан. Это, однако, не означает, что Дианет пользуется безоговорочной поддержкой всех мусульман региона, особенно в БиГ, где религиозные дела хорошо организованы, верховенство Дианета не приветствуется повсеместно [20, с. 45]. Однако боснийские мусульманские элиты, похоже, согласны с тем, что среди всех мусульманских стран сотрудничество с Турцией является наиболее продвинутым. Дианет со своей стороны пытается сформировать балканский ислам по образу своего собственного понимания исламской доктрины и практики, которое действительно ближе всего к местным традициям [21, с. 46].

Турция активизировалась также на многосторонних чисто балканских форматах. Трехсторонние механизмы консультаций, основанные в 2010 году по инициативе Турции с БиГ и Сербией, а также с БиГ и Хорватией, стали наиболее конкретными примерами ее вклада в добрососедские отношения и региональное сотрудничество. Первый трехсторонний Балканский саммит с участием глав государств Турции, БиГ и Сербии состоялся в Стамбуле 24 апреля 2010 года. Стамбульская декларация, принятая на этом саммите, впервые после войны собрала вместе президентов Сербии и БиГ. Второе заседание трехстороннего Балканского саммита состоялось в Караджорджево, Сербии, 26 апреля 2011 года.

Третья встреча трехстороннего Балканского саммита состоялась в Анкаре 14—15 мая 2013 года. Помимо Президента Турции А. Гюля в саммите под девизом «Строим будущее вместе» приняли участие председатель Президиума БиГ Небойша Радманович, члены Президиума Желько Комшич и Бакир Изетбегович и Президент Республики Сербия Томислав Николич. В ходе саммита лидеры выразили удовлетворение процессом трехсторонних встреч и пришли к выводу о том, что трехсторонний процесс уже достиг более всеобъемлющего и продвинутого уровня и прошел от этапа урегулирования конфликта до объединения сторон для участия в совместных проектах на основе позитивной повестки дня. Они также подчеркнули, что деятельность саммита

укрепляет диалог и координацию между тремя странами и способствует региональной стабильности и сотрудничеству. Была принята Анкарская декларация на высшем уровне.

В Декларации среди прочего:

— подчеркнута всеобъемлющая цель создания стабильных, мирных и процветающих Балкан;

— с удовлетворением отмечен общий прогресс, достигнутый на Балканах за последнее десятилетие, особенно в области мирного сосуществования и интеграции в европейские структуры;

— подчеркнута обязательство поощрения и поддержки интеграции друг друга в ЕС и обмена опытом в процессе присоединения;

— подчеркнута важная роль процесса трехсторонних консультаций с особым вниманием экономическому, культурному, образовательному, научному, энергетическому, инфраструктурному, транспортному, спортивному и туристическому сотрудничеству, как это было согласовано на предыдущих трехсторонних саммитах, в качестве функционирующей институциональной основы регионального сотрудничества [23].

По состоянию на 2019 год министры иностранных дел Турции, БиГ и Сербии встречались шесть раз, а министры иностранных дел Турции, БиГ и Хорватии — четыре раза в рамках этих трехсторонних механизмов сотрудничества, которые в короткие сроки были признаны в регионе выдающимися мерами укрепления доверия, направленными на упрочение мира, стабильности и процветания, на преобразование всех Балкан. Трехсторонний процесс обеспечил переход от урегулирования конфликта к объединению для совместных проектов, укрепил диалог и координацию, способствовал региональной стабильности и сотрудничеству.

На протяжении всего периода после распада соцлагеря Турция являлась участницей более широкого многостороннего форума — Процесса сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), образованного в 1996 году, в который входят Турция, Албания, Болгария, БиГ, Греция, Косово, Македония, Румыния, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория и Молдова. С точки зрения Турции данный институт является символом общей воли стран региона к улучшению сотрудничества между собой и обеспечению прочной стабильности в Юго-Восточной Европе.

ПСЮВЕ является единственным балканским форумом сотрудничества в регионе. В этом смысле ПСЮВЕ можно назвать политическим наследником балканских моделей сотрудничества 1930-х, 1950-х и 1980-х годов. Турция придает особое значение ПСЮВЕ как подлинному голосу региона, который является полезным форумом для обсуждения на высоком уровне вопросов, представляющих общий интерес [24]. По оценке сербских аналитиков, в отличие от большинства других инициатив на Балканах эта инициатива представляет собой автохтонное начинание самих стран Юго-Восточной Европы [21, с. 28].

Турция председательствовала в ПСЮВЕ в 1998—1999 и 2009—2010 годах. В 2020 году Турция в третий раз приняла на себя председательство в ПСЮВЕ.

Заключение

Основу современной политики Турции в целом заложил Президент Т. Озал, который практически восстановил внешнеполитические подходы Ататюрка, прерванные в годы холодной войны. Однако в отличие от кемалистского подхода озализм привнес в турецкую внешнюю политику экономическое и культурное измерения. Турецкие специалисты считают, что Т. Озал не рассматривал ислам, тюркизм и османизм как препятствие для интеграции Турции с Западом, а считал их важным вкладом в достижение этой конечной цели. Внешняя политика Озала была явным отклонением от кемализма, однако это не было абсолютным отказом от идей Мустафы Кемала Ататюрка [17, с. 203]. А. Давутоглу в свою очередь теоретически обосновал новое положение Турции в изменяющемся мире и разработал стратегию и принципы ее внешней политики.

Двусторонние политические, военные, экономические и гуманитарные отношения, а также многосторонние чисто балканские инициативы, которые исходили от самих балканских стран и вовлекали главным образом их самих, стали основой новой политики Турции на Балканах. Осуждение насилия, призывы к политическому урегулированию проблем и диалогу, мирные инициативы, гуманитарные акции, участие в операциях по поддержанию мира, послевоенное восстановление, евроатлантическая интеграция региона стали средствами балканской

политики, которую Турция проводила в период после распада социалистического лагеря.

По-нашему мнению, балканскую политику Турции после распада социалистического лагеря можно разделить на следующие три этапа: (1) в условиях войн — 1990-е годы; (2) евроатлантическая интеграция — 2000-е годы; (3) новый курс — 2010-е годы. Первый этап начинается в 1991 году с началом распада Югославии. В этот период военные вопросы были приоритетными, и Турция не выходила за рамки политики США и ЕС. Страна реализовала политику на Балканах посредством НАТО и ЕС и участвовала в их миротворческих операциях. США и НАТО были главными действующими лицами в регионе. Окончание войн в 2001 году завершили первый этап. Начало второго этапа связано с послевоенным восстановлением экономики, выбором внешнеполитической стратегии и приходом к власти ПСР в 2002 году. В этот период политические вопросы вышли на первый план, Турция поддерживала евроатлантическую интеграцию стран региона, а ЕС стал основным игроком. Этап завершился в 2008—2009 годах, когда Косово объявило независимость, начались мировой финансовый и европейский долговой кризисы, расширение ЕС и НАТО на Балканах в целом завершилось и Запад потерял интерес к региону. Третий этап начался в 2009 году, когда А. Давутоглу стал министром иностранных дел и вступил в действие механизм трехстороннего сотрудничества. Экономические и гуманитарные вопросы в этот период играли основную роль. В условиях несовпадения долгосрочных интересов Турции и Запада, а также в результате потери западного интереса к региону Турция взяла инициативу и стала действовать самостоятельно.

Поддерживая европейскую и евроатлантическую интеграцию стран региона, Турция вместе с тем выступает за чисто балканские инициативы. При этом она сама не является членом ЕС. Большинство балканских стран членами Евросоюза также не являются. Между Турцией и США, оплотом НАТО, возникли разногласия и противоречия, что поставило полезность альянса под вопрос. Эта противоречащая двойственность, дуализм, является дилеммой турецкой политики на Балканах.

Литература

1. Архив внешней политики РФ (далее — АВП РФ). — Ф. 157. — Оп. 26. — П. 55. — Д. 4.
2. АВП РФ. — Ф. 161. — Оп. 60. — П. 139. — Д. 7.
3. АВП РФ. — Ф. 194. — Оп. 78. — П. 241. — Д. 6.
4. АВП РФ. — Ф. 194. — Оп. 79. — П. 244. — Д. 7.
5. АВП РФ. — Ф. 194. — Оп. 81. — П. 253. — Д. 10.
6. Институт им. Юнуса Эмре / Yunus Emre Enstitüsü. — URL: <https://moskova.yee.org.tr/ru/content/institut-im-yunusa-emre> (дата обращения: 15.09.2020).
7. Мамедов И. М. Политика Турции на Балканах в свете трансформаций в Юго-Восточной Европе на рубеже XX—XXI вв. // Трансформационные революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. К 30-летию событий. 1989—2019 гг. /отв. ред. К. В. Никифоров. — М.: Нестор-История, 2020. — С. 379—386.
8. Раштда М. Основные задачи и цели внешней политики Турции // Ближний Восток и современность: сб. ст. — Вып. 41. — М.: Ин-т востоковедения РАН, 2010. — 304 с.
9. About Us/Turkish Cooperation and Coordination Agency. About TİKA. — URL: https://www.tika.gov.tr/en/page/about_us-14650 (accessed: 12.09.2020).
10. Davutoğlu A. Stratejik Derinlik. Türkiyenin Uluslararası Konumu. — İstanbul: Küre Yayınları, 2001. — 582 s.
11. Davutoğlu A. Turkish Foreign Policy Vision: An Assessment of 2007 // Insight. Turkey. — 2008. — No. 1. — P. 77—96. — URL: <http://file.setav.org/Files/Pdf/ahmet-davutoglu-turkeys-foreign-policy-vision-an-assessment-of-2007.pdf> (accessed: 11.09.2020).
12. Demir V. Historical Perspective: Ottomans and the Republican Era // Ed. by Çevik B. S. and Seib Ph. Turkey's Public Diplomacy. — N.Y.: Palgrave Macmillan, 2015.
13. Demirtas B. Turkey and the Balkans: Overcoming Prejudices, Building Bridges and Constructing a Common Future // Perceptions. Journal of International Affairs/SAM. Center for Strategic Research. — Vol. XVIII. — Summer 2013. — No. 2. — 163—184 p.
14. Ekinci D. Turkish Decision Making and the Balkans: Implications of Role Theory // Ed. by İşiksal H., Örneçi O. Turkish Foreign Policy in the New Millennium. — Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint, 2015.
15. Eksi M. Turkey's Cultural Diplomacy and Soft Power Policy Toward the Balkans // Karadeniz Araştırmaları. — 2017. — XIV/55. — 189—208 p.
16. Eralp D. U. Turkey and Bosnia-Herzegovina: A Future Reflecting on the Past // SETA. Policy Brief. — August 2010. — No. 46.
17. Laçiner S. Turgut Özal Period in Turkish Foreign Policy: Özalizm // USAK Yearbook. — 2009. — Vol. 2. — 153—205 p.
18. Lopandić D., Kronja J. Regional Initiatives and Multilateral Cooperation in the Balkans. — Second Rev. Ed. — Belgrade: Draslar Partner, 2011. — 330 p.
19. Mamedov I. M. The Balkan Policy of Turkey in Connection with the Kosovo Crisis in 1998—1999 // Istorija XX veka. — 1/2020. — 185—202 p.
20. Overseas Offices / Turkish Cooperation and Coordination Agency. About TİKA. — URL: <https://www.tika.gov.tr/en/overseasoffices> (accessed: 10.09.2020).
21. Öktem K. Global Diyanet and Multiple Networks: Turkey's New Presence in the Balkans // Journal of Muslims in Europe. — 2012. — No. 1. — 27—58 p.
22. Report of the Secretary-General on the United Nations Interim Administration Mission in Kosovo, S/2000/1196, 15 December 2000. — URL: <https://undocs.org/en/S/2000/1196> (accessed: 14.03.2019).
23. Relations with the Balkan Region // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Foreign Policy. Regions. Balkans. — URL: <http://www.mfa.gov.tr/relations-with-the-balkan-region.en.mfa> (accessed: 08.09.2020).
24. South East European Countries Cooperation Process // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. Foreign Policy. Regions. Balkans. — URL: http://www.mfa.gov.tr/south-east-european-countries-cooperation-process-_seecp_.en.mfa (accessed: 05.09.2020).
25. Turkey negotiates free trade agreements with 17 countries, March 4, 2019 // Daily Sabah. Business. Economy. — URL: <https://www.dailysabah.com/economy/2019/03/04/turkey-negotiates-free-trade-agreements-with-17-countries> (accessed: 12.09.2020).

26. *Tür Ö., Han A.* A Framework for Understanding the Changing Turkish Foreign Policy of the 2000s // *Turkey in the 21st Century: Quest for a New Foreign Policy.* Özden Zeynep Oktav (edt.). — Farnham: Ashgate, 2011. — 7—29 p.
27. *Tüysüzoğlu G.* Turkey as a Stabiliser in the Black Sea Region // Ed. by İşiksal H., Örneci O. *Turkish Foreign Policy in the New Millennium.* — Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint, 2015.
28. The World Bank. Data Bank. World Bank development Indicators. —URL: <https://databank.worldbank.org/source/world-development-indicators#> (accessed: 10.09.2020).
29. 2018 Trade Statistics Yearbook. — Vol. I. Trade by Country. — N.Y.: United Nations, 2019. — 391 p.

Суязова Алена Геннадьевна,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alena G. Suyazova,

Ph. D. (History),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: anashkina423@gmail.com

РОССИЯ И ПРОБЛЕМА УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СЕРБИЕЙ, ХОРВАТИЕЙ И БОСНИЕЙ И ГЕРЦЕГОВИНОЙ

RUSSIA AND THE PROBLEM OF STRENGTHENING POSITIVE INTERACTION BETWEEN SERBIA, CROATIA AND BOSNIA AND HERZEGOVINA

Аннотация: в статье анализируется проблема укрепления позитивного сотрудничества между Сербией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной. Выстраивать конструктивное взаимодействие этим странам мешают их историческое прошлое, а также внутренние политические, экономические и социальные трудности. Негативное влияние на укрепление внутривосточного диалога оказывает также противостояние по линии Россия — Запад. В статье освещаются попытки рассматриваемых стран полуострова наладить отношения друг с другом. Автор приходит к выводу, что прежде всего необходимо развивать экономическое сотрудничество, которое может стать основой для углубления взаимодействия в других сферах. В этом процессе значительная роль принадлежит крупнейшим экономическим партнерам балканских стран. Как и другие государства, осуществляющие в регионе крупные инвестиционные проекты, Россия заинтересована в стабильности Юго-Восточной Европы. В статье проанализировано взаимодействие Москвы и рассматриваемых балканских стран на данном этапе, а также сформулированы возможные варианты поощрения Россией контактов в треугольнике «Белград — Загреб — Сараево».

Ключевые слова: Сербия, Хорватия, Босния и Герцеговина, Россия, стратегия «мягкой силы», хозяйственное сотрудничество, многовекторный подход.

Abstract: the article analyzes the problem of strengthening positive cooperation between Serbia, Croatia and Bosnia and Herzegovina. These countries are hindered from building constructive interaction by their historical past, as well as internal political, economic and social difficulties. Moreover, the Russia — West confrontation has a negative impact on the strengthening of the intra-Balkan dialogue. The article highlights the attempts of the countries of the peninsula under consideration to establish relations with each other. The author comes to the conclusion that, first of all, it is necessary to develop economic cooperation, which can become the basis for deepening interaction in other areas. The major economic partners of the Balkan countries play a significant role in this process. Like other states that carry out large investment projects in the region, Russia is interested in the stability of South-Eastern Europe. The article analyzes the interaction between Moscow and the Balkan countries under consideration at this

stage, and formulates possible options for encouraging Russia to contacts in the “Belgrade — Zagreb — Sarajevo” triangle.

Key words: Serbia, Croatia, Bosnia and Herzegovina, Russia, “soft power” strategy, economic cooperation, multi-pronged approach.

Балканы продолжают оставаться полем для борьбы за влияние между ведущими акторами мировой политики. В частности, активизация деятельности в регионе наблюдается со стороны ЕС, НАТО, России, Турции и КНР. При осуществлении своего внешнеполитического курса им приходится учитывать внутренние противоречия между Балканскими государствами. Так, ряд нерешенных вопросов существует в треугольнике «Белград — Загреб — Сараево». На отношениях между тремя бывшими югославскими республиками сказывается трагическое прошлое, которое мешает странам выстраивать диалог в конструктивном формате. Ситуацию усугубляют внутренние политические, экономические и социальные проблемы. Важная роль в процессе формирования позитивного внутрибалканского взаимодействия, от которого напрямую зависит стабильность в регионе, принадлежит ведущим державам. Так, проблема урегулирования ряда нерешенных вопросов между Сербией, Хорватией и Боснией и Герцеговиной (БиГ) может найти свое разрешение в том числе при участии России, заинтересованной в построение долгосрочных партнерских отношений со странами Юго-Восточной Европы.

Налаживание сотрудничества с соседними государствами является необходимым условием для решения ряда внутри- и внешнеполитических задач. В связи с этим в отношениях Сербии, Хорватии и БиГ можно отметить определенные позитивные тенденции. В июне 2016 года премьер-министр Сербии А. Вучич и Президент Хорватии К. Грабар-Китарович подписали исторический для двусторонних отношений документ — «Декларацию о развитии отношений и решении открытых вопросов Сербии и Хорватии» [26]. Декларация состоит из шести основных пунктов. Первый из них содержит договоренность об активизации работы по защите прав нацменьшинств в обеих странах (сербов и хорватов). Второй пункт касается границы на спорных участках. В документе указывается, что, если двусторонние переговоры потерпят неудачу, обе страны готовы в разумные сроки передать их территориальный спор в международные судебные

учреждения. Третий пункт содержит договоренность о том, что Сербия и Хорватия готовы ускорить выполнение Соглашения о правопреемстве, подписанного 29 июня 2001 года в Вене. Следующий пункт документа посвящен поиску пропавших без вести граждан обеих республик в ходе вооруженных конфликтов в бывшей Югославии. В заключительных пунктах отмечаются договоренности о совместной борьбе с международным терроризмом и миграционным кризисом, а также о взаимодействии Белграда и Загреба в совместных проектах и в проектах Евросоюза.

Данные вопросы стали предметом обсуждения на состоявшейся в феврале 2018 года встрече президентов Сербии и Хорватии. Одной из рассматриваемых тем стал вопрос демаркации границы на Дунае. А. Вучич по этому поводу заявил, что Хорватия ссылается на кадастровые книги, в то время как Сербия — на законодательство, что порождает различные подходы сторон к проблеме. Белград и Загреб выразили намерение разрешить этот спор в определенные сроки и, если это им не удастся, передать вопрос в международный арбитраж. Стороны обсудили также проблему пропавших без вести во время войны в бывшей Югославии и статус национальных меньшинств — хорватского в Сербии и сербского в Хорватии. Сербская сторона передала Хорватии архивные книги с записями рожденных и умерших, которые были увезены в Сербию после операции «Буря» в 1995 году. А. Вучич сообщил также о заинтересованности в строительстве железной дороги «Белград — Загреб», которая соединит Сербию с Западной Европой. Однако по итогам встречи стороны вынуждены были констатировать, что по подавляющему большинству вопросов они не достигли взаимопонимания, а позитивные сдвиги были отмечены только в экономике [24]. Необходимо отметить, что в современных международных отношениях при решении вопросов хозяйственного сотрудничества, как правило, первостепенным становится принцип прагматизма, а проблемы политического и идеологического характера отходят на второй план. Стороны могут придерживаться противоположных взглядов по ряду вопросов, что, однако, не заставляет их останавливать экономическое взаимодействие. Данный тезис отчасти находит отражение в современных сербо-хорватских отношениях. Так, уже вскоре после упомянутой встречи в феврале

2018 года состоялась первая сессия Объединенного комитета по осуществлению и поощрению экономического сотрудничества между Республикой Хорватия и Республикой Сербия.

Тем не менее проблемы военного прошлого и отсутствие толерантного отношения народов друг к другу мешают странам двигаться вперед в выстраивании конструктивных отношений. В результате, несмотря на попытки наладить диалог, между Белградом и Загребом постоянно сохраняется напряженность, обострение которой происходит достаточно часто.

Очередной кризис был вызван «таможенной войной» (сентябрь 2015 г.), реабилитацией усташской идеологии, откровенными профашистскими мероприятиями радикалов, как, например, ежегодно проводимые Блайбургские шествия¹, фактически осуществляемые при поддержке хорватских властей. Накануне выборов в парламент Хорватии в сентябре 2016 года лидеры ведущих партий делали ставку на националистические настроения общества, недальновидно обостряя и без того накалившиеся отношения с Сербией. Согласно докладу Совета Европы, опубликованному в мае 2018 года, в Хорватии продолжался подъем неонацистских и праворадикальных движений, что выражалось в том числе в заявлениях хорватских политиков в СМИ. В докладе отмечался рост расизма, ксенофобии, направленных против сербов, совершение физических атак на представителей этой национальности и их имущество [27]. Эти явления характерны прежде всего для хорватской молодежи, в среде которой широко пропагандируется восхваление фашистского режима усташей. Их запрещенное приветствие — «За дом — спремни» (За Родину — готов) — всё чаще звучит на разных массовых мероприятиях.

Большинство нерешенных между Сербией и Хорватией вопросов связаны с войной в Хорватии в период распада Югославии. У сторон отсутствует единый взгляд на обстоятельства создания и ликвидации непризнанной Республики Сербская Краина на территории Хорватии, количество жертв конфликтов среди мирного хорватского и сербского населения, права беженцев, возможность компенсации ущерба и т.д. Так, перед визитом Президента Сербии А. Вучича в Хорватию в феврале 2018 года премьер-министр последней А. Пленкович поднял вопрос о вы-

¹ Проводимые в австрийском городе Блайбург ежегодные мемориальные мероприятия в память о погибших здесь в 1945 году от рук югославских партизан хорватских усташах.

плате репараций со стороны Белграда за ущерб, причиненный во время войны 1990-х годов [21]. Позже, в рамках мемориальных мероприятий в августе 2018 года, в связи с 23-й годовщиной хорватской военной операции «Буря» 1995 года, в результате которой была уничтожена Республика Сербская Краина, А. Вучич сделал заявление, в котором сравнил политику Хорватии в отношении населявших ее сербов с политикой Гитлера в отношении евреев [28]. В самой же Хорватии в годовщину военной операции, принесшей стране победу в конфликте 1991—1995 годов, ежегодно проходят военные парады и другие торжественные мероприятия.

Ситуация осложняется тем, что современная политическая элита обеих стран сформировалась под влиянием радикальных националистических идей, полный отказ от которых означает для нее фактическую потерю власти. Так, партия Хорватское демократическое содружество, начавшая перестраивать свою идеологию в умеренную сторону с 1999 года, в предшествующий период стояла на позициях авторитаризма, шовинизма и создания моноэтничного государства. Большинство членов правящей Сербской прогрессивной партии, включая ее нынешнего руководителя и Президента Сербии А. Вучича, ранее состояли в крайне правой националистической Сербской радикальной партии. И, хотя политическое руководство стран занимает более умеренную позицию, взаимные обвинения по этническим мотивам со стороны крупных политиков, а также использование этих острых вопросов в предвыборных кампаниях являются практически обычным делом.

Тем не менее современная балканская реальность такова, что взаимные обвинения сербов и хорватов выступают «политическим фасадом», за которым стороны всё же пытаются следовать принципам прагматизма. Сложившуюся картину А. Вучич охарактеризовал следующим образом: «По вопросам прошлого мы почти ни в чем не согласны, но мы поняли, что другая сторона имеет свое видение, и будем смотреть, чтобы хотя бы понимать это видение. Но по вопросу будущего у нас нет конфликта интересов» [7].

Показательной в этом плане является современная ситуация с национальными меньшинствами, которые, безусловно,

являются инструментом внешней политики Загреба и Белграда. Несмотря на наличие спорных вопросов, данные проблемы редко используются для обострения политической повестки и не являются предметом политических спекуляций. Очевидно, действующие власти понимают, что фактор национальных меньшинств относится к вопросам настоящего и будущего сербо-хорватских отношений, а следовательно, требует конструктивного диалога. В связи с этим примечательной является позиция Милорада Пушповца, одного из политических лидеров сербского меньшинства в Хорватии. В своем интервью политик отмечал, что современная этническая ситуация в Хорватии далека от совершенства, но сербы Хорватии не хотят быть заложниками накаляющих обстановку националистических заявлений политиков Загреба и Белграда, не хотят конфликта. Сербь Хорватии желают диалога двух государств, в котором они готовы выступать связующим звеном [31].

Для улучшения обстановки на Балканах руководству современных Сербии и Хорватии необходимо проводить курс в рамках демократических политических ценностей, а следовательно, пресекать ультраправые тенденции в обществе. Не нагнетание обстановки, а сотрудничество Белграда и Загреба необходимо для предотвращения возможных конфликтов в столь нестабильном регионе.

Конструктивный диалог двух стран необходим для урегулирования ситуации в БиГ, политическое устройство которой постоянно вызывает недовольство проживающих в стране народов. Высшим органом исполнительной власти страны, аналогичным посту главы государства, является Президиум, последние выборы в который прошли в октябре 2018 года. Данный орган власти состоит из трех человек: по одному представителю от конституционных народов — босняков, сербов и хорватов. Так, в результате упомянутых выборов сербским членом Президиума стал лидер Союза независимых социал-демократов (СНСД) Милорад Додик. С 1998 по 2010 год М. Додик трижды занимал пост премьер-министра, а с 2010 года — два срока подряд занимал пост Президента Республики Сербской (РС). Политик неоднократно выступал с критикой ЕС и НАТО, несмотря на евроориентированность представителей другого энтитета в составе БиГ, и заявлял о стремлении к независимому курсу, в рамках которого

РС выбирает патриотизм, отстаивание национальной идентичности сербов и ориентацию на Москву. М. Додик заявлял также о возможном проведении референдума о независимости РС [30]. Одновременно с выборами в Президиум прошли выборы в ряд других органов власти БиГ, в частности выборы президента РС. Эту должность занял бывший премьер-министр, член СНСД Желька Цвиянович.

В свою очередь хорваты БиГ недовольны своим положением в составе Федерации БиГ и добиваются создания своего энтитета. Кроме того, по итогам прошедших выборов членом Президиума от хорватского Демократического фронта (ДФ) стал Желько Комшич. Личность Ж. Комшича отличается большой противоречивостью: будучи хорватом и католиком, он не пользуется доверием в среде хорватов из-за своего политического прошлого, а победу на выборах в Президиум ему обеспечили голоса мусульман Федерации БиГ. Ж. Комшич поддерживает курс боснийско-мусульманской Партии демократического действия. Официально поддержанный Загребом Драган Чович¹ выборы проиграл. В результате сложилась ситуация, при которой хорваты фактически лишены своего представителя в Президиуме.

Народы, проживающие в БиГ, со времен гражданской войны относятся друг к другу с позиции недоверия и нетерпимости, что особо сильно проявляется в языковой сфере. Примеров тому достаточно: начиная от самого факта создания хорватского и боснийского языков как альтернативы сербохорватскому и заканчивая ситуацией с закрашиванием надписей на кириллице в общественных местах [4, с. 286—287]. Тем не менее современные исследования дают основания утверждать, что отношения между боснийскими сербами, боснийскими хорватами и босняками со временем улучшаются. Представители этих народов продолжают придерживаться кардинально противоположных точек зрения на важнейшие общегосударственные вопросы (вопросы о вступлении в НАТО, присутствии Офиса высокого представителя, будущей структуре государства и др.), зачастую проявляют друг к другу отнюдь не толерантное отношение, но они уже не желают внутренней войны [3, с. 144]. Согласно исследова-

¹ Хорватский предприниматель и политический деятель. Лидер Хорватского демократического содружества БиГ. Заявлял, что главной целью его партии является создание в составе БиГ третьей хорватской национально-административной общности с центром в Мостаре.

ниям американского института общественного мнения «Gallup», проводимым в 2016 году, рост напряженности в Балканском субрегионе вызывает у населения ряда стран ностальгию по югославскому прошлому. Так, 77% опрошенных в БиГ считали, что распад Югославии принес их государству больше вреда, чем пользы. Значительная часть населения БиГ желает построить государство, где босняки, хорваты и сербы жили бы в согласии. Согласно данным другого исследования, «основой современной гражданской идентификации для подавляющего большинства молодежной аудитории выступает не настоящее, а прошлое» [18, с. 114]. Похожая ситуация характерна и для Сербии, где югославское прошлое вызывает ностальгию у 81% опрошенных. Однако более половины (55%) опрошенных жителей Хорватии считают, что распад Югославии принес их стране больше пользы [29]. Данные цифры в определенной степени свидетельствуют о внутренней готовности обществ Сербии и БиГ идти на компромисс с соседями во благо мира и стабильности в регионе, чего нельзя сказать о Хорватии. В политической же сфере проявляется противостояние босняцких представителей власти БиГ, желающих сосредоточить в своих руках всю полноту власти и привести страну в ЕС и НАТО, и лидеров сербской и хорватской общин, не желающих мириться с уготованной им ролью аутсайдеров. Поддерживая хорватов БиГ в данной борьбе, Загреб зачастую намерено действует против Сараево, провоцируя рост напряженности. Так, например, в 2019 году «ряд боснийских деятелей, включая мэра пограничного города Бихача Шухрета Фазлича, заявили, что хорватские полицейские спокойно проникают на территорию БиГ с целью депортации к соседям ближневосточных мигрантов, ранее въехавших в Хорватию» [15].

В вопросе борьбы с миграционным кризисом интересы Хорватии и Сербии также сталкиваются в БиГ. На смену закрытому в 2016 году маршруту миграции через Грецию, Македонию, Сербию и Хорватию пришел маршрут Албания — Черногория — БиГ. По данным властей БиГ, за первую половину 2018 года в стране были зарегистрированы 9,7 тысяч нелегальных мигрантов с Ближнего Востока и Северной Африки. Наибольшее скопление нелегалов происходило на боснийско-сербской границе по реке Дрине и на боснийско-хорватской границе в районе

города Бихач [5]. Кроме того, современные миграционные процессы тесно связаны с вопросами антитеррористической безопасности. Для балканских стран в целом и для БиГ в особенности миграционный кризис сопряжен с оседанием на этих землях радикальных элементов, созданием благодатной почвы для культивирования радикального ислама [25]. Эти обстоятельства еще раз доказывают необходимость выстраивания конструктивных отношений между Белградом и Загребом, в рамках которых будут решаться насущные вопросы сегодняшней реальности.

Вопрос о политическом будущем БиГ требует исключительно осторожного и взвешенного подхода, основанного на компромиссе трех государствообразующих народов, а также с учетом мнения Хорватии и Сербии. Усиливающиеся националистические, ксенофобские настроения, как в Хорватии, так и в хорватских районах Федерации БиГ, стремление представителей бошняцкой политической элиты к централизации являются серьезными проблемами и требуют принятия эффективных мер со стороны международного сообщества.

Особое внимание стоит уделить отношениям стран в хозяйственной сфере. В современных международных отношениях очень сильна экономическая составляющая. По словам ведущего специалиста по новейшей истории Балкан Е. Г. Пономаревой, рассматриваемый регион, будучи особой геоэкономической и геополитической зоной, является тому ярким подтверждением [16, с. 195—203]. Сербия и БиГ — основные партнеры Загреба в сфере торговли товарами из числа балканских стран. В 2019 году страны занимали 3-ю и 2-ю позиции после ЕС. Экспорт Хорватии в БиГ составил 9,99%, в Сербию — 5,29%. Сараево вошло в список крупнейших торговых партнеров Загреба по импорту с долей в 2,79% [10]. Можно также отметить диверсифицированность товарооборота Хорватии с БиГ. В отношении Сербии можно сказать о низкой степени диверсификации, а также о незначительных тенденциях к увеличению импорта. Показатели экспорта Хорватии в Сербию не отличались стабильностью, характеризовались снижением в 2015—2016 годах или стагнацией в 2016—2017 годах, но даже при таких тенденциях они значительно превышают показатели импорта из Сербии. В сфере торговли услугами Хорватия ориентирована преимущественно

на развитые страны — балканские страны в списках основных внешнеторговых партнеров не фигурируют [10; 34]. Сложные взаимоотношения между Сербией и Хорватией сказываются на экономике. Однако в феврале 2018 года на встрече президентов в Загребе определенных договоренностей удалось достичь именно в хозяйственной сфере. В частности, Хорватия выразила поддержку вступления Сербии в ЕС и свою готовность предоставить политическую и техническую помощь соседу на пути в Евро-союз [7].

Главным экономическим партнером Сербии является ЕС. Лидирующие позиции среди стран — членов объединения в 2019 году занимали Германия (экспорт — 12,6%, импорт — 12,8%) и Италия (экспорт — 10%, импорт — 8,68%) [9]. При сравнении данных показателей с показателями Хорватии видно, что последняя значительно уступает странам-лидерам. При этом разрыв с такими опережающими Хорватию странами, как Румыния, Венгрия, Болгария, Словения, менее значительный. Соответственно, можно говорить о существенной роли Хорватии во внешнеэкономических связях с Сербией. Ведущими торговыми партнерами страны в границах Балканского субрегиона являются также БиГ, Черногория и Македония. Анализируя внешнеэкономические связи с БиГ, необходимо отметить, что экспорт Сербии в страну имеет достаточно диверсифицированный характер и значительно превышает импорт [9; 35].

Основным внешнеэкономическим партнером БиГ является ЕС. Среди стран интеграционного блока лидирующие позиции устойчиво занимают Германия (экспорт 2019 г. — 14,6%; импорт — 12%), Италия (экспорт — 11,3%; импорт — 12%) и Хорватия (экспорт — 12,2%; импорт — 10,4%;). Второе место по показателям товарооборота занимает Сербия (экспорт — 11,4%; импорт — 11%) [32; 33].

Можно отметить в целом низкие показатели товарооборота между балканскими странами, их ориентированность, прежде всего, на страны ЕС, а также в отдельных случаях — недостаточную диверсификацию внутрирегионального товарооборота. Между тем укрепление хозяйственного взаимодействия по линиям Сербия — БиГ и Хорватия — БиГ будет способствовать стабильности в регионе. Расширение экономического сотрудниче-

ства между странами должно создать условия для достижения взаимоприемлемого компромисса по основным острым вопросам. Однако, исходя из современной ситуации, для достижения данного результата сторонам еще долго нужно выстраивать хрупкий мир на Балканах. В этом деле чрезвычайно важны позиции ведущих держав, осуществляющих активную экономическую деятельность на Балканах и, как следствие, заинтересованных в их стабильности. В рамках использования важнейшего инструмента современной геополитики — «мягкой силы» — субъекты продвигают свои интересы в конкретном регионе прежде всего через хозяйственную деятельность.

Российская Федерация, значительно уступая по экономическим показателям ряду стран и имея недостаточно дифференцированный экспорт, тем не менее входит в пятерку ведущих торговых партнеров рассматриваемых стран Юго-Восточной Европы. Россия относится к основным внешнеторговым партнерам Хорватии в сфере торговли услугами. И хотя экономические санкции снизили экономическое взаимодействие двух стран, в 2017—2018 годах наблюдалась устойчивая динамика роста товарооборота. Однако по состоянию на 2019 год Москва не фигурировала в списке ведущих партнеров Загреба по товарообороту [6; 10; 34].

В свою очередь, российско-сербское торгово-экономическое сотрудничество находится на достаточно высоком уровне и имеет устойчивую тенденцию к росту. Правительство Сербии декларирует Российскую Федерацию как важнейшего экономического партнера. Белград продолжает расширять восточное направление своей внешнеэкономической деятельности. В частности, в октябре 2019 года Сербия и страны Евразийского экономического союза (ЕАЭС) заключили соглашение о создании зоны свободной торговли.

Антироссийские санкции сыграли позитивную роль в сглаживании диспропорции в торгово-экономическом взаимодействии Москвы и Сараево: значительно увеличился экспорт сельскохозяйственной продукции БиГ в Российскую Федерацию. Сербия, БиГ и Хорватия заинтересованы в увеличении экспорта в Россию. В условиях антироссийских санкций входящая в ЕС Хорватия вынуждена терпеть экономические убытки и пытаться найти

приемлемый для двустороннего сотрудничества выход из ситуации, в то время как Сербия и БиГ уже используют сложившиеся благоприятные условия для их экономик. На данный момент перспективным направлением хозяйственной деятельности России с Сербией, БиГ и Хорватией является инвестиционное сотрудничество. Москва укрепляет свои позиции в регионе, реализуя ряд крупных инвестиционных проектов. Безусловным лидером в этом отношении является Сербия. В силу серьезных социально-экономических и политических различий между балканскими странами Москве сложно выстраивать в регионе систему многостороннего сотрудничества. Однако в отношении треугольника «Белград — Загреб — Сараево» существует возможность работы в многостороннем формате при условии готовности балканских стран развивать и поддерживать добрососедские отношения. Сотрудничество с Россией может дать балканским странам возможность оздоровить экономику, а также создать альтернативу во взаимоотношениях с ЕС, развивая экономические связи в разных направлениях. Так, усиление ЕАЭС в регионе, строительство так называемого Балканского потока будет способствовать стабилизации ситуации в Юго-Восточной Европе. Определенную выгоду от расширения сотрудничества с Россией осознает как руководство Сербии и БиГ (Республика Сербская), так и руководство евроинтегрированной Хорватии.

В Балканском субрегионе культурное влияние как компонент «мягкой силы» реализуется в трех направлениях: восточное направление, субъектами которого являются Россия и Сербия; западное направление, реализуемое США, Германией, Италией и Хорватией; юго-восточное направление, в котором ведущее место сегодня занимает Турция. Все три направления представлены в БиГ. В связи с этим России следует учитывать влияние других субъектов «мягкой силы» в регионе и способствовать росту взаимоуважения культур, развивать сотрудничество с рассматриваемыми странами в области науки, образования, обмена студентами и научно-педагогическими кадрами, медицины и благотворительности. Определенные успехи в этом направлении были сделаны в последнее время [17, с. 98—100]. Особое внимание необходимо уделить росту популярности русского языка, которая резко упала по сравнению с югославским

периодом. Сегодня предпочтение в большей степени отдается английскому языку как второму, в качестве третьего языка дети в школах изучают немецкий, французский или русский.

Если говорить о гуманитарном аспекте российской политики на Балканах в целом, необходимо отметить деятельность АНО «Русская гуманитарная миссия», а также Российско-сербского гуманитарного центра, в активе которого операции по оказанию помощи и ликвидации чрезвычайных ситуаций в ряде балканских стран, в том числе в Сербии и БиГ. Важным направлением деятельности Центра является гуманитарное разминирование. Центр активно осуществляет мероприятия по обучению и подготовке специалистов, сотрудничает с общественными, религиозными и ветеранскими организациями, а также со школами и средствами массовой информации. Необходимо направлять усилия на расширение дальнейшего сотрудничества в данном направлении, как с Сербией, так и с другими странами Балканского субрегиона.

Таким образом, задача России заключается в расширении связей с рассматриваемыми странами в разных областях, наращивании экономического взаимодействия, соответственно, укреплении своей роли в Юго-Восточной Европе и повышении значимости во внутрибалканском диалоге. Выполнение указанной задачи требует изменения стратегии присутствия в регионе: в частности, необходимо учитывать рост китайских инвестиций и усиление влияния Турции. При этом тот факт, что сотрудничество с Россией остается для балканских стран одной из альтернатив взаимоотношениям с Западом, сохраняет свою актуальность. Укреплению позиции Москвы будет способствовать содействие в расширении спектра совместных интересов между Сербией, Хорватией и БиГ через политическую, экономическую, гуманитарную деятельность Кремля, а также через налаживание культурного взаимодействия в регионе. Особое внимание нужно уделить экономической сфере, которая сегодня, как правило, является фундаментом дальнейших политических решений.

Полезным для России может оказаться опыт других стран, не входящих в ЕС, осуществляющих активную политику в субрегионе. Так, важным элементом стратегии Турции на Балканах является вовлечение в разрешение конфликтных процессов в регионе

в качестве посредника. Стамбул инициирует регулярные трехсторонние переговоры между Турцией, Сербией и БиГ, а также между Турцией, Хорватией и БиГ в целях развития сотрудничества в разных сферах, которое в долгосрочной перспективе может привести к созданию единой площадки для решения открытых вопросов между Белградом, Загребом и Сараево. Россия не сможет играть роль важного актора на Балканах, если подобные процессы будут проходить без ее участия или при ее незначительном участии. Москве следует продолжить развивать тесное взаимодействие с партнерами в Юго-Восточной Европе, причем как на двусторонней, так и на многосторонней основе. Позитивным явлением в этом плане является вовлечение балканских стран в деятельность Международного союза неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии», призванного сформировать интеграционную модель большого евразийского партнерства на общественном уровне, расширить и углубить контакты между народами, развивать политическое взаимодействие, транспортно-логистические, торговые и финансовые связи стран Евразии [14]. Возможно также подключение Москвы к балканским проектам, которые реализуются по линии ЕС. Помимо расширения сотрудничества со странами Юго-Восточной Европы и нормализации отношений, в частности, между Белградом, Загребом и Сараево в целях поддержания стабильности в регионе для России такой подход будет способствовать укреплению международных позиций, подтверждению тезиса о многовекторности внешней политики Москвы, а также расширению деятельности на европейском направлении. Особое значение позиции России признают и балканские страны. Президент Хорватии в июле 2018 года заявила, что для нее важно, что Российская Федерация полностью поддерживает территориальную целостность, суверенитет и европейский путь соседней БиГ, где хорваты — один из трех государствообразующих народов [20].

Безусловно, НАТО и ЕС играют на Балканах существенно бóльшую роль, чем любые другие акторы. При этом, если позиции ЕС несколько ослабли в последнее время, НАТО продолжает активную работу по своему расширению. Москве необходимо учитывать уже существующие реалии: активное сотрудничество БиГ и Сербии с НАТО, а также идущие в настоящее время про-

цессы, в частности многоплановые реформы в БиГ, направленные на централизацию страны и вступление в альянс [19, с. 115]. Необходимо всячески поддерживать официально заявленное нежелание Белграда и Баня-Луки становиться членами НАТО, активизировать практические шаги в этом направлении.

Россия в ряде сфер имеет достаточно прочные позиции в субрегионе, и влияние страны здесь продолжает расти. В свою очередь, Запад проявляет крайнюю обеспокоенность по этому поводу, обвиняя Москву в намеренном нагнетании кризисной ситуации. С целью предотвратить растущее влияние России Запад в том числе активизировал собственную политику на Балканах [11]. Странам субрегиона в сложившейся ситуации представляется крайне сложно, а зачастую невозможно в связи с оказываемым со стороны ЕС и НАТО давлением проводить независимую внешнюю политику с учетом своих национальных интересов. В современной балканской политической реальности внутрирегиональные проблемы зачастую уходят на второй план, уступая место вопросу евроатлантической интеграции. Из числа рассматриваемых стран лишь Хорватия, являясь членом ЕС и НАТО, может позволить занимать более жесткую позицию в отношениях с соседями. Сербия же вынуждена проявлять большую гибкость, идти на уступки. Разумеется, подобное положение дел не способствует стабильности в регионе, а скорее ведет к росту взаимной неприязни. Придерживаясь навязываемого извне курса внешней политики — либо Запад, либо Россия, — страны субрегиона оказываются разделенными на два лагеря, еще больше удаляясь от решения открытых вопросов во взаимоотношениях между собой. Хрупкий мир на Балканах легко может быть нарушен в интересах внешних сил. Однако сегодня выход из сложившейся ситуации видится в осознании политическими лидерами Юго-Восточной Европы целесообразности многовекторного подхода во внешней политике и необходимости преодоления разногласий, налаживания конструктивного диалога с соседями. В этом смысле позиция России, стержнем которой являются стремление к компромиссу сторон и признание возможности балканских государств самостоятельно распоряжаться своей судьбой в рамках существующего правового поля, представляется наиболее целесообразной и конструктивной.

Литература

1. *Азимов А. С.* Россия и Хорватия — 25 лет дипломатических отношений // *Международная жизнь*. — 2017. — № 5. — С. 83—88.
2. *Анашкина А. Г.* Современное состояние российско-сербских отношений и перспективы их развития // *Дипломатическая служба*. — 2018. — № 2. — С. 53—57.
3. *Берендеев М. В., Дюшкова А. Ю.* Этнополитический дискурс идентичности в региональном пространстве бывшей Югославии: боснийский синдром // *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. — 2013. — № 12. — С. 139—149.
4. *Блаженка К.* Босния и Герцеговина как объект воздействия мягкой силы. Культурные и цивилизационные предпосылки // *FiloAriadne*. — 2017. — № 2. — С. 275—296.
5. В Боснии и Герцеговине рассказали о потоке мигрантов с Ближнего Востока // *РИА Новости*. — 2018. — 31 июля. — URL: <https://ria.ru/world/20180731/1525686794.html> (дата обращения: 06.11.2020).
6. Встреча с Президентом Хорватии Колиндой Грабар-Китарович 15 июля 2018 г. // *Сайт Президента России*. — 2018. — 15 июля. — URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/HR/events/58006> (дата обращения: 06.11.2020).
7. Вучич заявил, что Сербия и Хорватия не имеют противоречий в вопросах будущего // *ИА ТАСС*. — 2018. — 12 февр. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4951620> (дата обращения: 06.11.2020).
8. *Глинкина С. П., Лобанов М. М.* Проблемы внешнеэкономического сотрудничества России и республик бывшей Югославии в XXI в. // *Российский внешнеэкономический вестник*. — 2015. — № 12. — С. 55—75.
9. Ежегодная статистика внешней торговли по странам. Сербия // *Trend Economy*. — URL: <https://trendeconomy.ru/data/h2/Serbia/TOTAL> (дата обращения 28.10.2020).
10. Ежегодная статистика внешней торговли по странам. Хорватия // *TrendEconomy*. — URL: https://trendeconomy.ru/data/h2/Croatia?time_period=2019,2018,2017,2016,2015,2014,2013,2012,2011,2010,2009,2008 (дата обращения 28.10.2020).
11. ЕС подтвердил важность региона Западных Балкан для союза // *ИА ТАСС*. — 2020. — 6 мая. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8412537> (дата обращения: 06.11.2020).
12. *Иванова И. И.* Балканская политика Турции в конце XX — начале XXI в. // *Труды Института востоковедения РАН*. — 2017. — № 5. — С. 131—148.
13. *Максакова М. А.* Сотрудничество России и стран Западных Балкан на современном этапе: возможности, риски и перспективы // *Горизонты экономики*. — 2016. — № 3. — С. 53—64.
14. О Международном союзе неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии»/Международный союз неправительственных организаций «Ассамблея народов Евразии». — URL: <http://eurasia-assembly.org/ob-assamblee> (дата обращения: 06.11.2020).
15. Очередной конфликт в Биг: сараевская верхушка против сербов и хорватов // *ИА EADaily*. — 2019. — 6 авг. — URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/08/06/ocherednoy-konflikt-v-big-saraevskaya-verhushka-protiv-serbov-i-horvatov> (дата обращения: 06.11.2020).
16. *Пономарева Е. Г.* Балканы: без экономики нет политики // *Свободная мысль*. — 2017. — № 1. — С. 195—203.
17. *Пономарева Е. Г., Младенович М.* Сербия: многовекторность как выход из тупика стратегической уязвимости // *Сравнительная политика*. — Т. 11. — 2020. — № 1. — С. 88—103.
18. *Пономарева Е. Г., Попадьева Т. И.* Тренды идентификации в молодежной среде Боснии и Герцеговины и Северной Македонии // *Дискурс-Пи*. — 2019. — № 3 (36). — С. 98—119.
19. *Пономарева Е. Г., Рудов Г. А.* НАТО — Югославия: перспективы расширения альянса на Балканах // *Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир*. — 2020. — № 1 (23). — С. 108—125.

20. Президент Хорватии рассказала о результатах встреч с Путиным // РИА Новости. — 2018. — 27 июля. — URL: <https://ria.ru/politics/20180727/1525449935.html> (дата обращения: 06.11.2020).
21. Премьер Хорватии не хочет идти на уступки Сербии // ИА EADaily. — 2018. — 16 февр. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/16/premer-horvatii-ne-hochet-idti-na-ustupki-serbii> (дата обращения: 06.11.2020).
22. Сербия и Хорватия: диалог с обременениями/ПСМД. — 2018. — 14 авг. — URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/serbiya-i-khorvatiya-dialog-s-obremeneniyami/> (дата обращения: 06.11.2020).
23. Смирнов Я. Юго-Восточная Европа сегодня. Ближайшие перспективы развития / РСМД. — 2020. — URL: <https://russiancouncil.ru/postsoviet2020-southeastern-europe/> (дата обращения: 06.11.2020)
24. Хорватия обещает помочь Сербии со вступлением в ЕС. // ИА EADaily. — 2018. — 13 февр. — URL: <https://eadaily.com/ru/news/2018/02/13/horvatiya-obeshchaet-pomoch-serbii-vo-vstupleniem-v-es> (дата обращения: 06.11.2020).
25. Эксперт: Под видом мигрантов на Балканы прибывают террористы // ИА EADaily. — 2020. — 9 марта. — URL: <https://rg.ru/2020/03/09/ekspert-pod-vidom-migrantov-na-balkany-pribyvaiut-terroristy.html> (дата обращения: 06.11.2020).
26. Deklaracija o naprjeđenju odnosa i rješavanju otvorenih pitanja između Republike Hrvatske i Republike Srbije/Ured Predsjednice Republike Hrvatske Kolinde Grabar Kitarović. — URL: <http://predsjednica.hr/objava/1/1/1006> (accessed: 20.08.2016).
27. Fifth report on Croatia/European Commission against Racism and Intolerance (ECRI). — 2018. — 15 may. — URL: <https://www.coe.int/en/web/european-commission-against-racism-and-intolerance/croatia> (accessed: 06.11.2020).
28. Hitler je htio svijet bez Židova, Hrvatska je željela Hrvatsku bez Srba // Večernji list. 2018. 04 kol. — URL: <https://www.vecernji.hr/vijesti/hitler-je-htio-svijet-bez-zidova-hrvatska-je-zeljela-hrvatsku-bez-srba-1262309> (accessed: 06.11.2020).
29. Many in Balkans still see more harm from Yugoslavia breakup/Gallup. — 2017. — 18 may. — URL: <https://news.gallup.com/poll/210866/balkans-harm-yugoslavia-breakup.aspx> (accessed: 06.11.2020).
30. Милорад Додик: БиХ нема шансе да успе, решење је у мирном разлазу две ентитета // Нова српска политичка мисао. — 2017. — 8 јан. — URL: <http://www.nspm.rs/hronika/milorad-dodik-bih-nema-sanse-da-uspe-resenje-je-u-mirnom-razlazu.html> (accessed: 06.11.2020).
31. Milorad Pupovac: «Ne želim biti talac tuđih izjava» // DW. — 2018. — 10 kol. — URL: <https://www.dw.com/hr/milorad-pupovac-ne-%C5%BEelim-biti-talac-tu-%C4%91ih-izjava/a-45029235> (accessed: 06.11.2020).
32. Robna razmjena BiH s inostranstvom 2019 / Agencija za statistiku Bosna i Hercegovina. — 2020. — URL: http://www.bhas.ba/data/Publikacije/Bilteni/2020/ETR_00_2019_TB_0_BS.pdf (accessed 11.11.2020).
33. Trade profiles Bosnia and Herzegovina / World Trade Organization (WTO). — URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/BA_e.pdf (accessed 11.11.2020).
34. Trade profiles Croatia / World Trade Organization (WTO). — URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/HR_e.pdf (accessed 11.11.2020).
35. Trade profiles Serbia / World Trade Organization (WTO). — URL: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/daily_update_e/trade_profiles/RS_e.pdf (accessed 11.11.2020).

Доброва Ольга Андреевна,

аспирантка,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Dobrova,

Post graduate student,

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: olga_marmya@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ РОССИЙСКО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

CURRENT RUSSIAN-BULGARIAN RELATION: THE ENERGY ASPECT

Аннотация: политическая и экономическая составляющая двусторонних отношений взаимосвязаны. Состояние той или иной сферы влияет на характер двустороннего сотрудничества, определяя его темп и направленность. Говоря о внешнеэкономической сфере сотрудничества России и Болгарии, можно отметить, что в наибольшей степени оно касается источников энергии и обеспечения энергетической безопасности. Сотрудничество России и Болгарии в газовой промышленности ведет отсчет с 1974 года. В статье рассматриваются современные российско-болгарские отношения в контексте энергетического сотрудничества двух стран. Проанализированы особенности политики болгарского правительства в данной сфере. Сделан вывод о том, что в условиях полицентричного мирового устройства российско-болгарские энергетические связи остаются важным элементом торгово-экономического и политического сотрудничества двух стран.

Ключевые слова: российско-болгарские отношения, энергетическая сфера, «Южный поток», «Турецкий поток», диверсификация газового рынка, Балканский газовый хаб.

Abstract: the political and economic components of bilateral relations are interrelated. The state of a particular sphere affects the nature of bilateral cooperation, determining its rate and direction. Speaking about the foreign economic sphere of cooperation between Russia and Bulgaria, it can be noted that to the greatest extent it concerns energy sources and ensuring energy security. Cooperation between Russia and Bulgaria in the gas industry dates back to 1974. The article examines the current Russian-Bulgarian relations in the context of energy cooperation between the two countries. The features of the Bulgarian government's policy in this area are analyzed. It is concluded that in the conditions of a polycentric world order, Russian-Bulgarian energy ties remain an important element of trade, economic and political cooperation between the two countries.

Key words: Russian-Bulgarian relations, energy sector, "South Stream", "Turkish Stream", diversification of the gas market, Balkan gas hub.

Изучение внешней политики средних и малых стран Европы представляется особо актуальной задачей в условиях сложной и плохо предсказуемой эволюции всей международной систе-

мы. Характеризуя этот процесс, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России О. Г. Карпович и проректор Дипломатической академии МИД России М. Г. Троянский подчеркивают, что «формирование нового миропорядка происходит в условиях нарастающей глобальной нестабильности и хаотизации международных отношений... Стало более очевидным стремление некоторых государств делить мир по принципу “свой-чужой”. В таком случае вполне уместно говорить о “политическом дарвинизме”» [12]. Понимание специфики подходов малых и средних государств — членов Европейского союза к важнейшим международным проблемам позволяет выявлять как зоны расхождения, так и точки совпадения их интересов с Россией и выстраивать на этой основе полноценный диалог. Всё это в конечном счете призвано создавать благоприятные условия для преодоления негативных тенденций в развитии всей международной системы и одновременно добиваться более полной реализации внешнеполитических целей Российской Федерации на европейском направлении с использованием возможностей полицентричного устройства современного мира.

С этой точки зрения исследование российско-болгарских отношений, в том числе их энергетической составляющей, является важным и интересным. Отношения между Россией и Болгарией имеют давнюю историю. В июле 2019 года исполнилось 140 лет с момента установления дипломатических отношений между двумя странами. По словам министра иностранных дел России С. В. Лаврова, «опора на совместное историческое прошлое, на общие культурные и духовные корни, на глубокие чувства взаимной симпатии и дружбы, соединяющие наши братские народы, остается прочным фундаментом для поступательного развития разнопланового двустороннего сотрудничества» [14].

К перспективным направлениям двустороннего взаимодействия относится сфера углеводородной и атомной энергетики. Энергетическое сотрудничество двух стран становится всё более актуальным на современном этапе развития двусторонних отношений России и Болгарии, в том числе в связи с амбициями последней взять на себя роль энергетического хаба в регионе.

Целью настоящей статьи является исследование особенностей российско-болгарских отношений на примере сотрудничества в области энергетики.

Нереализованный проект «Южный поток» и строительство «Балканского потока»

Как член Европейского союза Болгария обязана действовать в рамках единой европейской политики. Политическая элита страны на протяжении десятилетнего членства страны в ЕС демонстрирует приверженность выбранному политическому курсу, несмотря на то что в энергетической сфере он не всегда совпадает с национальными интересами Болгарии. В 2009 году Европейская комиссия (ЕК) утвердила «Третий энергетический пакет» реформ в области газа и энергетики. В документе прописаны шесть законодательных актов, направленных на либерализацию рынка электроэнергии и газа и ограничение монополии поставщиков газа. Декларируемой целью «Третьего энергетического пакета» является повышение безопасности поставок и развитие конкуренции на уровне Евросоюза. В энергетической директиве отмечается, что для обеспечения энергетической безопасности в Европе необходимо диверсифицировать газовые поставки и разъединить производителей и транспортировщиков газа. Таким образом, «Газпром» не может быть в Европе и поставщиком, и производителем газа одновременно [23]. «Третий энергетический пакет» затрагивает законодательство в сфере как действующих, так и строящихся газопроводов, в число которых входил «Южный поток».

Межправительственное соглашение по строительству газопровода «Южный поток» было подписано в 2008 году. В 2011 году газопровод на территории Республики Болгария был объявлен объектом национального значения. Это юридически позволяло не применять к «Южному потоку» энергетические требования ЕС, прописанные в «Третьем энергетическом пакете». Кроме того, все соглашения со странами — участницами «Южного потока» были подписаны российской стороной еще в 2008 году, до вступления в силу «Третьего энергетического пакета» [23]. Несмотря на затягивание болгарской стороной принятия ключевых решений по проекту и отставание от намеченного графика строитель-

ства, в 2013 году удалось активизировать работу по болгарскому участку газопровода. Высшим экспертным экологическим советом Болгарии был одобрен подготовленный совместной проектной компанией «South stream Bulgaria» окончательный доклад по оценке воздействия «Южного потока» на окружающую среду. Утверждены были также технический проект и подробный план первоочередного объекта, что позволило Министерству регионального развития Болгарии в конце сентября 2013 года выдать разрешение на его сооружение [23].

С точки зрения экспертов ЕК, «Южный поток» не соответствовал европейским принципам либерализации газового рынка. Премьер-министр Болгарии П. Орешарски попытался сохранить масштабный российско-болгарский энергетический проект. В октябре 2013 года была произведена торжественная сварка первого стыка болгарского участка газопровода [24]. Однако после заявлений ЕК, а также после встречи с американской делегацией П. Орешарски заявил о прекращении работ «до устранения замечаний Европейской комиссии» [11]. Несмотря на первостепенное значение «Южного потока» для экономики и национальных интересов страны, в 2014 году с приходом к власти премьер-министра Б. Борисова Болгария под давлением США и Еврокомиссии не разрешила прокладку труб по своей территории, окончательно отказавшись от транзита российского газа через свою территорию. В итоге «Южный поток» был аннулирован. Стоит также отметить, что собственность в «Южном потоке» была разделена пополам между «Булгартрансгазом» и «Газпромом», что, по мнению представителя Балканско-Черноморской нефтегазовой ассоциации В. Кынева, стало основной причиной его остановки [13]. Кроме того, не были реализованы еще два совместных с Россией энергетических проекта, АЭС «Белене» и нефтепровод Бургас — Александруполис, хотя проекты, о которых договаривался Президент Болгарии Г. Пырванов (2002—2012 гг.), известные как «большой энергетический шлем», должны были способствовать стабильному и надежному энергообеспечению Болгарии.

После окончательного закрытия проекта «Южный поток» в январе 2015 года ввиду отсутствия иных вариантов транзита российского газа в страны Южной и Юго-Восточной Европы через

Черное море альтернативой нереализованного газопровода «Южный поток» был объявлен В. В. Путиным проект «Турецкий поток». Его строительство, начатое в октябре 2016 года, было успешно завершено в январе 2020 года, когда и состоялось его торжественное открытие. На церемонии присутствовали Президент РФ В. В. Путин, Президент Турецкой Республики Р. Эрдоган, Президент Республики Сербия А. Вучич и премьер-министр Республики Болгария Б. Борисов.

Проложенный по дну Черного моря газопровод «Турецкий поток» соединяет газотранспортные системы России и Турции. Он состоит из двух ниток общей мощностью 31,5 млрд куб. м. Первая предназначена для поставок газа в Турцию, вторая — в страны Южной и Юго-Восточной Европы транзитом через турецкую территорию. «Турецкий поток» является технологически уникальным проектом: впервые труба диаметром 813 мм была уложена на глубине 2200 м [21]. Комментируя торжественную церемонию открытия «Турецкого потока», болгарский политик Р. Петков, член Болгарской социалистической партии «Альтернатива болгарского возрождения», с горечью отметил, что закрытие «Южного потока» и строительство «Турецкого потока» свидетельствовало об упущенных Болгарией возможностях «стать прямым поставщиком российского газа в Европу» [19].

Перспектива частично это компенсировать появилась у Болгарии после согласия Германии на строительство «Северного потока — 2». Кроме того, полугодовое председательство Болгарии в Совете ЕС в 2018 году укрепило позиции страны, позволив инициировать переговоры с Россией о строительстве второй ветки «Турецкого потока», на этот раз уже через территорию Болгарии. Стоит напомнить, что в 2008 году транзит российского газа через территорию Украины был полностью прекращен. В результате Болгария наряду с другими странами Восточной Европы получила российский газ не в полной мере, что негативно сказалось на энергетической безопасности страны. По заявлению бывшего президента Болгарии Р. Плевнелиева, «спор между Россией и Украиной оставил Болгарию без газа. Это было хорошим уроком для всех нас» [17].

В мае 2018 года по инициативе болгарской стороны началось оживление двустороннего диалога, в том числе на высшем уров-

не [15]. Стоит отметить, что до этого встречи на высшем уровне не проводились на протяжении восьми лет.

С 1 января 2020 года в результате достигнутых договоренностей по вопросу о строительстве «Балканского потока» (второй нитки «Турецкого потока») Болгария начала получать часть направляемого в Грецию и Македонию российского газа напрямую из трубопровода «Турецкий поток», а не по прежнему маршруту через Румынию. Благодаря этому страна сэкономила почти 41 млн евро (81 млн левов). Ранее затраты на транзит через территорию Румынии составляли почти 76 млн левов [8].

По сообщениям болгарского газотранспортного оператора «Булгартрансгаз» ЕАД 17 декабря 2020 года строительство линейной части газопровода «Балканский поток» на территории Болгарии было завершено. 1 января 2021 года «Балканский поток» был официально запущен на территории Сербии Президентом страны А. Вучичем [5]. Некоторые болгарские политики выражали опасения по поводу успешной реализации «Балканского потока», объясняя их предыдущими срывами проектов «Южный поток», «Бургас — Александруполис» и АЭС «Белене». Остановка данных проектов принесла Болгарии серьезные финансовые потери и отрицательно сказалась на имидже страны в целом. В. В. Путин выражал также обеспокоенность по поводу сроков строительства трубопровода «Балканский поток». Первоначально строительство второй ветки «Турецкого потока» должно было завершиться 31 мая 2020 года. Однако в связи с задержкой тендера по инвесторам и эпидемией коронавируса окончание строительства было перенесено на конец 2020 — начало 2021 года. Во время совместной с Президентом Сербии инспекции строительства газопровода Б. Борисов подчеркнул, что газовые проекты в Болгарии согласованы с ЕК и коллегами из США, и выразил уверенность, что их реализации ничто не помешает. Премьер отметил, что болгарские газопроводы помогут обеспечить диверсификацию поставок газа: «по ним будет идти и русский, и азербайджанский, и американский, и катарский, и любой другой газ».

В отличие от «Южного потока» «Балканский поток» является собственностью дочерней компании болгарского энергетического холдинга «Булгартрансгаз». Однако стоит отметить, что существует возможность наложения ограничительных мер

на компании, участвующие в строительстве болгарской части «Балканского потока». Несмотря на изменения названия газопровода, США считают проект продолжением «Турецкого потока» и негативно относятся к его реализации.

Газопровод «Балканский поток» необходим Болгарии для получения энергоносителей на более выгодных условиях, однако не все болгарские эксперты придерживаются единого мнения по поводу необходимости его реализации. Противники строительства проекта ставят под сомнение выгоду от участия в его строительстве ввиду выравнивания цен на трубопроводный и сжиженный природный газ (СПГ). Утверждается, что американский СПГ якобы может быть более конкурентоспособным в отличие от российского газа. Однако то, что ряд европейских и азиатских компаний рассматривают возможность отказа от американского сжиженного сланцевого газа, ставит под сомнение конкурентоспособность американских СПГ [6].

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что неспособность политической элиты Болгарии противостоять давлению США и претензиям ЕК привела к срыву проектов, представляющих национальный интерес («Южный поток», нефтепровод «Бургас — Александруполис» и АЭС «Белене»), что послужило причиной серьезных финансовых потерь для Болгарии, утраты доверия со стороны российского руководства и усложнило двусторонние отношения в целом. Достигнутые договоренности о строительстве «Балканского потока» через территорию Болгарии открыли новые перспективы для нормализации и развития отношений двух стран.

Энергетические амбиции Болгарии в регионе: Балканский газовый хаб

Заинтересованность Болгарии в строительстве второй ветки «Турецкого потока» («Балканский поток») объясняется не только стремлением получить возможность доставки газа в Южную Европу в обход Украины. Согласно высказываниям болгарских экспертов, Болгария заинтересована, прежде всего, в диверсификации и либерализации энергетического рынка в стране. Об этом заявила министр энергетики Болгарии Т. Петкова по возвращении из командировки в США в январе 2020 года. Т. Петкова со-

общила, что «к концу 2020 г. Болгария намерена получать пятьдесят процентов газа из новых источников, продолжая работу по диверсификации болгарских источников и маршрутов для страны. Министр энергетики также подчеркнула, что Болгария и США имеют широкое поле сотрудничества в области сжиженного природного газа (СПГ)» [6]. Диверсификация должна позволить Болгарии реализовать амбициозный план — стать газовым центром в регионе, доставляя газ из разных точек и от разных поставщиков. Для этого в январе 2019 года зарегистрирована компания «Balkan Gas Hub EAD», цель которой — управление деятельностью первого Балканского газового хаба в стране. Дочерняя компания государственного болгарского энергетического холдинга «Булгартрансгаз» является стопроцентной владелицей акций компании [2]. Данный проект соответствует потребностям региона, планам развития Европейского энергетического союза, а также активно поддерживается ЕК.

Кроме того, считается, что либерализация энергетического рынка — единственный способ привлечь инвесторов в страну. Так, по мнению бывшего президента Р. Плевнелиева, решение правительства Болгарии о двадцатипроцентном участии в капитале проектной компании «Gastrade» государственной компании «Булгартрансгаз» является исторически важным событием для страны, «даже гораздо важнее, чем открытие “Турецкого потока”» [17]. «Gastrade», дочерняя компания греческого энергетического холдинга «Codelouzos», строит терминал для сжиженного природного газа под Александропулисом в Греции. Терминал будет включать в себя плавучую регазификационную установку и трубопроводную систему протяженностью 28 км [2]. Благодаря доле в «Gastrade» Болгария получит еще один источник газа для создаваемого Балканского газового хаба. Проект отвечает требованиям политики диверсификации источников поставок газа и полностью поддержан Евросоюзом. Данный проект открывает возможность для импорта американского сжиженного газа [2]. Основными поставщиками газа будут США, Катар, Кипр, Израиль и Алжир. На 2019 год поставки американского СПГ составили чуть более 400 млн куб. м, около 1/7 годового потребления Болгарии [6]. Это означает, что за 2019 год практически стопроцентная зависимость Болгарии от российского газа снизилась почти на 15%.

Помимо газа, полученного после регазификации СПГ на терминале Александруполис, магистральный газопровод интерконнектора Греция — Болгария также будет доставлять в Болгарию газ из «Южного газового коридора», включающего в себя Трансанатолийский и Трансадриатический газопроводы, предназначенного для поставок газа в Южную Европу из Азербайджана [2]. Проект «Южный газовый коридор» рассматривается как альтернатива российского газа на европейском рынке и активно поддерживается Брюсселем и Вашингтоном. Кроме того, в 2019 году Болгария заключила краткосрочный контракт на поставку СПГ из США. Болгарская компания «Булгартрансгаз» подписала соглашение с нидерландским трейдером «Kolmar» на приобретение нескольких пробных партий [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что Болгария не только стремится обеспечить свои предприятия энергоносителями, но и планирует стать энергетическим хабом в регионе. Подписание контракта на покупку 20% поставок в проекте терминала по регазификации СПГ отвечает принципам диверсификации, однако стоит отметить, что политическое значение проекта «Южный газовый коридор» превышает экономические выгоды. Проект «Южный газовый коридор» с мощностью 16 млрд куб. м/г, из которых 10 млрд куб. м/г предназначены для европейского рынка, уступает по мощности газопроводу «Турецкий поток» (мощность двух веток составляет 31,5 млрд куб. м/г). Кроме того, ресурсная база Азербайджана не дает гарантий полного обеспечения газом Трансанатолийского газопровода — основной части «Южного газового коридора». Российская компания «Газпром» является проверенным и надежным поставщиком газа не только для Болгарии, но и для всей Европы. По словам главы «Газпрома» А. Миллера, «за 2019 г. компания увеличила добычу до рекордной цифры за всю историю отечественной газовой отрасли — 389 млрд куб. м, что позволяет поставлять потребителям 843,3 млрд куб. м/сут.» [1].

«Византийская формула баланса» Болгарии

На двустороннее энергетическое сотрудничество, как и на двусторонние отношения России и Болгарии в целом, деструктивное влияние оказывает позиция США. Американский

сжиженный газ конкурирует с российским газом на Балканах. Представители США неоднократно высказывались против создания второго ответвления «Турецкого потока» через Болгарию. Согласно заявлениям помощника госсекретаря США по энергетическим ресурсам Фрэнсис Фэннон, «Балканский поток» является «средством воздействия на Европу, который Россия применит для дестабилизации региона [7]. По мнению бывшего госсекретаря США, Москва якобы использует источники энергии как свой политический инструмент для того, чтобы оказать влияние и разделить Европу. «Северный поток — 2» и вторая линия «Турецкого потока» не отвечают европейским принципам энергетической диверсификации. Эти проекты дестабилизируют Украину, так как Россия получает возможность осуществить доставку газа в обход украинской территории» [22]. Интерес Болгарии к сотрудничеству одновременно и с США, и с Россией приводит к тому, что правящие силы вынуждены искать баланс между интересами великих держав. Как отмечает социолог П. Чолаков, «болгары всегда учились у византийцев. Формула, которую мы усвоили от них, такова: на Востоке мы говорим одно, на Западе — другое, а на самом деле делаем что-то третье» [11]. Следуя этой формуле, 8 января 2020 года было проведено три важных мероприятия для будущей реализации проекта Балканского газового хаба. Перед визитом на торжественную церемонию открытия «Турецкого потока» в Анкару Б. Борисов принял в Софии американскую делегацию во главе с заместителем госсекретаря США по политическим делам Дэвидом Хейлом. В тот же день было подписано соглашение об участии «Булгартрансгаза» в уставном капитале греческой компании «Gastrade», строящей терминал для сжиженного природного газа под Александропулисом в Греции [16]. В ходе переговоров с американской стороной были затронуты вопросы энергетики. Бойко Борисов заверил американских коллег, что пропускная способность транзитного газопровода «Турецкий поток» через Болгарию («Балканский поток») забронирована для российского газа и российских поставщиков и не противоречит европейским правилам альтернативных поставщиков топлива.

Бывший заместитель помощника госсекретаря США Мэтт Бойс, отметил, что «общей целью США и Болгарии является сохранение ключевой роли Болгарии в качестве газового центра» [22].

По его мнению, США настаивают на скорейшем строительстве газопровода между Болгарией и Грецией (интерконнектор IGB (Gas Interconnector Greece — Bulgaria, IGB)). «Стране необходимо иметь настоящий либерализованный газовый рынок», — добавил Мэтт Бойс [22]. Однако основной целью политики США является недопущение увеличения роли России как в Болгарии, так и в регионе. По заявлениям посла США в Болгарии Херро Мустафы, США необходимо принять меры по наращиванию своего присутствия в стране, чтобы снизить влияние России [7]. Заявление Херро Мустафы может объяснить недружественные жесты, которые были сделаны правительством Болгарии в адрес России. Так, осенью 2019 года разразился шпионский скандал, в ходе которого болгарскому движению «Русофилы» было предъявлено обвинение в шпионаже в пользу России, а лидеру движения Николаю Малинову было запрещено выезжать из страны. В январе 2020 года, через две недели после официального открытия «Турецкого потока», МИД Болгарии выслал российских дипломатов по подозрению в шпионаже, однако доказательств предъявлено не было. Высылка дипломатов произошла вскоре после того, как главный прокурор Болгарии Сотир Цацаров, его заместитель Иван Гешев и руководство Государственного агентства национальной безопасности (болг. Държавна агенция «Национална сигурност», сокращенно ДАНС) были приняты на высоком уровне в Белом доме [4].

Кроме того, в 2019 году на выставке, посвященной 75-летию освобождения Восточной Европы от нацизма, МИД Болгарии назвал освобождение Болгарии и Европы в 1944 году Красной армией «сомнительным историческим тезисом» [4]. Подобные заявления и действия руководства страны противоречат достигнутым ранее прагматическим договоренностям и осложняют двусторонний диалог.

Как отмечает болгарский социолог П. Чолаков, «под предлогом стремления к балансу Болгария флиртует одновременно и с НАТО, и с Россией» [10]. С 2004 года Болгария является членом НАТО, а разрыв между альянсом и Россией становится всё более глубоким. В декларации, принятой 5 декабря 2019 года на юбилейном саммите альянса в Лондоне, «агрессивные действия России» были указаны как главная угроза евроатланти-

ческой безопасности. Принимая во внимание вышесказанное, по мнению эксперта, балансирование между США и Россией просто невозможно.

Немаловажным является тот факт, что большая часть болгарского электората поддерживает пророссийскую политику страны. По данным исследований «Glodsec», опубликованным в конце января 2019 года, около 70 % болгар выразили симпатию Президенту России Владимиру Путину, 28 % избирателей Болгарской социалистической партии выступают против членства Болгарии в ЕС, 40 % избирателей не одобряют членство в НАТО [24]. Стоит напомнить, что в 2016 году на президентских выборах победил Румен Радев, кандидат от болгарской левой партии «Альтернатива для болгарского возрождения», опередив кандидата Цецку Цачеву от правящей партии «Граждане за европейское развитие Болгарии». Помимо этого самой большой неправительственной организацией в стране является Национальное движение «Русофилы» (35 тыс. членов). Поддержка пророссийского курса среди населения страны объясняется тем, что надежды на улучшение качества жизни, которые возлагались на ЕС, не оправдались. Спустя 10 лет полноправного членства Болгария остается самой бедной страной в Евросоюзе [26, с. 8].

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить следующее. В период биполярной конфронтации Народная Республика Болгария была самым верным союзником СССР. Двусторонние отношения складывались и развивались в духе социалистического интернационализма. Распад двухполюсной системы международных отношений способствовал радикальным изменениям и переориентации как внутренней, так и внешней политики стран, некогда входивших в Организацию Варшавского Договора.

Постсоциалистическая правящая элита Болгарии взяла прозападный курс, который активно поддерживался США. Внутриполитическая ситуация в Болгарии в 1990-е годы привела к расколу в правящей элите страны: Болгарская социалистическая партия, проводившая пророссийскую политику, соперничала с либеральным Союзом демократических сил. Выбранный курс был направлен на активное сотрудничество с западными партнерами. Подобные разногласия внутри парламента придали политике правительства «маятниковый» характер. Желание политических

элит страны угодить западным партнерам дестабилизирует российско-болгарский диалог. Политика болгарского руководства привела к срыву ранее планируемых совместных энергетических проектов с Россией и негативно сказалась на имидже страны, создав образ ненадежного партнера.

Проводимую Болгарией внешнюю политику сложно назвать самостоятельной. Руководство страны вынуждено искать баланс между великими державами. На данном этапе подобное балансирование присуще политике современной Болгарии, так как национальные интересы страны имеют как западную, так и российскую направленность. Россия является крупнейшим экспортером природного газа как в Болгарию, так и в Европу. Возобновление диалога с Россией по вопросу сотрудничества в энергетической сфере позволило Болгарии получать российский газ напрямую из газопровода «Турецкий поток». Строительство «Балканского потока» открыло перспективы получения стабильных поставок российского газа для заполнения балканского хаба. В то же время, будучи членом ЕС, Болгария осуществляет внешнеэкономическую деятельность в рамках единой европейской политики. С одной стороны, реализация плана диверсификации газового рынка в Европе дает стране возможность осуществить амбициозный план — претендовать на роль хаба в регионе, для заполнения которого Болгария нуждается в гарантированных поставках газа от разных поставщиков. С другой стороны, диверсификация приводит к снижению сотрудничества с Россией в энергетической сфере. Дальнейшее сокращение поставок российского газа может затруднить заполнение Балканского газового хаба, а также привести к охлаждению российско-болгарских отношений в целом. До сих пор благодаря «византийской формуле» поведения Болгарии удавалось получать существенную выгоду от российско-болгарского сотрудничества именно в сфере энергетики. Однако ответ на вопрос о том, как долго эта «византийская» политика сможет приносить Болгарии дивиденды, остается открытым.

Литература

1. Алексей Миллер подвел итоги работы «Газпрома» в 2019 году / Национальная ассоциация нефтегазового сервиса. — URL: <https://nangs.org/news/business/aleksey-miller-podvel-itogi-raboty-gazproma-v-2019-godu> (дата обращения: 11.12.2020).

2. Болгария вошла в проект строительства СПГ-терминала в Греции и ожидает скидок на СПГ от США / Электронная торговая площадка Газпромбанка. — URL: https://etppgb.ru/posts/3521-bolgariya_voshla_v_proekt_stroitelstva_spg-terminala_v_gretsii_i_ozhidaet_skidok_na_spg_ot_ssha/ (дата обращения: 11.01.2020).
3. Болгария заключила 1-й контракт на поставку СПГ из США // Новостной портал «Нефтегаз». — URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/452400-balkan-gas-hab-napolnyaetsya-bolgariya-zaklyuchila-1-y-kontrakt-na-postavku-spg-iz-ssha/> (дата обращения: 10.07.2020).
4. Болгария высылает еще двух российских дипломатов по обвинению в шпионаже // Иносми.ру. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20200924/248183614.html> (дата обращения: 16.10.2020).
5. Балкански поток е готов, газ тръгва по Нова година // Труд. — URL: <https://trud.bg/балкански-поток-е-готов-газ-тръгва-по-нова-година/> (дата обращения: 20.12.2020).
6. България реши 1/6 от нужния й газ да е втечен // Медиапул. — URL: <https://www.mediapool.bg/bulgaria-reshi-16-ot-nuzhniya-y-gaz-da-e-vtechnen-news302037.html> (дата обращения: 10.01.2020).
7. България има тежък проблем. Тези думи на Херо Мустафа казват всичко // Информационный портал DW. — URL: <https://www.dw.com/bg/българия-има-тежък-проблем-тези-думи-на-херо-мустафа-казват-всичко/a-51472656> (дата обращения: 06.01.2020).
8. «Взгляд». Руският газ тръгва през България в обход на Украина // Информационное агентство «Фокус». — URL: <http://www.focus-news.net/analysis/2019/09/19/3895/vzglyad-ruskiyat-gaz-tragva-prez-balgariya-v-obhod-na-ukrayna.html> (дата обращения: 19.09.2020).
9. Газопровод «Балканский поток» может быть завершён до конца года // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/8617599> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Доц. Петър Чолаков: Флиртът с Русия е необходим за политици като Борисов и Радев // Медиапул. — URL: <http://www.mediapool.bg> (дата обращения: 02.06.2020).
11. Защо България казва едно на Русия, а друго на Сащ // Информационный портал DW. — URL: <https://www.dw.com/bg/защо-българия-казва-едно-на-русия-а-друго-на-сащ/a-51940276> (дата обращения: 09.01.2020).
12. Карпович О., Троянский М. Многополярность формируется в реальном мире // Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2379> (дата обращения: 19.10.2020).
13. Кынев: Возможные американские санкции не остановят строительство «Балканского потока» // Русская Болгария. — URL: <https://rus.bg/ekonomika/ekonomika/31181-kynev-vozmozhnye-amerikanskije-sanktsii-ne-ostanovyat-stroitelstvo-balkanskogo-potoka> (дата обращения: 15.10.2020).
14. Лавров С. 140-летие освобождения Болгарии от османского ига — действительно эпохальная дата в истории российско-болгарских отношений // Международная жизнь. — 2018. — № 3. — С. 6—28.
15. Премиерът на Русия Дмитрий Медведев пристигна на официално посещение у нас // БНР. — URL: <https://www.bnr.bg/horizont/post/101088711/premierat-na-rusia-dmitrii-medvedev-pristiga-na-oficialno-poseshtenie-u-nas> (дата обращения: 10.01.2020).
16. Приснат между САЩ и Русия: тежък ден на Борисов // Информационный портал DW. — URL: <https://www.dw.com/bg/притиснат-между-сащ-и-русия-тежък-ден-за-борисов.a-51900163> (дата обращения: 06.01.2020).
17. Росен Плевнелиев: България защити своя проект да бъде регионален газов център // Информационный портал «19 минут». — URL: <https://19min.bg/news/8/125620.html> (дата обращения: 09.01.2020).
18. Руският газ тръгва през България в обход на Украина // Информационное агентство «Фокус». — URL: <http://www.focus-news.net/analysis/2019/09/19/3895/vzglyad-ruskiyat-gaz-tragva-prez-balgariya-v-obhod-na-ukrayna.html> (дата обращения: 19.09.2020).

19. Румен Петков, АБВ: Пропуснахме голямата възможност вчерашната церемония да бъде в България // Информационное агентство «Фокус». — URL: <https://www.fokus.bg> (дата обращения: 19.09.2020).
20. Руският «подарък» и големият тест за газовата трансформация в България // Медианул. — URL: <https://www.mediapool.bg/ruskiyat-podarak-i-golemiyat-test-za-gazovata-transformatsiya-v-bulgaria-news304245.html> (дата обращения: 07.03.2020).
21. Состоялась торжественная церемония открытия газопровода «Турецкий поток» // Новости компании «Газпром». — URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2020/january/article497322/> (дата обращения: 10.01.2020).
22. Саш са против «Турски поток» през България // Медианул. — URL: <https://www.mediapool.bg/sasht-sa-protiv-turski-potok-prez-bulgaria-news302103.html> (дата обращения: 10.01.2020).
23. Третий энергопакет как ключевой фактор отношений России и ЕС // Новости энергетики. — URL: <https://novostienergetiki.ru/tretij-energopaket-kak-klyuchevoj-faktor-otnoshenij-rossii-i-es/> (дата обращения: 20.10.2020).
24. Хлад между София и Москва. Има защо // Информационный портал DW. — URL: <https://www.dw.com/bg/хлад-между-софия-и-москва-има-защо/a-51554849> (дата обращения: 06.01.2020).
25. Чавдар Минчев: Реално Балкански поток е вътрешна мрежа на България за снабдяване с газ // Информационное агентство «Фокус». — URL: <http://www.focus-news.net/opinion/2020/01/08/52218/chavdar-minchev-namo-realno-balkanski-potok-e-vatreshnata-mrezha-na-balgariya-za-snabdyavane-s-gaz.html> (дата обращения: 28.01.2020).
26. *Шумицкая Е. В.* Болгария и Румыния: 10 лет в ЕС. — М.: ИМЭМО РАН, 2018. — 96 с.

Тимакова Ольга Александровна,

кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Timakova,

Ph. D. (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: olga.timakova12@gmail.com

**ПОЛИТИКА АДМИНИСТРАЦИИ ДЖ. БАЙДЕНА
В ОТНОШЕНИИ НАТО****J. BIDEN ADMINISTRATION POLICY TOWARDS NATO**

Аннотация: в ноябре 2020 года на президентских выборах в США победил Дж. Байден. Во время предвыборной кампании он не раз заявлял о намерении восстановить союзнические трансатлантические отношения, которые в период президентства Д. Трампа значительно ухудшились. Европейские союзники также открыто поддерживали президента-демократа, но дружественные отношения между Европой и США не станут достаточным основанием для восстановления солидарности в НАТО. Повестка дня для альянса требует пересмотра. Страны Европы и США признают необходимость восстановить консенсус по таким важным вопросам для Вашингтона, как «справедливое распределение бремени» расходов на оборонную сферу, сдерживание России и противостояние с Китаем. Со своей стороны европейские страны-члены поддерживают большее участие альянса в реализации Целей устойчивого развития ООН.

Ключевые слова: США, НАТО, Европа, Дж. Байден, Д. Трамп, Китай, Россия.

Abstract: in November 2020, J. Biden won the US presidential election. In his election campaign, he has repeatedly stated his intention to restore allied transatlantic relations, which have deteriorated significantly during the presidency of his predecessor D. Trump. The European Allies are also much more friendly towards the Democratic President, but this is not a sufficient reason for the restoration of solidarity in NATO. The agenda within the alliance also requires revision and transformation. The countries of Europe and the United States need to find a consensus on such important issues for Washington as «equitable burden sharing» of defense spending, deterrence of Russia and confrontation with China. For their part, the European member states will promote a new sustainable agenda for the alliance.

Key words: USA, NATO, Europe, J. Biden, D. Trump, China, Russia.

Введение

Победа Джо Байдена на президентских выборах в США в ноябре 2020 года сопровождалась еще до объявления официальных результатов серией приветствий среди европейских стран — членов НАТО и даже руководства блока, которые выражали на-

дежду на возвращение американского лидерства и сохранение либерального мирового порядка [43].

В условиях кризиса коронавируса нынешняя система международных отношений значительно больше напоминает вестфальский порядок или блоковое противостояние, чем либеральный «конец истории» начала XXI века [2]. Дж. Байден намеревается изменить это. Анализ его внешнеполитических обещаний четко показывает, что Европа является его приоритетом и он станет самым «атлантистским» президентом последних десятилетий [22]. Тем не менее не всё так однозначно с будущей политикой Байдена в отношении европейских союзников, а главное — с целями этой политики.

Для определения будущей траектории развития НАТО есть несколько принципиальных вопросов о будущей политике Дж. Байдена: насколько сильно стратегия Дж. Байдена в отношениях с союзниками по альянсу будет отличаться от политики Д. Трампа? Продолжит ли он линию конфронтации с Китаем и сдерживания России в рамках? Намерен ли он восстановить трансатлантические отношения на уровне 2016 года?

Новое американское лидерство при Дж. Байдене

Результаты президентского срока Д. Трампа оставили неоднозначное впечатление как в американском обществе, так и среди европейских стран-союзниц. Как Д. Трамп позволял себе не считаться с интересами трансатлантической солидарности, открыто критиковать союзников и даже вводил против них санкции, так и политические деятели, аналитики и представители СМИ стран Европы в своих высказываниях относительно личных качеств бывшего президента ведущей сверхдержавы мира называли Д. Трампа самовлюбленным, необразованным, смехотворным и т. д. — невиданный до настоящего момента прецедент [5].

Американские эксперты видят в Дж. Байдене символическое возвращение традиционной внешней политики Америки и ее глобального лидерства [18]. С первого дня в Белом доме он планомерно отменяет все решения Д. Трампа, как когда-то тот в 2017 году аналогично поступал с наследием Б. Обамы. Дж. Байден подписал распоряжении о возвращении в Парижское соглашение по климату, о возобновлении переговоров с Ираном

по ядерной сделке и о налаживании международного сотрудничества по борьбе с коронавирусом.

Хотя политика Трампа и отличалась особой резкостью и односторонностью, схожие шаги можно наблюдать и при других президентах США. Президент Б. Обама в свой второй срок опубликовал меморандум, выводящий из-под юрисдикции Международного уголовного суда действия Вооруженных сил США [27], так же как и Д. Трамп вывел часть контингента из Европы [40]. Другой пример связан с Киотским протоколом — президент Б. Клинтон его подписал, но Конгресс США при президенте Дж. Буше-мл. отказался его ратифицировать [39].

Западное мировое сообщество тем не менее выражает надежду, что новый хозяин Белого дома восстановит нормы международного общения, договорные обязательства и, самое главное, доверие между трансатлантическими союзниками. Однако консервативный национализм и популизм, получившие распространение в мире в период президентства Д. Трампа, не исчезнут просто благодаря факту избрания президента-демократа, и в 2024 году к власти снова может прийти Д. Трамп или его последователь, тем более что правый национализм до сих пор популярен среди американских избирателей [5].

По мнению нескольких бывших высокопоставленных чиновников США, например бывшего государственного секретаря Дж. Шульца, коллективный Запад приблизился к «точке невозврата» — если бы в ноябре 2020 года победил Д. Трамп, либеральному интернационализму был бы нанесен сокрушительный удар, система союзнических обязательств, выстроенная США, была бы окончательно уничтожена, постъялтинский мировой порядок формально прекратил существовать и, наконец, глобальному лидерству США пришел бы конец [26]. Данный тезис подтверждается, например, опросом Pew Research Center, который проводится ежегодно уже 20 лет в 13 развитых демократических государствах. Согласно результатам опроса осенью 2020 года, уверенность в действиях Америки находится на самом низком зафиксированном уровне (16%) в отличие от показателей Китая (19%) и России (23%) [41].

Остается открытым вопрос: насколько Байден будет способен и готов восстановить отношения трансатлантической соли-

дарности между союзниками и вернуть уверенность международного сообщества в американском лидерстве?

В экспертном сообществе существует три точки зрения на будущее мирового порядка после окончания пандемии. Первая утверждает, что Соединенные Штаты смогут оправиться от кризиса и восстановить подобие либерального мирового порядка, ограничив геополитические амбиции Китая [11; 16—18; 35]. Вторая предсказывает глобальное лидерство Китая, так как именно он меньше всех пострадал от нынешнего коронавирусного кризиса, сумев обернуть себе во благо данную ситуацию [7; 15; 29]. Третий вариант развития событий — пессимистичный и предполагает хаос и анархичную бесполярность. В отсутствие лидера в лице США международные институты придут в упадок и будут местом противостояния разных полюсов силы, пытающихся перекрыть сферы влияния в мире [8; 30].

Дж. Байдена можно охарактеризовать как «либерального интернационалиста», который в целом поддерживает продвижение демократии в мире, свободную торговлю и многосторонние институты, но только тогда, когда в них лидируют США. Его внешнеполитическое мировоззрение строится на главном постулате — любое событие должно происходить на американских условиях и под американским руководством. Это внешнеполитическое кредо он впервые высказал во время выступления на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2019 года, пообещав, что «Америка вернется во главу стола» в международных делах [33]. Дж. Байден определяет ключевой стиль своей внешней политики в программной статье в журнале «Foreign Affairs» весной 2020 года: «... дипломатия должна быть первоочередным инструментом американской власти» [4, с. 72].

Ключевые изменения произойдут именно на уровне риторики — уйдет в прошлое твиттер-дипломатия и вернется поддержка либерально-демократических ценностей. Однако Дж. Байден будет продолжать линию Трампа по уменьшению военного присутствия за рубежом. Американская общественность на протяжении последних лет всё более решительно настроена против бессрочных интервенций, а значит, Дж. Байден, как до него Д. Трамп и Б. Обама, продолжит сворачивание военного участия в военных конфликтах. Другой сферой, где Байден не введет рез-

ких изменений, станет торговая политика. Тарифы, введенные Д. Трампом в отношении стран Европы, Дж. Байден решил пока не снимать [9]. Кроме того, он вряд ли обернет вспять все внешнеполитические решения Д. Трампа, и по многим важным вопросам в политике новой администрации можно будет наблюдать больше преемственности, чем изменений.

Отношения Дж. Байдена и лидеров Европы

К 7—8 ноября, через несколько дней после выборов в США, многие европейские политики уже поспешили поприветствовать Дж. Байдена в качестве победителя. Данный поток поздравительных посланий со стороны либеральных европейских лидеров свидетельствует «о глубоком облегчении» и надежде на возвращение традиционных партнерских трансатлантических отношений [1].

Даже Генеральный секретарь НАТО поздравил Дж. Байдена и К. Харрис с победой задолго до объявления официальных результатов [10]. Верховный представитель Европейского союза по иностранным делам и политике безопасности Ж. Боррель заявил, что рад шансу работать с Президентом США, который «не считает [Европу] врагом» [13].

Европейские либеральные элиты испытывают ностальгию в попытке вернуть «старые добрые дни» [20]. Общая надежда такова, что трансатлантические отношения возможно продолжить на том этапе, какими они были в 2016 году, перечеркнув все те события, что произошли за четыре года президентства Д. Трампа.

Всё чаще, однако, звучат заявления политиков и экспертов о том, что надежды на восстановление трансатлантической солидарности, возлагаемые на Дж. Байдена, нереализуемы [см.: 6; 20; 26]. Восстановить их в том виде, в котором они существовали, невозможно, не решив те проблемы, которые остаются в отношениях между США и странами Европы уже многие десятилетия, не говоря уже о структурных проблемах самого ЕС.

Именно в период президентства Д. Трампа в европейских странах начались дискуссии о стратегической автономности ЕС от Соединенных Штатов. С 2017 года европейское научное сообщество отстаивает точку зрения, что Вашингтон может не принимать во внимание ни исторические отношения стратегическо-

го партнерства с европейскими союзниками, ни связывающие их соглашения и обязательства в случаях, когда интересы США и стран Европы будут идти вразрез. Элиты ЕС приходят к пониманию, что отношения между Европейским союзом и США не должны строиться исключительно на поддержании дружеских взаимоотношений между руководителями стран [6].

В Европе увеличивается число тех, кто не воспринимает Америку как стратегического союзника. Более того, в Германии почти половина респондентов опроса не смогли определиться, с кем необходимо выстраивать более дружественные отношения — с Америкой или Китаем [25].

Американская общественность, например, также неоднозначно относится к международному сотрудничеству, указывая на недостаточный вклад европейских союзников [14]. А тем временем американские научные центры¹ считают, что роль Соединенных Штатов в стабильности и процветании Европы нельзя переоценить. Именно США обеспечивают для Европы мир и свободу.

Именно с приходом Д. Трампа европейцы связывают развитие в Европе популистских идей и победу на выборах националистических сил в Польше и Венгрии. Д. Трамп, например, неоднократно выражал скептическое отношение к европейскому интеграционному проекту и, в частности, поддерживал выход Великобритании из состава ЕС [28].

Ослабление американского лидерства и уверенности союзников в американской помощи во многом способствуют политической разобщенности среди членов альянса. Существующие напряженные отношения в Восточном Средиземноморье и вооруженное противостояние членов по блоку является тому свидетельством. Дж. Байден, однако, не рассматривает проблемы во взаимоотношениях между европейскими странами — членами блока как вопрос трансатлантической солидарности, уводя его в сферу исключительно внутриевропейских отношений.

В таких условиях 60-летний юбилей НАТО в 2019 году прошел под лозунгом «смерти мозга» альянса. Но как в 2009 году, на 50-летнем юбилее НАТО, так и в 1999 году, на 40-летнем юбилее, аналитики и политические деятели публично заявляли о своих сомнениях в продолжении существования альянса [36].

¹ Например, в публикациях Атлантического совета и Германского фонда Маршалла (организации, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации).

Уже тогда звучали аргументы о том, что в условиях отсутствия единого врага, разногласий между союзниками и растущего смещения фокуса Соединенных Штатов с Европы в сторону Азии альянс распадется. Проблемы во взаимоотношениях между европейскими союзниками и США — это не явление XXI века. Аналогичные события происходили и в 1958 году, и в 1978 году [34]. Руководство НАТО, напротив, указывает, что именно это является признаком устойчивости альянса и его приверженности либерально-демократическим ценностям.

Повестка дня НАТО при Дж. Байдене

Ключевая проблема взаимоотношений союзников внутри альянса на протяжении уже десятилетий — это вопрос о расходах на оборонную сферу. Дж. Байден неоднократно критиковал Д. Трампа за его позицию в отношении альянса и стремлении «разделить бремя расходов». Дж. Байден указывает, что взаимоотношения между союзниками по блоку выходят за пределы исключительно финансового вопроса. Он уверен, что НАТО — это краеугольный камень национальной безопасности США и форпост либерально-демократических идеалов мира благодаря тому, что он является союзом ценностей, а не партнерством, построенным на принуждении и финансовых обязательствах [4, с. 73].

Дж. Байден строит свою внешнеполитическую стратегию, опираясь на потенциал НАТО, но также стремится изменить «зависимое положение Европы» [5]. Он не отрицает своего намерения добиться от союзников больших расходов в оборонной сфере и даже указывает, что гордится тем, что именно при администрации Обамы и его непосредственном участии союзники по альянсу приняли на себя обязательства по увеличению расходов [4, с. 73].

Именно риторика Д. Трампа в этом вопросе уникальна — он первым указал на будущую взаимозависимость между расходами европейских союзников и исполнением Соединенными Штатами своих обязательств по обороне [6].

С 2014 года наблюдался процесс роста расходов на оборону европейских стран блока. Тем не менее достижение двухпроцентного целевого показателя по расходам на оборонную

сферу наблюдалось едва только у 1/3 членов НАТО, среди которых — страны Балтии, Болгария, Греция, Румыния, Польша, Великобритания и сами Соединенные Штаты. А на саммите НАТО в 2018 году Трамп даже повысил свое требование до 4 % вместо 2 % [37]. Европейским политикам было достаточно просто противостоять давлению Д. Трампа в вопросе повышения расходов ввиду его постоянной критики альянса — при президентстве Дж. Байдена такая политика уже будет маловероятной.

В новых отношениях между Европой и США при Дж. Байдене вопрос расходов на оборонную сферу не уйдет на второй план. В условиях пандемии и необходимости восстанавливать экономику после коронавирусного кризиса многие европейские союзники уже заявили, что не будут повышать расходы на оборонную сферу [41].

Больше всего претензий по поводу оборонных расходов руководство Соединенных Штатов предъявляет Германии — ведущей, экономически развитой стране Европы [19]. Символическое значение «победы США над Германией» в вопросе оборонных расходов должно, по мнению М. Пенса, бывшего госсекретаря США [19], завершить длительные споры между союзниками и привести к окончательной победе Вашингтона. Пока же Германия в очередной раз перенесла срок выполнения оборонных обязательств с 2024-го на 2031 год [41].

В июле 2020 года после очередного отказа Германии повысить оборонные расходы последовало решение Д. Трампа передислоцировать военный контингент Соединенных Штатов в Польшу. Данный шаг неоднозначно был воспринят не только в НАТО, но и в США. Немецкое руководство назвало его ударом для потенциала альянса.

Такое решение было принято, несмотря на предостережения как со стороны Министерства обороны США, так и со стороны обеих палат Конгресса [23]. Суть беспокойства заключается не только в условных «сигналах» России или ухудшении трансатлантических отношений, но в большей мере — в стратегической значимости военных баз в Германии с точки зрения логистики и инфраструктуры.

Другой спорный вопрос на повестке дня НАТО — взаимоотношения с Китаем. Дж. Байден еще более негативно настроен

в отношении Китая, чем даже Д. Трамп. В США в отношении противодействия амбициям и политике Китая сложился консенсус, а риторика ужесточается [44]. Представители бизнес-сообщества, однако, постепенно преодолевают межпартийные разногласия в этом вопросе. Опросы общественного мнения подтверждают негативное отношение к Китаю и со стороны широкой общественности [3].

Вашингтон утверждает, что китайское руководство планомерно расширяет свое глобальное присутствие, навязывает свою политическую модель и направляет инвестиции в те сферы, которые делают его претендентом на глобальное лидерство и позволяют ему контролировать ключевые технологии будущего.

Ослабление позиций Америки как гегемона не может быть исправлено Дж. Байденом. Очевидно, что оно связано с политическим ущербом, который нанесли Соединенным Штатам десятилетия безрезультатных войн на Ближнем Востоке, а также с экономическими проблемами в США, которые привели к мировому финансовому кризису 2008 года, начавшемуся в Америке. Более того, если в начале XXI века ВВП США составлял 32 % общемирового объема, к 2018 году — середине президентского срока Трампа — он уже упал до 24 %, а к окончанию нынешнего президентского мандата Байдена в 2025 году его оценивают в 15 % [38].

К началу третьего десятилетия XXI века Соединенные Штаты и Китай еще остаются равными соперниками по совокупной мощи. Так как способность США влиять на мировую политику и экономику планомерно снижается, а баланс сил продолжает смещаться с Запада на Восток, прежде всего на Китай, американское лидерство всё больше зависит от того, насколько эффективно Соединенные Штаты могут убедить и консолидировать страны, являющиеся их союзниками, по всему миру. Именно на это нацелена политика Байдена по улучшению взаимоотношений с европейскими членами альянса.

Перезагрузка отношений с европейскими странами НАТО становится не самоцелью, а лишь средством для противодействия соперникам по реформированию мирового порядка, который более не концентрируется исключительно на американской гегемонии. Дж. Байден попытается консолидировать страны Евро-

пы на саммите за демократию, который он планирует провести в 2021 году. При проведении мероприятия планируется использовать опыт саммита по ядерной безопасности, а его участники должны будут взять на себя обязательства по продвижению демократических ценностей в своих странах и за рубежом [12].

В направлении противодействия Китаю действовал также Д. Трамп — он убедил в рамках саммита НАТО включить в заключительное коммюнике положение об угрозе Китая для всех стран альянса. «Мы признаем, что растущий рост влияния Китая и его политика в международной сфере представляет собой как возможности, так и проблемы, которые мы должны решать сообща как альянс» [21]. С этого момента страны НАТО будут систематически сталкиваться с «фактором Китая» при взаимодействии с Соединенными Штатами [24].

Наконец, третий ключевой проблемой, которую потребует решить Дж. Байдену в отношениях с европейскими союзниками Америки, является российский вопрос. Политика Дж. Байдена в отношении России потенциально будет проводиться по двум основным направлениям. Прежде всего, позиция Дж. Байдена была неоднократно им объявлена: «... для противодействия агрессии России необходимо поддерживать обороноспособность альянса, а также расширять его потенциал в таких нетрадиционных сферах безопасности, как дезинформация и киберпреступления». Союзники по НАТО должны также консолидироваться, чтобы единым блоком «призвать к ответственности Россию» [4, с. 73].

Поэтому администрация Дж. Байдена будет подтверждать те обязательства НАТО, от которых Трамп во многом пытался отказаться, в том числе более твердую позицию Америка вновь примет в отношении Украины. Как ожидается, одним из первых внешнеполитических визитов Дж. Байдена станет именно Киев.

Белый дом будет жестко добиваться прекращения строительства «Северного потока — 2». В этом вопросе основное противостояние развернется не между США и Россией, а между США и Германией. Берлин, вероятнее всего, продолжит настаивать исключительно на экономической стороне проекта, доказывая, что тот лишь укрепит уровень энергетической безопасности страны.

Тем не менее в отличие от своего предшественника Дж. Байден не будет отказываться от международных договоров, свя-

зывающих Россию. Именно поэтому в окружении Дж. Байдена поддержали продление Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений, срок которого истекает 5 февраля 2021 года. Договор будет действовать до 2026 года без изменений и дополнений в том виде, в каком был подписан в 2010 году.

Цель второго направления политики Байдена в отношении России — не допустить сближения России и Китая. Однако практически во всех внешнеполитических документах¹ Соединенных Штатов на среднесрочную перспективу отмечаются положения о сдерживании России. В связи с этим ключевым остается вопрос о том, как администрация Дж. Байдена будет удерживать баланс между давлением на Россию и сохранением ее в сфере своего влияния.

Заключение

Первоочередная задача Президента Байдена — восстановить единство и стабильность, прежде всего, американского общества. Вся внешнеполитическая стратегия и, особенно, успех ее реализации будут зависеть от внутривнутриполитической ситуации в Соединенных Штатах. Восстановление глобального лидерства США, о котором заявляет Дж. Байден, вряд ли возможно без комплексных внутривнутриполитических реформ внутри страны. Согласно опросу «Wall Street Journal», более 2/3 американцев считают, что положение дел в стране «вышло из-под контроля» [3], и значительная часть населения Соединенных Штатов не признают Байдена легитимным президентом.

Администрации Дж. Байдена потребуется гибко реагировать на экономические и социальные издержки пандемии коронавируса, возрастающую серьезность климатических изменений, дипломатический ущерб, нанесенный администрацией Трампа, и ухудшение перспектив экономического развития США и ЕС.

В свою очередь, страны Европы не стремятся быть втянутыми в противостояние великих держав, даже наоборот, их декларируемая цель –сотрудничество с наибольшим количеством акторов международных отношений, поддержка многополярности, глобального экономического и устойчивого развития.

¹ В число этих документов, прежде всего, можно включить Стратегию национальной безопасности 2017 года, Стратегию по противодействию разведывательной деятельности 2020—2022 годов, Обзор ядерной политики США 2018 года.

В своей речи «О положении дел в Союзе» 2020 года Верховный комиссар ЕС Урсула фон дер Ляйен заявила, что Европа «готова к новым трансатлантическим отношениям» [31]. Однако видение целей и задач НАТО и сущности трансатлантических отношений включает в себя не вопросы военной безопасности, а более насущные, как показал коронавирусный кризис, такие как проблемы климата, экономического и социального развития. На уровне ЕС, например, Еврокомиссия утверждает специальные годовые программы для реализации «всеобъемлющего» или «общегосударственного» подхода к реализации Целей устойчивого развития ООН. Устойчивое развитие для ЕС уже стало неотъемлемой частью политической и экономической программ каждой страны-члена — в его рамках уже приняты Зеленый пакт для Европы и Стратегия устойчивого роста 2020 года.

Литература

1. *Balfour R.* Europe's Reaction to a Biden Presidency // Carnegie Endowment for International Peace. — 09.11.2020. — URL: <https://carnegieendowment.org/2020/11/09/europe-s-reaction-to-biden-presidency-pub-83180> (accessed: 25.01.2021).
2. *Ben-Ami Sh.* Joe Biden's World Order // Project Syndicate. — 17.11.2020. — URL: https://www.project-syndicate.org/commentary/liberal-world-order-after-trump-by-shlomo-ben-ami-2020-11?utm_source=Project+Syndicate+Newsletter&utm_campaign=c9bb6856c5-sunday_newsletter_11_22_2020&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-c9bb6856c5-93856777&mc_cid=c9bb6856c5&mc_eid=5314e34c2b (accessed: 25.01.2021).
3. *Bender M.* Americans are more troubled by police actions in killing George Floyd than by violence at protests, poll finds // Wall Street Journal. — 07.06.2020. — URL: <https://www.wsj.com/articles/americans-are-more-troubled-by-police-actions-in-killing-of-george-floyd-than-by-violence-at-protests-poll-finds-11591534801> (accessed: 25.01.2021).
4. *Biden J.* Why America Must Lead Again // Foreign Affairs. — Vol. 99. — 2020. No. 2. — P. 64—76.
5. *Biden to the Rescue?* // Project Syndicate. — 21.01.2021. — URL: https://www.project-syndicate.org/bigpicture/biden-to-the-rescue?utm_source=Project%20Syndicate%20Newsletter&utm_campaign=4b6f3d1111-covid_newsletter_01_21_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-4b6f3d1111-93856777&mc_cid=4b6f3d1111&mc_eid=5314e34c2b (accessed: 25.01.2021).
6. *Biscop S.* Biden's victory and Europe's strategic autonomy // Egmont. — 24.11.2020. — URL: <https://www.egmontinstitute.be/bidens-victory-and-europes-strategic-autonomy/> (accessed: 25.01.2021).
7. *Campbell K. M., Doshi R.* The Coronavirus Could Reshape Global Order // Foreign Affairs. — 18.03.2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-03-18/coronavirus-could-reshape-global-order> (accessed: 25.01.2021).
8. *Cooley A., Nexon D.* How Hegemony Ends: The Unraveling of American Power // Foreign Affairs. — Vol. 99. — 2020. — No. 4. — P. 143—156.
9. *David D.* How will Joe Biden change US trade relations? // BBC. — 09.11.2020. — URL: <https://www.bbc.com/news/business-54841527> (accessed: 25.01.2021).
10. *Deese K.* NATO secretary general 'warmly' welcomes Biden as president-elect // The Hill. — 07.11.2020. — URL: <https://thehill.com/policy/international/524971-nato-secretary-general-warmly-welcomes-biden-as-president-elect> (accessed: 25.01.2021).

11. *Deudney D., Ikenberry J.* Liberal World: The Resilient Order // Foreign Affairs. — Vol. 97. — 2018. — No. 4. — P. 16—24.
12. *Ember S., Glueck K.* Biden, in Foreign Policy Speech, Castigates Trump and Urges Global Diplomacy // The New York Times. — 11.07.2019. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/11/us/politics/joe-biden-foreign-policy.html> (accessed: 25.01.2021).
13. EU's Borrell welcomes U.S. president 'who doesn't consider us a foe' // Reuters. — 09.11.2020. — URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-eu-borrell-idUSKBN27P2LB> (accessed: 25.01.2021).
14. *Fox J.* Americans sure do agree on a lot // Bloomberg. — 14.12.2020. — URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-12-14/polling-shows-americans-agree-on-trade-immigration-climate> (accessed: 25.01.2021).
15. *Green M., Medeiros E. S.* The Pandemic Won't Make China the World's Leader // Foreign Affairs. — 15.04.2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-15/pandemic-wont-make-china-worlds-leader> (accessed: 25.01.2021).
16. *Ikenberry J.* The End of the Liberal International Order? // International Affairs. — Vol. 94. — 2018. — No. 1. — P. 7—23.
17. *Ikenberry J.* The Illusion of Geopolitics: The Enduring Power of the Liberal Order // Foreign Affairs. — Vol. 93. — 2014. — No. 3. — P. 80—90.
18. *Ikenberry J.* The Next Liberal Order // Foreign Affairs. — Vol. 99. — 2020. — No. 4. — P. 133—142.
19. *Karnitschnig M.* NATO's Germany hatefest // Politico. — 05.04.2019. — URL: <https://www.politico.eu/article/nato-germany-hatefest-defense-spending-row-donald-trump/> (accessed: 25.01.2021).
20. *Kluth A.* Trump or Biden, the US and Europe will split // Bloomberg. — 08.10.2020. — URL: <https://www.bloombergquint.com/opinion/election-2020-trump-or-biden-the-u-s-and-europe-will-split> (accessed: 25.01.2021).
21. London Declaration // NATO Official Website. — 04.12.2019. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (accessed: 25.01.2021).
22. *Ney J.* How will Biden intervene? // Project Syndicate. — 05.01.2021. — URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/how-will-biden-intervene-abroad-by-joseph-s-nye-2021-01> (accessed: 25.01.2021).
23. *Olsen M. R.* Donald Trump and the battle of the two percent. How will the US election impact on the conflicts over defence spending within NATO? // DIIS Policy Brief. — 20.10.2020. — URL: <https://www.diis.dk/en/research/donald-trump-and-the-battle-of-the-two-percent> (accessed: 25.01.2021).
24. *Olesen M. R.* What to do about China? // DIIS Policy Brief. — 20.01.2021. — URL: https://www.diis.dk/en/research/what-to-do-about-china?utm_medium=email&utm_campaign=DIIS%20Notifications%202021%20January%202021&utm_content=DIIS%20Notifications%202021%20January%202021+CID_992c309b1fe2d35268a679a42e5ad25f&utm_source=Email%20marketing%20software&utm_term=What%20to%20do%20about%20China (accessed: 25.01.2021).
25. One in three Europeans says US can't be trusted: Poll // Politico. — 19.01.2021. — URL: <https://www.politico.eu/article/1-in-3-europeans-say-us-cant-be-trusted-poll-donald-trump-joe-biden/> (accessed: 25.01.2021).
26. *Porter P.* The False Promise of Liberal International Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump. — L.: Polity Press, 2020. — 224 p.
27. Presidential Memorandum — Certification Concerning U.S. Participation in the United Nations Multidimensional / The White House. President Barack Obama. — 31.01.2014. — URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/01/31/presidential-memorandum-certification-concerning-us-participation-united> (accessed: 25.01.2021).
28. *Raphael T.* No wonder Donald Trump loves Brexit so much // Bloomberg. — 03.06.2019. — URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2019-06-03/trump-visit-uk-why-the-president-loves-brexit-so-much> (accessed: 25.01.2021).
29. *Rapp-Hooper M.* China, America, and the International Order after the Pandemic // War on the Rocks. — 24.03.2020. — URL: <https://warontherocks.com/2020/03/china-america-and-the-international-order-after-the-pandemic/> (accessed: 25.01.2021).

30. *Rudd K.* The Coming Post-COVID Anarchy // Foreign Affairs. — 06.05.2020. — URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy> (accessed: 25.01.2021).
31. *Silver L., Devlin K., Huang C.* Unfavorable views of China reach historic highs in many countries/Pew Research Center. — 06.10.2020. — URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/10/06/unfavorable-views-of-china-reach-historic-highs-in-many-countries/>(accessed: 25.01.2021).
32. State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary // European Commission. — 16.09.2020. — URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_20_1655 (accessed: 25.01.2021).
33. Statement by Joseph R. Biden Jr. followed by Q&A / Munich Security Conference. — 16.02.2019. — URL: <https://securityconference.org/mediathek/asset/statement-by-joseph-r-biden-jr-followed-by-qa-1400-16-02-2019/>(accessed: 25.01.2021).
34. Strategic survey 2018: the annual assessment of geopolitics/International Institute for Strategic Studies. — 2018. — URL: <https://www.iiss.org/publications/strategic-survey/strategic-survey-2018-the-annual-assessment-of-geopolitics> (accessed: 25.01.2021).
35. *Sullivan J.* The World After Trump // Foreign Affairs. — Vol. 97. — 2018. — No. 2. — P. 10—19.
36. *Tertrais B.* L'OTAN existera-t-elle encore en 2009? // La Revue internationale et stratégique. — 1998. — No. 32. — P. 121—129.
37. Trump tells NATO leaders to increase defense spend to 4 percent // Reuters. — 11.07.2018. — URL: <https://cn.reuters.com/article/instant-article/idUSBN1K12BW> (accessed: 25.01.2021).
38. United States share of global gross domestic product 2025 // Statista. — 06.01.2021. — URL: <https://www.statista.com/statistics/270267/united-states-share-of-global-gross-domestic-product-gdp/>(accessed: 25.01.2021).
39. U. S. Rejection of Kyoto Protocol Process // The American Journal of International Law. — Vol. 95. — 2001. — No. 3. — P. 647—650.
40. US to withdraw two Europe combat brigades // BBC. — 13.01.2012. — URL: <https://www.bbc.com/news/16543456> (accessed: 25.01.2021).
41. *Warrel H.* Most NATO countries set to miss military spending target // Financial Times. — 21.10.2020. — URL: <https://www.ft.com/content/9bf3fe51-f6c2-4c74-86b0-db2918e33745> (accessed: 25.01.2021).
42. *Wike R., Fetterolf J., Mordecai M.* US Image plummets internationally as most say country has handled coronavirus badly/Pew Research Center. — 15.09.2020. — URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/09/15/us-image-plummets-internationally-as-most-say-country-has-handled-coronavirus-badly/>(accessed: 25.01.2021).
43. Who hasn't met Biden // Politico. — 10.11.2020. — URL: <https://www.politico.eu/article/in-europe-and-around-the-globe-one-things-clear-everybody-knows-joe-biden/>(accessed: 25.01.2021).
44. *Wright T.* The point of no return: the 2020 election and the crisis of American foreign policy / Lowy Institute for International Policy. — 2020. — URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep26114> (accessed: 25.01.2021).

Троянский Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mikhail G. Troyansky,

PhD (History), Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

Карпович Олег Геннадьевич,

доктор юридических наук,
доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg G. Karpovich,

Doctor of Law, Doctor of Political Science,
Professor, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: iamp@dipacademy.ru

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

LATIN AMERICA THROUGH THE LENS OF MODERN GLOBAL CHANGES

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию современных трендов и проблем Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАКБ) на фоне формирования многополярного мира в условиях нарастания глобальной неопределенности, связанной с пандемией COVID-19 и жесточайшим финансово-экономическим кризисом. Кризис однопольного мира требует также выдвижения новой глобальной альтернативы, основанной на принципах международного права и учитывающей центральную роль Организации Объединенных Наций. Страны ЛАКБ являются одним из перспективных партнеров Российской Федерации по торгово-экономическому, инвестиционному, научно-образовательному сотрудничеству. В условиях пандемии коронавируса Россия протянула руку помощи целому ряду латиноамериканских государств в части противодействия COVID-19, поставки вакцины «Спутник V». Дальнейшее развитие получили гуманитарные контакты со странами ЛАКБ. Традиционные взаимные симпатии наших народов способствуют формированию позитивного образа России в Латинской Америке.

Ключевые слова: COVID-19, пандемия, вакцина, многополярность, ЛАКБ, Россия, дипломатия, сотрудничество, интеграция, ООН.

Abstract: this article is devoted to the study of current trends and problems in Latin America and the Caribbean (LACB) against the background of the formation of a multipolar world in the context of increasing global uncertainty associated with the COVID-19 pandemic and the severe financial and economic crisis. The crisis of the unipolar world also requires a new global alternative, based on the principles of international law and with the central role of the United Nations. LACB is one of the most promising partners of the Russian Federation in trade,

economic, investment, scientific and educational cooperation. In the context of the coronavirus pandemic, Russia has extended a helping hand to a number of Latin American states in terms of countering COVID-19, the supply of the Sputnik V vaccine. Receive further development of humanitarian contacts with the countries of the LAC region. The traditional mutual sympathies of our peoples contribute to the formation of a positive image of Russia in the Latin America.

Key words: COVID-19, pandemic, vaccine, multipolarity, LACB, Russia, diplomacy, cooperation, integration, UN.

В ближайшие десятилетия регион Латинской Америки, прежде всего его ведущие государства, способен окончательно преодолеть состояние периферийности. Перспективы превращения Латинской Америки в самостоятельный центр многополярного мира связаны во многом с укреплением взаимодействия между странами континента.

COVID-19 стал серьезным испытанием для систем государственного управления и разных экономических моделей. Наглядно была продемонстрирована роль сильного государства с широкими возможностями мобилизации ресурсов и достижения баланса человеческих и экономических последствий карантинных ограничительных мер.

К сожалению, Латинская Америка стала одним из основных очагов коронавирусной пандемии. К началу 2021 года в регионе зарегистрированы 10,3 млн подтвержденных случаев заражения COVID-19 [1]. Наиболее критичное положение сложилось в Бразилии (8638,0 тыс. заразившихся), Колумбии (1956,9 тыс.), Аргентине (1831,0 тыс.), Мексике (1689,9 тыс.), Перу (1078,6 тыс.). Эти пять стран — в десятке государств мира, лидирующих по данному показателю. По числу заражений на 100 тысяч человек занимают первые позиции Панама (3200,2), Перу (2795,6), Чили (2718,1), Бразилия (2568,4), Аргентина (2347,0), Коста-Рика (2135,1) (Россия — 968,7). По числу смертей на 100 тысяч человек — Перу (108,6), Эквадор (76,8), Бразилия (75,4), Чили (75,3), Боливия (74,7), (Россия — 24,8) [1].

Пандемия COVID-19 продолжает наносить существенный экономический урон Латиноамериканскому региону. Власти вынуждены управлять экономиками в условиях беспрецедентного кризиса и падения макроэкономических показателей. Карантинные меры привели к резкому снижению деловой активности и доходов, прежде всего от сферы услуг и экспорта. По оценкам ООН, к концу 2020 года страны ЛАКБ показали снижение ВВП на 9,2% (худший показатель за 100 лет). Экспорт, как и объем получаемых

денежных переводов, сократился на 20 %. Безработица возросла до 13,5 % (8,1 % в 2019 г.). Уровень бедности превысил 37 % [5].

После снятия эпидемиологических ограничений в регионе ожидается резкий рост политической и социальной нестабильности. В государствах, где власти проводят неолиберальный политический курс, а системы здравоохранения тотально коммерциализируются (прежде всего, в Бразилии, Колумбии, Чили и Перу), прогнозируется высокий уровень смертности из-за ограниченного доступа населения к качественным бесплатным медицинским услугам.

Пандемическая ситуация и вызванный ею разрыв в уровне внешнеполитического профиля узкого круга развитых стран и остального мира обострили тенденцию нарастания конфликтного потенциала, которая характеризует современную международную обстановку и которая, особенно с начала 2019 года, охватила и Латинскую Америку.

Очевидно, что первопричиной происходящего является упрямое нежелание США принять реальность объективно формирующегося многополярного мира, их стремление продолжать навязывать свою волю посредством силовых, экономических, пропагандистских рычагов. Произошли изменения сложившихся в последние десятилетия парадигмы формирования миропорядка и основ международного общения.

В политике это вылилось в возникшую реальную угрозу концепции многосторонности — мультилатерализма в мировых делах. Налицо атака на принципы Устава ООН, закрепленные в нем важнейшие международно-правовые принципы, прежде всего уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, использования силы или угрозы силой.

В последнее время наблюдались тенденции подрыва институтов глобального управления, таких как ВТО, ЮНЕСКО, ВОЗ, Парижское соглашение по климату, с прицелом на саму ООН. По сути, проводится линия на «приватизацию» международных организаций: ставится вопрос о произвольном лишении полномочий делегаций суверенных стран, «регуливании» состава делегаций путем выдачи или невыдачи виз, невыплате задолженности в их бюджет; растет стремление придать политические функции техническим секретариатам — от Организации по за-

прещению химического оружия до Организации американских государств, расширить сферу ответственности НАТО, включив в нее, в частности, отдельные латиноамериканские государства.

Идет слом соглашений по разоружению. Продвигается тезис «Или договоренность на моих условиях, или никакой договоренности». Неприятие условий Вашингтона является «достаточным» поводом для введения санкций.

Отличительной чертой стала идеологизация международной политики по критерию «свой — чужой». В качестве абсолютного критерия стала выступать концепция демократии в ее западном прочтении. Применительно к Латинской Америке возрождена из забвения пресловутая доктрина Монро.

На этой основе происходит переформатирование политического профиля стран и целых регионов. Вспомним Ирак, Ливию, Сирию. Одним из инструментов такой политики является своего рода реорганизация национальных элит. Активно задействуется ресурс современных информационных технологий, социальных сетей, включая навязывание фейковых новостей.

Исподволь проводится мысль о том, что мир стал слишком сложным, его многообразие тормозит управляемость. Лучше использовать простые решения. Нормы международного права стоит подменить неким «порядком, основанным на правилах».

Катастрофически падает политический и дипломатический профессионализм. Современный политический менеджмент, в том числе на высшем уровне, всё больше рекрутируется из бизнеса, политиков второго эшелона, не запятнавших себя какими-либо несоответствиями доминирующему правозащитному тренду — от «Me Too» до «Black's Lives Matter», проповедников и звезд шоу-бизнеса.

В экономике речь идет о переходе от концепции экономического глобализма к протекционизму и национальному эгоизму со смещением ставки от многосторонних на двусторонние переговоры, с допущением торговых войн, применением санкций как средства нечестной конкурентной борьбы. Принципиальным аспектом является использование национального экономического инструментария, воспринимавшегося на определенном этапе как международный (доллар, банки), в качестве средства силового давления.

В этих условиях Россия продолжает проводить многовекторный внешнеполитический курс, ориентированный на защиту своих национальных, государственных интересов. Россия стремится консолидировать положительные тенденции на мировой арене, проводить поиск коллективных решений стоящих перед всеми государствами проблем на основе международного права, а в конечном итоге — содействовать становлению более справедливой, демократической, представительной полицентричной модели мироустройства, как того и требуют объективные реалии современного мира. Россия несет свою международную ответственность как постоянный член Совета Безопасности ООН, участник «Большой двадцатки», ВТО, БРИКС. Москва последовательно выступает за верховенство международного права, многосторонность в мировых делах, право и способность государств отстаивать свои самостоятельность и суверенитет, мирное решение проблем путем диалога. Для нас нет врагов — есть партнеры, какими бы трудными они ни были.

Позитивным примером конструктивного диалога остается взаимодействие с Латинской Америкой — регионом политической благожелательности, экономических возможностей, культурной близости и схожего с нами менталитета, что позволяет сохранять бесконфликтную и комфортную атмосферу для сотрудничества.

Для России Латинская Америка и Карибский бассейн (ЛАКБ) — самоценное направление внешней политики. Мы не смотрим на регион исключительно через призму геополитических интересов и не хотели бы, чтобы он превращался в арену для противоборства держав. Российским интересам отвечает способность стран ЛАКБ быть сильными в своей совокупности и единстве, политически сплоченными и экономически устойчивыми. Есть уверенность, что это позволит придать существующему миропорядку большую предсказуемость и стабильность.

Российский подход к взаимодействию с латиноамериканцами предельно логичен — никого никому не противопоставлять, не создавать разделительных линий и искусственных барьеров, не делить партнеров на друзей и врагов, а укреплять сотрудничество на основе взаимной поддержки, солидарности и уважения интересов друг друга. Наше сотрудничество с регионом строится на деидеологизированных, прагматичных подходах, не на-

правлено против кого-то. Под самоценностью мы понимаем и то, что не ставим партнеров перед дилеммой: с кем они.

Несмотря на серьезные геополитические изменения в мире, отношения России с государствами Латинской Америки и Карибского бассейна сохраняют свою позитивную динамику. Их характеризует активный политический диалог, в том числе на уровне глав государств, парламентов, внешнеполитических и других ведомств.

В последние годы заметно расширилась договорно-правовая база российско-латиноамериканских отношений. Это касается, в частности, создания зоны взаимных безвизовых поездок. Сейчас она охватывает 26 государств ЛАКБ, в конце 2020 года вступил в силу такой документ с Доминиканской Республикой. Согласовано еще два — с Белизом и Сент-Люсией: так что перспектива — 28 стран из 33-х. Безвизовыми для российских граждан стала вся Южная и практически вся Центральная Америка (переговоры с Мексикой, Барбадосом, Гаити, Багамами, Тринидадом и Тобаго продолжаются). То, насколько востребованным это является в последние годы (разумеется, с поправкой на пандемию), отчетливо показал прошедший в России в 2018 году Чемпионат мира по футболу, колорит и атмосферу которого во многом определили именно латиноамериканские болельщики.

В рамках возможностей Россия продолжает содействовать решению в регионе задач международного развития. В интересах укрепления там гражданской безопасности с участием Российской Федерации готовятся кадры национальных правоохранительных органов в профильных российских вузах и в региональных учебных центрах по повышению квалификации наркополицейских в Манагуа и Лиме [6, с. 159].

Россия неизменно оказывает помощь нуждающимся странам региона в преодолении последствий стихийных бедствий, занимается подготовкой специалистов на региональных курсах по чрезвычайному реагированию в Гаване. Стабильно растет число латиноамериканских студентов, обучающихся за счет российских государственных стипендий. С учетом взаимного интереса в укреплении образовательных связей стороны настроены активно работать над соглашениями о взаимном признании дипломов.

В период пандемии Россия оказала гуманитарное содействие Венесуэле, Доминиканской Республике, Коста-Рике, Кубе, Никарагуа, Перу, странам Центральной Америки на многосторонней основе. Поставлены партии ПЦР-тестов, средств индивидуальной защиты. Аргентина, Боливия, Бразилия и Венесуэла приобрели вакцину «Спутник V» [3]. Кроме того, через Центральноамериканскую интеграционную систему (ЦАИС) в Центральную Америку были переданы в дар от России тест-системы для диагностики COVID-19 (30 тыс. проб) и 10 тысяч проб — для стран — членов Центральноамериканского парламента.

Безусловно, позитивным аспектом взаимодействия является то, что вопреки продвигаемой коллективным Западом политики антироссийских санкций, включая вторичный эффект от них в виде блокирования долларовых транзакций американскими банками-регуляторами, латиноамериканцы не пошли по такому пути и это позволяет двигаться в развитии торгово-экономических и инвестиционных связей.

Тем не менее негативная мировая конъюнктура сказывается на динамике сотрудничества. В 2019 году российско-латиноамериканский товарооборот сократился на 10,6% (до 14,4 млрд долл. США), за первое полугодие 2020 года — еще на 17,1% (5,8 млрд долл. США) [2]. Безусловно, потенциал российско-латиноамериканской торговли гораздо выше.

Как у России, так и у государств Латинской Америки есть свои сильные и слабые стороны, что на практике означает важность использования взаимодополняющих возможностей наших экономик для выстраивания полноценных проектных, производственных, технологических альянсов.

Вместе с латиноамериканскими партнерами Россия реализует высокотехнологичные проекты в энергетике, металлургии, инфраструктуре, транспорте, биотехнологиях и др. Российская Федерация продолжает поощрять бизнес-диалог, в том числе в рамках Петербургского международного экономического форума.

Очень важно, что латиноамериканцы не встали на путь экономической закрытости и торгового протекционизма, заинтересованно развивают диалог с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС)/Евразийской экономической комиссией. Соответствующие документы о сотрудничестве подписаны Евразийской эко-

номической комиссией с МЕРКОСУР, Чили, Перу, Эквадором, Кубой, Латиноамериканской экономической системой, Андским сообществом. Готовы соглашения с Центральноамериканской экономической системой. В декабре 2020 года Куба получила статус государства — наблюдателя при ЕАЭС.

Очевидно, что интеграционные процессы в регионе переживают далеко не лучшие времена. Безусловно, латиноамериканцы должны сами определять наиболее комфортные для себя формы сотрудничества на континенте. Однако при оценке таких процессов для России принципиально важно, чтобы интеграционные объединения в ЛАКБ имели позитивную заряженность «за», а не «против» кого-либо, работали на единство латиноамериканских и карибских стран.

Работа в многостороннем формате не является для Российской Федерации императивом, а продвигается в тех случаях, когда имеется реальная возможность извлечь зримую добавленную стоимость к нашему сотрудничеству на двусторонней основе. В связи с этим можно отметить стремление укрепить механизм диалога с Россией, проявляемое мексиканским председательством в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна, решение стран Центральной Америки о предоставлении России статуса наблюдателя в ЦАИС [6, с. 161]. Реальная активность в настоящее время наблюдается в МЕРКОСУР и Тихоокеанском альянсе. Отношения с ними представляют для России интерес с точки зрения обострившейся на фоне протекционистских мер США конкуренции основных мировых экономических трендов. Россия рассчитывает на укрепление контактов с Торгово-экономическим союзом стран Центральной и северо-восточной Южной Америки (КАРИКОМ) в рамках действующего меморандума о политическом диалоге и сотрудничестве.

Возросшее давление на регион извне не привело к сокращению конструктивного взаимодействия с латиноамериканцами на международных площадках, прежде всего в ООН и ее специализированных органах. Оно опирается на общие принципы, объективно общие ценности и общую политическую философию, в основе которой — защита и утверждение национального суверенитета, приверженность международному праву, верность многосторонней дипломатии, соблюдению баланса интересов.

Россия ощущает традиционную поддержку стран ЛАКБ в вопросах международной информационной безопасности, обеспечения мер транспарентности и укрепления доверия в космосе, размещения первыми оружия в космосе, борьбы с героизацией нацизма.

Отметим авторитет региона в мировых делах. Страны Латинской Америки и Карибского бассейна всё более активно работают в ООН и ее Совете Безопасности. Бразилия представляет регион в БРИКС; Аргентина, Бразилия и Мексика — в «Группе 20»; Мексика, Перу и Чили — на региональном экономическом форуме Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества; Мексика и Чили — в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Латиноамериканцы занимают руководящие должности в ряде ведущих международных организаций (Генеральный секретарь ОЭСР — мексиканец Х. А. Гурриа, Генеральный директор МАГАТЭ — аргентинец Р. Гросси).

Для России Латинская Америка и Карибский бассейн всегда были символом единства в многообразии. Даже в самые кризисные моменты, коих было немало в истории, страны региона всегда находили компромиссные диалоговые решения.

В России считают важным восстановление латиноамериканцами духа единства и целостности региона перед лицом новых политических вызовов и угроз иного характера, включая вопросы безопасности и климатических изменений, в том числе в целях успешной реализации планов по устойчивому развитию.

На этой основе Россия готова двигаться вперед в развитии отношений по всем азимутам:

- продвигать взаимодействие с Аргентиной, Бразилией и Мексикой;

- укреплять тесное сотрудничество с Кубой, подтверждая принципиальный курс на безусловное снятие американского экономического эмбарго с Острова свободы;

- расширять взаимовыгодные связи с Венесуэлой и Никарагуа, неизменно выступая против деструктивного вмешательства извне в их внутренние дела;

- реализовывать высокотехнологичные и инфраструктурные проекты с Боливией и Перу;

- содействовать постконфликтному развитию Колумбии;

— оказывать прагматичное содействие развитию стран Центральной Америки и Карибского бассейна.

Вместе с тем ситуация далеко не идеальна. Налицо серьезный раскол континента. И дело не в том, что маятник политических пристрастий там продолжает оставаться в правом секторе, а левоцентристские силы — там, где они были вынуждены отойти от власти (в Бразилии, Перу, Сальвадоре, Суринаме, Уругвае, Эквадоре), — пока не могут найти действенные ответы на изменившуюся политическую и экономическую конъюнктуру. Латинская Америка стала ареной ведущейся Вашингтоном жесткой идеологической борьбы по формированию однородного политического пространства. Острие такой борьбы заточено сейчас на Венесуэлу, Кубу, Никарагуа и — до последнего времени — на недопущение возврата левоцентристских сил к власти в Боливии, что не удалось реализовать.

В основе курса США в Латинской Америке — либеральный демократизаторский дискурс. Его глобальная оценка требует критического прочтения понятия «демократия» применительно к нынешним политическим реалиям, отхода от его восприятия, характерного для событий прошлого, XX века, когда демократия воспринималась, прежде всего, как антипод тоталитаризму (к слову, существовавшие ранее концепции демократии — античная, антимонархическая, эпохи формирования национальных государств — имели свои существенно различающиеся черты). При этом либеральная концепция демократии, как правило, основывается на понятии политической целесообразности, игнорирует принцип, согласно которому единственно легитимным источником власти является народ, не предусматривает механизмов обеспечения политической стабильности и преемственности национального проекта развития, политических гарантий защиты прав меньшинств и различных социальных групп (по этническому, конфессиональному и иным признакам), связывает демократию с соблюдением либеральных правозащитных стандартов под контролем негосударственных структур.

Сформулированная, таким образом, по схематичным либеральным лекалам концепция демократии (сколь бы трагичным ни был к ней путь государств Латинской Америки, да и России в XX в.) открывает широкое поле для политического манипулиро-

вания и двойных стандартов в угоду внерегиональным центрам силы. Пример тому — различие в подходах Запада к легитимности политического руководства в Венесуэле и Никарагуа, с одной стороны, в Боливии и Гаити — с другой.

Указанный подход чреват серьезным дестабилизирующим потенциалом. Жесткое навязывание неолиберальных экономических концепций, слепое следование им правоцентристских правительств в регионе привело к взрыву массовых выступлений в Чили и Эквадоре, сокрушительному поражению М. Макри на выборах в Аргентине. Всё более очевидным становится такой дестабилизирующий потенциал в Бразилии, Колумбии, Парагвае, Перу.

При этом свои очевидные проколы на латиноамериканском направлении Вашингтон по привычке списывает на враждебные внешние силы, прежде всего на «руку Москвы». Против России ведется нескрываемая политическая и информационная война, активно используется механизм вторичных санкций, прежде всего финансовых.

В России озабочены развитием ситуации в дружественной Боливарианской Республике Венесуэла и вокруг нее, которая влечет нарастающие сложности повседневного социально-экономического положения граждан этой страны, создает риск дезорганизации общественно-политического управления на федеральном и местном уровнях, ведет к росту миграции населения.

Урегулирование ситуации может быть достигнуто на основе приведенных ниже основополагающих условий.

1. Уважение норм международного права и национального законодательства. Именно на основе норм международного права Президент Н. Мадуро рассматривается как единственный законный глава государства в Венесуэле. Конституция любого государства устанавливает, что носителем суверенитета является народ этой страны. Международная оценка выборов, признание или непризнание их результатов не имеют внутренних правовых последствий.

Только венесуэльский народ имеет право решать свою судьбу, действуя в соответствии с национальной Конституцией и законодательством, в том числе путем избрания своих руководителей на основе демократических норм, а все другие государства должны уважать его выбор. Это — перефразирование известно-

го выражения Освободителя Симона Боливара, изображенного на фронтоне Дворца Сан-Карлос в Боготе, где расположен МИД Колумбии.

2. Недопустимость внешнего, тем более силового, в том числе военного, вмешательства извне. Хочется обратить особое внимание: ничто из того, что осуществляется в отношении правительства Н. Мадуро, не предусмотрено такими основополагающими документами, как Устав ООН, Устав Организации американских государств или Межамериканская демократическая хартия. Достаточно ознакомиться с их текстом.

Поэтому в России столь озабочены попытками реактивировать Межамериканский пакт о взаимопомощи — Пакт Рио 1947 года. Это — верный символ холодной войны, реликт периода, характеризовавшегося последовательным курсом на опоясывание мира региональными военными союзами по лекалам НАТО. Заявления о том, что принимаемые сейчас решения не предусматривают военных опций, нас не успокаивают. Во-первых, существуют страны и политики, для которых в отношении Венесуэлы «все опции на столе». Во-вторых, есть военный принцип: «мобилизация — это война».

3. Решение должно быть найдено самими венесуэльцами путем внутреннего диалога без деструктивного давления извне. В России поддержали диалог, который проходил при посредничестве Норвегии. Наша страна высоко ценит усилия, направленные на поиск сфер взаимопонимания. При этом мы отчетливо видели, что участников переговоров на деле было не два, а три. Третий — это США, имевшие и имеющие решающий голос в действиях радикальной венесуэльской оппозиции. Именно ужесточение санкционного режима со стороны Вашингтона сорвало переговоры.

Как отметил Президент России В.В. Путин перед началом переговоров в Кремле с Президентом Венесуэлы Н. Мадуро 25 сентября 2019 года, любой отказ от диалога мы считаем иррациональным, вредным для страны и несущим только угрозы для благосостояния населения Венесуэлы [4].

Оценивая ситуацию в Венесуэле, в России призывают партнеров исходить из реалистичности оценок.

1. Блицкриг с отстранением Н. Мадуро от власти не удался. Законное правительство страны контролирует обстановку. Во-

оруженные силы государства поддерживают законное правительство. Х. Гуайдо показал полную политическую и организационную неспособность стать лидером нации.

Парадокс ситуации состоит в том, что самопровозгласивший себя президентом и признанный в этом качестве США, странами Лимской группы и отдельными государствами Евросоюза Х. Гуайдо — «президент» без полномочий и позитивной программы. Для большинства граждан Венесуэлы уже стала очевидной дальнейшая бесперспективность его роли в качестве главного оппозиционера.

2. Необходимо остановить тенденцию к осложнению внутренней ситуации в стране. Под воздействием санкций США ускоряется разрушение экономики, идет нарастание социально-экономического коллапса.

Остановить таковую тенденцию возможно только через консолидацию общества на объединяющих началах, а не через его раскол. Необходим мораторий на политические дразги и дополнительные раздражители. Иначе будет только хуже. Нынешняя политическая борьба идет в направлении последовательного разрушения государства. Россия в XX веке это пережила дважды. Никому такого не желаем.

3. Очевидно, что Президент Н. Мадуро совершил немало ошибок, прежде всего в социально-экономической политике. Однако верно и то, что ситуация зримо обострилась в результате противоправных удушающих американских санкций, прежде всего в отношении энергетического и финансового секторов. Данные санкции направлены против простых венесуэльцев. Это сейчас практически не оспаривается никем.

Россия выступает категорически против политизации темы гуманитарной помощи Венесуэле, подчеркивая, что она должна предоставляться в соответствии с основополагающей резолюцией Генеральной ассамблеи ООН 46/182 на основе принципов гуманности, нейтралитета, беспристрастности и независимости, а также с участием других международных и региональных профильных структур и на основе запроса правительства Венесуэлы.

Необходимо отметить, что в Венесуэле Россия защищает не отдельных политиков, а законную власть, Устав ООН, прин-

ципы международного права, прежде всего невмешательство во внутренние дела. На международном праве основано российское сотрудничество с этой страной. Нельзя допустить, чтобы Венесуэла стала прецедентом для судьбы Кубы, Никарагуа, Боливии, в том числе в контексте введенных санкций и против Гаваны, включая раздел III Закона Хелмса–Бертон.

Выборы в Национальную ассамблею Венесуэлы завершились победой действующей власти (67,7%). Что касается оппозиции, то она получила всего 17,95% голосов избирателей [7]. Был сформирован легитимный высший законодательный орган власти, пользующийся поддержкой населения, которое устало от бесконечной политической борьбы. К сожалению, США и ведомая ими непримиримая оппозиция во главе с Х. Гуайдо, а впоследствии и Европейский союз априори заявили о непризнании результатов выборов. Это чревато дальнейшим осложнением ситуации вокруг Венесуэлы, но не ослабит готовность боливарианцев обеспечить дальнейший самостоятельный курс страны.

Наиболее желательными для России в этих условиях, видимо, станут гибкое и своевременное реагирование на перемены в регионе с учетом основных тенденций международного развития и, прежде всего, своих национальных интересов, а также курс на поддержание конструктивных межгосударственных отношений, невзирая на ту или иную идеологическую модель. Тем более что и сама Россия, и весь мир вступили в очень сложный период формирования новой парадигмы развития, когда в силу эпидемиологической ситуации, новых технологий, фундаментальных изменений в социальных и политических структурах нельзя следовать идеологиям прошлого.

Можно предложить следующие шаги в области дальнейшего развития сотрудничества между Россией и странами Латинской Америки и Карибского бассейна:

— выстраивание отношений со странами ЛАКБ на прагматичной основе, учитывая не только объективные текущие факторы социальной и политической напряженности, геополитические факторы, но и перспективные системные кризисы в процессе перехода к качественно новому состоянию общества, основанному на новой технологической и социальной парадигме;

— создание экспертных групп (экономистов, политологов, социологов и т. д.) для внесения предложений по совершенствованию сотрудничества России со странами ЛАКБ с учетом современных глобальных изменений, фактора COVID-19 и глобального кризиса;

— совместные стратегические исследования специалистов России и стран ЛАКБ с опорой на ведущие научно-образовательные центры, соответствующие международные научные ассоциации и объединения;

— проведение постоянного научного мониторинга изменений в экономической, социально-политической и идеологической ориентациях латиноамериканских стран в зависимости от внутренних и внешних, краткосрочных и долгосрочных факторов развития.

В завершение хотелось бы привести слова заместителя министра иностранных дел Российской Федерации С. А. Рябкова о дальнейших перспективах сотрудничества России со странами Латинской Америки: «Мы видим в Латинской Америке регион политической благожелательности, экономических возможностей, культурной близости и схожего с нами менталитета, что позволяет сохранить бесконфликтную и комфортную атмосферу для взаимодействия» [6, с. 5].

Литература

1. Коронавирусная инфекция COVID-19 // Гугл-новости. — URL: <https://news.google.com/covid19/map?hl=ru&mid=%2Fm%2F016wzw&gl=RU&ceid=RU%3Aru> (дата обращения: 15.01.2021).
2. О состоянии и перспективах развития сотрудничества России с государствами Латинской Америки / МИД России. — URL: <https://www.mid.ru/problemy-vzaimootnosenij-so-stranami-latinskoj-ameriki-i-karibskogo-bassejna> (дата обращения: 22.01.2021).
3. Первая партия российской вакцины «Спутник V» поступила в Венесуэлу. — URL: <https://www.interfax.ru/world/729762> (дата обращения: 27.01.2021).
4. Переговоры с Президентом Венесуэлы Николасом Мадуро / Президент России. — URL: <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/354/events/61640> (дата обращения: 19.01.2021).
5. Последствия COVID-19 для Латинской Америки и Карибского бассейна: аналитическая записка/Организация Объединенных Наций. — URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/the_impact_of_covid-19_on_lac_russian.pdf (дата обращения: 15.01.2021).
6. Троянский М. Г., Карпович О. Г., Шангараев Р. Н. Эволюция политического ландшафта стран Латинской Америки и Карибского бассейна. — М., 2020. — 200 с.
7. «Умеем побеждать»: Мадуро укрепил свои позиции после выборов // Газета.ру. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2020/12/07_a_13390303.shtml (дата обращения: 27.01.2021).

Сидорова Галина Михайловна,

доктор политических наук, профессор,
профессор Дипломатической академии МИД России,
профессор Московского государственного
лингвистического университета,
ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва.

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Ph. D., Dr.Habil), professor,
professor of the Academy of the Russian Foreign Ministry,
professor of the Moscow State Linguistic University,
researcher of the Institute for African Studies, Moscow.

E-mail: gal_sid@mail.ru

**АФРИКА ВЫБИРАЕТ РОССИЮ:
ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ**

**AFRICA CHOOSES RUSSIA: MILITARY AND TECHNICAL
COOPERATION GAINS GROUND**

Аннотация: перезагрузка российско-африканских отношений после саммита «Россия — Африка» в Сочи в 2019 году отразилась на международных отношениях. Бывшие колониальные метрополии относятся к этому настороженно и отслеживают шаги России по развитию отношений с африканскими государствами. Особенно это касается сферы военно-технического взаимодействия. Российское оружие зарекомендовало себя на мировом рынке из-за хорошей адаптации к условиям тропиков и умеренной цены. Мнения российских и западных экспертов сходятся в том, что это сотрудничество получит дальнейшее развитие, учитывая высокий спрос на российскую военную технику и успешную подготовку африканских военных специалистов в России. Обобщая опыт и прогнозы отечественных и зарубежных экспертов, автор поставил задачу доказать конкурентоспособность России на африканском рынке и определить перспективу российско-африканского сотрудничества в военной области. На конкретных примерах, используя ивент-анализ, синтез, а также многолетний практический опыт работы в ряде африканских стран, автор приходит к выводу о том, что перед Россией и Африкой открываются широкие возможности для реализации пока не использованного потенциала в военно-технической сфере.

Ключевые слова: Россия, Африка, военно-техническое сотрудничество, африканский рынок вооружения, национальная армия, военный потенциал.

Abstract: the reset of Russian-African relations after the Russia — Africa summit in Sochi in 2019 has affected international relations. Former colonial metropolises are wary of this and follow Russia's steps to develop relations with African states. This is especially true in the sphere of military-technical cooperation. Brands of light and heavy Russian weapons have long established themselves on the world market due to their good adaptation to the conditions of the tropics and reasonable prices. The opinions of Russian and Western experts agree that this cooperation will be further developed, given the high demand for Russian military

equipment and the successful training of African military specialists in Russia. Summarizing the experience and forecasts of domestic and foreign experts, the author set the task to prove Russia's competitiveness in the African market and determine the prospects for Russian-African cooperation in the military field. Using concrete examples, event analysis, synthesis, as well as many years of practical experience in a number of African countries, the author came to the conclusion that Russia and Africa have ample opportunities to realize the potential that has not yet been used in the military-technical sphere.

Key words: Russia, Africa, military-technical cooperation, African arms market, national army, military potential.

Введение

Россия занимает особое положение в шкале африканских приоритетов сотрудничества. Это проверенный временем партнер, обладающий мощным военно-техническим потенциалом, быстро реагирующий на стихийные бедствия, будь то засуха, вооруженные конфликты или смертельно опасные болезни. Так, именно Россия разработала несколько вакцин и сывороток против геморрагической лихорадки Эбола, которые доказали свою эффективность на практике. В Гвинейской Республике действует Центр микробиологических исследований и лечения эпидемиологических заболеваний. Россия внесла 20 млн долл. в программу Всемирного банка на реализацию глобальной инициативы по борьбе с малярией [3].

Начиная с периода обретения африканскими странами независимости в российских вузах на безвозмездной и коммерческой основах готовятся национальные африканские кадры разных профессий, в том числе по линии военных и правоохранительных структур. Советский Союз помогал десяткам африканских стран в становлении вооруженных сил. По оценкам Вячеслава Тетёкина, в 1967—1976 годах на СССР приходилось до 40 % поставок военной техники в Африку. В конце 1980-х — начале 1990-х годов доля танков советского производства в армиях континента составляла 70 %, самолетов — 40 %, вертолетов — 35 % [16]. После дезинтеграции Советского Союза в 1991 году ситуация кардинально изменилась. Модель поставок военной техники на безвозмездной основе была переосмыслена в связи с непростой постперестроечной ситуацией в самой России. На 1 января 1991 года задолженность африканских стран по советским военным кредитам достигала 5—6 млрд долл. [16].

Перемены в России на рубеже XX—XXI веков неминуемо отразились на российско-африканском взаимодействии, включая военную сферу. Оно не прекращалось, но заметно снизилось. Теперь сотрудничество в разных областях восстанавливается и набирает обороты. Несомненный импульс динамике российско-африканских отношений придал саммит «Россия — Африка» в октябре 2019 года. В преддверии этого масштабного форума Президент В. В. Путин в интервью ТАСС от 25 октября 2019 года сообщил, что «открывается новая глава в отношениях между Российской Федерацией и странами Африки. Россия сыграла значимую роль в освобождении континента и оказывала помощь в защите независимости и суверенитета, в становлении государственности, формировании основ национальной экономики, создании боеспособных вооруженных сил» [5]. Поскольку российскую военную технику знают и ценят в африканских государствах, то от стран региона поступают новые обращения с просьбами о поставке продукции военного назначения.

В числе российских внешнеполитических приоритетов — развитие и упрочение взаимовыгодных связей с африканскими странами и их интеграционными объединениями. При этом Россия не навязывает своих стереотипов взаимодействия и придерживается принципа «африканским проблемам — африканские решения». По словам министра иностранных дел Анголы Тете Антониу, «Россия вернулась на орбиту справедливого международного измерения, и ее репутация в Африке неизменно повышается» [1, с. 87].

О выигрышных характеристиках военной техники российского производства

Попытки объяснить востребованность российских вооружений и военной техники низкой ценой и простотой в эксплуатации часто бывают столь же поверхностны, как и объяснение поражений шведского короля Карла XII, Наполеона или Гитлера лишь размерами Российского государства и зимними холодами.

Российская военная техника — это результат почти вековой истории военной теории и практики в России/СССР. После окончания Второй мировой войны она много раз менялась. Разработка техники велась не только для арктических и таежных регионов,

но и для пустынь и полупустынь, а также для зон субтропического климата на территории СССР и Российской Федерации, то есть на театрах боевых действий, близких по условиям использования к субрегионам Африки.

Менялись типы танков, БТР и прочей военной техники, и в результате на складах оставались тысячи машин длительной консервации, не выработавших свой ресурс. Разрабатывалась документация для их модернизации в случае введения в эксплуатацию в новое время. Сама концепция обороны огромной территории бывшего СССР подразумевала выпуск военной техники гигантскими сериями, поскольку крупносерийность и стандартизация понижали себестоимость продукции военного назначения. Учитывая слаборазвитость дорожной сети, боевые машины создавались с учетом необходимости максимальной автономии в ходе боевых действий, невзыскательности к горюче-смазочным материалам, а в последнее время — и с многотопливными моторами. Колесные и гусеничные бронетранспортеры и боевые машины пехоты поколения 1950—2020 годов, многие из которых являются плавающими, вполне подходят и для условий тропической Африки.

Таким образом, российская военная техника привлекательна для силовых структур африканских государств, поскольку по своим техническим характеристикам она пригодна для эксплуатации в тяжелых климатических условиях, а также способна защитить военнослужащих в случае огневой атаки. Член Экспертного совета общественной организации «Офицеры России» Александр Перенджиев считает, что «российское оружие в категориях цена/качество/надежность не имеет равных в мире» [2].

Нужно ли крупным игрокам на международной арене опасаться возвращения России в Африку?

В связи с возвращением России в Африку у европейских и восточных партнеров африканских государств возникает множество вопросов. Прежде всего, не вытеснит ли их Россия с африканского рынка? Не станет ли Африканский континент, как во времена холодной войны, «площадкой» для противоборства двух государств или более? Как думается, опасения политических и военных экспертов напрасны. Мир движется к устойчивой

полицентричности, а это означает, что прошедших времен, даже если очень захотеть, уже не вернуть. Стереотип политизированных отношений ушел в прошлое, и теперь главное — в выстраивании международных связей, а именно геополитики и бизнеса. Не только российские [6, с. 9], но и западные исследователи отмечают, что в советские времена доминировало стремление советского руководства к максимальному установлению коммунистических режимов на мировом пространстве, подрыву позиций западного блока на континенте, то теперь ситуация изменилась коренным образом. Появились свежие взгляды на новые реалии. Справедливо утверждение бельгийской исследовательницы А. Дюсулье, которая в своем аналитическом обзоре утверждает, что «возвращение Москвы в этот регион [Африку] мотивировано совсем не теми амбициями, что в советскую эпоху. Сегодня речь не идет о навязывании какой-либо идеологии, но скорее о заключении контрактов в различных областях» [22].

Изменилась Россия, изменились и африканские государства. Если к моменту обретения независимости африканские государства испытывали трудности государственного управления из-за отсутствия квалифицированных кадров, то сейчас пришло новое поколение технократов — грамотных, образованных, прагматичных, нацеленных на реальное взаимовыгодное сотрудничество как со старыми, европейскими, так и с новыми, восточными, партнерами. По словам В. В. Путина, «африканцы не заинтересованы в эскалации противостояния крупных держав на континенте. Напротив, они предпочли бы, чтобы соперничество сменилось на сотрудничество в противодействии таким острым для Африки вызовам, как терроризм, преступность, наркоторговля, неконтролируемая миграция, нищета, опасные инфекционные заболевания. ...Мы не дружим с кем-либо против кого-либо и решительно отвергаем какие бы то ни было геополитические игры вокруг Африки» [3].

Стала заметной обеспокоенность западных экспертов динамикой российско-африканских отношений, особенно после саммита «Россия — Африка» в октябре 2019 года, где одной из ключевых тем было военно-техническое сотрудничество.

Любое новое проявление заинтересованности России в сотрудничестве с Африкой сразу же попадает в фокус внимания за-

падных СМИ. Причем акцент делается на «геополитических амбициях» Кремля. Обозреватель французской газеты «Ле Монд» Ж.-П. Филью подчеркивает, что В. В. Путин во время своего визита в Алжир в 2006 году списал этой стране долг в 4,7 млрд долл. и в ответ на это «ангажировал своего гостя приобрести оружие на сумму в 7,5 млрд долл.» [24]. Таким образом, заключил французский эксперт, Алжир отныне становится первым покупателем русского оружия в арабском мире. Надо отметить, что это случилось не вчера и не сегодня. Алжир всегда был первым в списке покупателей российского оружия. Об этом писал еще российский африканист Е. Н. Корендясов, ссылаясь на статистику Стокгольмского международного института исследований проблем мира (SIPRI) [6, с. 9]. Свои опасения по поводу активизации России на Африканском континенте высказала уже упоминавшаяся А. Дюсулье. Она считает, что активность русских может ослабить европейские позиции в регионе. Европа, по ее мнению, «должна тщательно отслеживать эволюцию событий, быть бдительной и наблюдать за связями с африканскими лидерами. Время покажет, каковы будут последствия возвращения русских на континент, но важно уже сейчас делать прогнозы» [22, с. 45].

В этой же связи эксперт Центра исследований проблем безопасности РАН К. Блохин в беседе с журналистами издания «Экономика сегодня» отмечал, что «США раздражены действиями России и Китая. Американцы буквально взбешены, так как Китай и Российская Федерация дополняют друг друга в Африке. Москва работает с упором на военно-политическое и торговое сотрудничество, а Пекин дополняет это своими экономическими проектами» [2]. Эксперт исследовательского центра GRIP в Брюсселе Э. Винь считает, что, «с точки зрения африканских властей, предложения Москвы являются выгодными и козырными, поскольку Россия не ставит в своих предложениях каких-либо предварительных условий относительно управления государством или борьбы с коррупцией... К тому же, в противоположность европейским государствам, африканские столицы чаще всего рассматривают Москву (впрочем, как и Пекин) как наиболее уважающую национальный суверенитет» [23]. Другой эксперт, Т. Кондратенко, утверждает, что американское и европейское армейское снаряжение слишком дорогостоящее, а рос-

сийское продается по умеренной цене. Она считает, что способы подачи предложений России являются весьма эффективными. По ее утверждению, «переговоры с русскими заслужили репутацию быстрого нахождения решения. Они не ставят неудобных вопросов и умеют предлагать интересные коммерческие предложения и не заостряются на вопросах прав человека, как некоторые западные страны» [24]. В определенном смысле Россия заполняет пустоту, возникшую вследствие негибкости европейских и американских поставщиков.

Способность России к конкурентной борьбе

Современный мир отличает от прошлого века: высочайшая конкуренция в бизнесе, торговле, высоких технологиях, даже в медицине, как показал опыт разработки и серийного выпуска вакцины от коронавируса. После длительного отсутствия на Африканском континенте России встает вопрос о конкуренции с другими странами, которые уже давно плотно взаимодействуют с рядом африканских государств. Прежде всего, это бывшие колониальные метрополии — Великобритания, Франция и Бельгия. Помимо них — США, КНР, Индия, Турция, государства Персидского залива, Япония, Республика Корея, Израиль, Бразилия. Африку сегодня рассматривают не только как источник сырья, но и как расширяющийся рынок потребления. Готова ли Россия к конкуренции в Африке? Естественно, с таким многообразием партнеров и увеличением их интереса будет расти и конкуренция. По словам лидера России, мы учитываем эти реалии и делаем соответствующие выводы. И мы готовы не к «переделу» богатств континента, а к конкуренции за сотрудничество с Африкой. Главное, чтобы эта конкуренция была цивилизованной, развивалась в правовом русле. Нам есть что предложить африканским друзьям [3].

Министерство обороны России оценило возможности военно-технического сотрудничества России в целом на ближайшую перспективу. Так, замминистра обороны А. Фомин сообщил, что «по итогам прошлого года [2017 г. — Г. С.] Россия сохраняет ведущие позиции на международном рынке вооружений среди государств — основных экспортеров продукции военного назначения... Объем экспорта этой продукции составил свыше 15,2 млрд

долларов США. В сфере военно-технического сотрудничества Россия поддерживала контакты с доброй половиной государств мира» [10].

По словам директора Федеральной службы по военно-техническому сотрудничеству (ФСВТС) Д. Шугаева, «работа по продвижению российской военной техники ведется в условиях серьезной конкуренции с ведущими игроками на международном рынке вооружений. Несмотря на это, ряд государств Африки южнее Сахары высказывается о Российской Федерации как о приоритетном партнере в области ВТС» [19]. В интервью «Интерфаксу» Д. Шугаев сказал, что «портфель экспортных заказов России на вооружение и военную технику в целом составляет 55 млрд долл., он стабилен, несмотря на западные санкции. Важно, что этот тренд сохраняется в течение последних нескольких лет в коридоре 53—56 млрд долл.» [19]. Кроме того, глава ФСВТС подчеркнул, что Россия учитывает ситуацию с пандемией коронавируса при экспорте военной продукции, и ее система военно-технического сотрудничества (ВТС) способна выдержать последствия угрозы [10]. Далее военный специалист отметил, что заказы африканских стран превышают сумму в 3 млрд долл. По его мнению, объемы сотрудничества в военно-технической области сохранятся и имеют хорошие предпосылки к его наращиванию. Наибольшим спросом в странах Африки южнее Сахары пользуются, прежде всего, вертолеты семейства «Ми», самолеты семейства «Сухой» и «МиГ», системы ПВО «Панцирь-С1», «Корнет-Э», «Тор-М2Э», а также танки, бронетранспортеры и легкое стрелковое оружие [19].

Стоит сказать, что Россия предлагает Африке как хорошо известное, так и новейшее оборонительное оружие. Акцент делается на модификациях уже известных и пользующихся наибольшим спросом моделей, таких, например, как автомат Калашников серии АК-200, который демонстрировался на выставке в ходе саммита «Россия — Африка» в октябре 2019 года, или зенитный ракетный комплекс класса «земля-воздух» «Тор-М2 КМ», а также боевой вертолет Ми-35 П.

По данным SIPRI, в период с 2014 по 2019 год Россия была главным поставщиком оружия в Африку. Россия поставила почти вдвое больше оружия на Африканский континент, чем США

(14%) и Китай (13%). Франция находится на 4-м месте (6,1%) [21]. Французский эксперт Р. Дюма уточняет, что «Франция явно отстает, что свидетельствует об ослаблении ее связей с бывшими колониями» [21].

Россия доказала практичность и надежность своего военно-промышленного комплекса на примере Камбоджи, Вьетнама, Кубы и других стран. Это подтверждается тем, что советские танки Т-34—85, отслужив 40 лет в Лаосе и участвуя в реальных боевых действиях с американцами, в 2020 году в исправном состоянии были привезены в Москву, сохранили полную боеспособность и участвовали в юбилейном параде Победы на Красной площади. Доказала свою эффективность и надежность российская военная техника в Сирии. «Военные операции в этой арабской стране стали хорошим “маркетинговым ходом” для продвижения своей военной продукции. Это позволило России занять второе место на шкале мировых экспортеров оружия после США», — утверждает аналитик А. Дюсулье [22]. Этой же точки зрения придерживается и военный эксперт В. Дандыкин. «Повышенный спрос в Африке на оружие российского производства обусловлен, — по его словам, — тем фактом, что российское оружие и техника доказали в деле свою боеспособность, в том числе и в Сирии. Речь идет об артиллерийских системах, стрелковом оружии, средствах радиоэлектронной борьбы и зенитных комплексах. Вертолеты, артиллерия, системы залпового огня, танки и так далее — всё это может быть приобретено. Всё это дешевле того же американского и европейского оружия, но по надежности и эффективности им не уступает» [10].

Конкуренцию России может составить Китай, хотя оба государства и «дополняют» друг друга на континенте. Китайские оружие и техника дешевле, однако они уступают в качестве и сроках службы. И это признают наши африканские партнеры.

Состояние и перспективы военно-технического сотрудничества России в Африке

В настоящий момент в сфере ВТС действуют соглашения более чем с 30 африканскими странами, по которым Россия поставляет в Африку широкую номенклатуру вооружений и военной техники на коммерческой, а также на безвозмездной основах.

Сдвинулись с «мертвой точки» так называемые застарелые договоренности с некоторыми странами. Так, в 2018 году в Демократической

Республике Конго, наконец, было ратифицировано соглашение о военно-техническом сотрудничестве, подписанное в 1999 году [20]. Дело в том, что отношения России с этой африканской страной не всегда были гладкими. Бывший президент страны Мобуту Сесе Секо за 32 года правления ни разу не посетил нашу страну. По всей видимости, проамериканская ориентация Конго препятствовала полноценному двустороннему партнерству, тем более в такой чувствительной сфере, как военно-техническое сотрудничество.

Помимо этого на международном военно-техническом форуме «Армия 2018» также были заключены соглашения о военном сотрудничестве с Бурунди, Буркина-Фасо и Ботсваной. Африканские силовые структуры проявили заинтересованность не только в поставках военной техники, но также в ее ремонте и модернизации. Эта тематика особенно актуальна в странах Центральной Африки, например в Демократической Республике Конго, Анголе, Мозамбике, где началась модернизация и переоснащение вооружения в рамках реформы армии и полиции. Почти все они просят помочь привести свой парк советский техники в порядок и обеспечить поставки новых вооружений. Большинство военных соглашений были заключены на срок до пяти лет. В рамках договоренностей предполагается возможность продления поставок африканским странам вооружений, обучение персонала и координация в борьбе с терроризмом и пиратством [13].

По утверждению С. Блохина, «учитывая сложную военно-политическую ситуацию в ряде африканских государств, на территориях которых действуют незаконные вооруженные формирования, это становится стимулом к взаимодействию африканских стран с Россией. Вооруженные силы этих африканских государств, а также органы правопорядка особо нуждаются в помощи и поддержке» [2].

Почему именно военно-техническое сотрудничество стало для России приоритетным на африканском направлении? С одной стороны, это обусловлено значительным числом военной техники советского производства, поставленной в африканские

страны в 1960—1980 годах, с другой — это связано с наличием в армиях многих африканских стран большого числа подготовленных у нас специалистов.

На сегодняшний день для многих африканских государств актуален вопрос ремонта и модернизации имеющейся на вооружении военной техники советского/российского производства. Расходы на оборону африканских государств возросли более чем в 2 раза — с 17,2 млрд долл. в 2000 году до 39,1 млрд в 2015 году. Так же быстро росли и закупки вооружения и военной техники. Только за 2010—2015 годы они составили 8,1 млрд долл. Африка превратилась в крупного игрока на рынке вооружений. Ее доля колеблется от 6 до 13%. За 2000—2013 годы Россия поставила оружия в Африку на 5,48 млрд долл., что составило 13% от стоимости всего нашего оружейного экспорта [16]. В настоящее время, по данным SIPRI, экспорт России в Африку составляет 49% от всего экспорта оружия [24]. Число африканских стран — покупателей оружия российского производства увеличилось за последние два десятилетия. Если на начало 2000 годов 16 африканских стран были покупателями, то в период с 2010 по 2019 год их число составило 21. Основными покупателями, как уже упоминалось, являются Алжир, Египет, Судан и Ангола [26], а также Уганда, Руанда, Нигерия, Южноафриканская Республика, Камерун, Мали, Южный Судан, Замбия, Буркина-Фасо, Республика Конго (Браззавиль), Экваториальная Гвинея, Кот д'Ивуар [23]. На этих же фактах акцентирует свое внимание обозреватель французской газеты «Ле Монд» Ж.-П. Филью. Он подчеркивает, что Россия является самым крупным поставщиком оружия в Африке, «в первую очередь, в Алжире, Египте и Анголе» [24].

Помимо предложений российской стороны относительно военной техники интерес у африканских партнеров вызывает подготовка в России национальных военных кадров и сотрудников правоохранительных органов, в том числе на льготной и безвозмездной основе. За последние пять лет в военно-образовательных организациях Минобороны России прошли обучение более 2,5 тысячи военнослужащих из африканских стран [3]. Интерес к такой форме сотрудничества неизменно растет. Так, 6 октября 2020 года Президент Центральноафриканской Республики (ЦАР) Фостен-Арканж Туадера в ходе визита в Россию посетил Воен-

ную академию Генштаба Вооруженных Сил, проявив интерес к возможности обучения высших офицеров оборонного ведомства ЦАР в России. В академии планируется обучение 94 офицеров национальной армии этой страны. На сегодняшний день в академии Генштаба обучаются иностранные военные из 35 дружественных государств, в состав которых вошли Мали, Египет, Алжир, Намибия, Ангола, Марокко и другие страны [7].

Таким образом, Россия наращивает взаимодействие по линии силовых структур с африканскими государствами. Однако этого недостаточно. По мнению министра иностранных дел Египта Самеха Шукри, «необходимо усиливать возможности Африки в вопросах сотрудничества в сфере безопасности и обмена информацией. Россия располагает сильными разведывательными службами, способными содействовать нейтрализации террористических организаций и, являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН, может оказывать поддержку Африканскому союзу в поиске политических решений по устранению кризисных проблем, а также поддерживать миротворческие силы в Африке в сотрудничестве с союзом и государствами континента» [5].

Военно-техническое сотрудничество в действии

Россия неоднократно заявляла о готовности оказать помощь в решении проблем Африки в сфере кризисов, конфликтов и в других ситуациях. Военно-техническое сотрудничество вполне вписывается в эту концепцию и способствует укреплению потенциала армии и силовых служб африканских государств.

Важно отметить, что Россия не поддерживает мятежные и сепаратистские движения в Африке. Наша страна имеет дело только с международно признанными властями. Цели африканских государств-заказчиков — борьба с мятежниками, разнообразными террористическими и незаконными вооруженными группировками, недопущение их к контролю над значительными территориями африканских государств. А поскольку боевики этих группировок не располагают, как правило, тяжелой техникой и вооружениями, а также серьезными тыловыми базами и постоянными специалистами, способными обслуживать военную технику, укрепление национальных армий африканских государств

за счет российских специалистов и техники могло бы способствовать стабилизации режимов.

Успешных примеров реализации договоренностей между Россией и африканскими государствами много. В качестве иллюстрации можно привести взаимодействие России с ЦАР. При этом следует отметить, что ООН ввела ограничения на поставки вооружения в некоторые африканские страны, в том числе в ЦАР, что вызвано наличием сложных конфликтов на их территории. Именно поэтому каждая поставка российской военной техники и оружия согласовывается с соответствующими ооновскими структурами.

Военно-техническое сотрудничество между Россией и ЦАР активизировалось еще в 2017 году. Откликаясь на соответствующую просьбу Президента ЦАР Фостен-Арканж Туадеры, российская сторона приняла решение об оказании Банги на безвозмездной основе военно-технической помощи, включая поставки стрелкового оружия и направление инструкторов в ЦАР при поддержке ООН. Далее последовало логичное продолжение — подписание 21 августа 2018 года в рамках форума «Армия-2018» Соглашения о военно-техническом сотрудничестве, нацеленного на укрепление отношений двух стран в военной сфере [11].

Следует отметить, что в 2018 году эта центральноафриканская страна занимала особое место среди стран континента и была в фокусе внимания мировой общественности. Опыт российских военнослужащих в ЦАР показал на практике значимость и востребованность России в Африке, открыл новое «окно» в перспективном направлении сотрудничества с африканскими партнерами, а также наглядно продемонстрировал позитивные стороны многовекторности и возможность успешно добиваться своих национальных целей, используя широкий инструментарий внешней политики. В январе 2018 года российский транспортный самолет Ил-76 осуществил первую поставку, включающую в себя партию стрелкового вооружения и боеприпасов, частности пистолетов Макарова, автоматов, пулеметов и снайперских винтовок. С ведома Комитета Совета Безопасности ООН туда также были командированы 5 военных и 170 российских гражданских инструкторов для подготовки военнослужащих ЦАР. 31 марта, 30 мая и 4 августа 2018 года состоялись торжественные церемо-

нии выпуска первых подразделений военнослужащих ЦАР (подготовлено 1 тыс. человек), закончивших двухмесячные курсы обучения под руководством командированных в страну российских специалистов. Российское содействие осуществляется в русле общих усилий международного сообщества по укреплению национальных силовых структур ЦАР, передаче им всей полноты ответственности за поддержание безопасности и правопорядка на всей ее территории и в конечном счете нормализации обстановки и надежному урегулированию затянувшегося внутреннего вооруженного конфликта. Россия не упускает и своей выгоды: в договоренности Москвы и Банги включен также пункт о разрешении для России на «проведение мероприятий, направленных на изучение возможностей взаимовыгодного освоения запасов природных ресурсов ЦАР» [18]. Россия уже начала реализацию поисковых горнорудных концессий.

В ходе встречи на саммите «Россия — Африка» в 2019 году лидер ЦАР Ф.-А. Туадера поблагодарил Москву «за огромную помощь» и попросил о начале поставок не только легких, но и тяжелых вооружений. Глава этого африканского государства сообщил, что действующие в ЦАР вооруженные группировки получают оружие нелегально и из-за этого правительство не может установить контроль над всей территорией страны. Решить эту проблему он предлагал отменой эмбарго ООН и наращиванием военной мощи армии ЦАР [9]. Свою точку зрения о взаимодействии между двумя странами высказала также министр обороны ЦАР Мари-Ноэль Койара. Она высоко оценила вклад нашей страны в процесс реформирования военного и силового секторов ее страны. После прихода к власти Президента Ф.-А. Туадеры в 2016 году была проведена масштабная работа по восстановлению суверенитета страны и формированию новой армии. «Но у нас не было оружия. А что это за армия без оружия?», — сказала М.-Н. Койара. — «Президент Республики контактировал с различными странами по поводу поставок [оружия], все отказывались, и единственная, кто откликнулась, была Россия» [9].

4 декабря 2020 года в Москве состоялась встреча посла ЦАР с замминистра обороны России генерал-полковником Александром Фоминым. Обсуждались вопросы о взаимодействии в военно-технической сфере. На встрече обе стороны согласились,

что и Москва, и Банги заинтересованы в дальнейшем сотрудничестве в оборонной сфере. Особый интерес вызвало обучение офицерского корпуса ЦАР и участие в международных мероприятиях под руководством российского военного ведомства. Посол Леон Додону-Пунагаза выразил благодарность главе Минобороны России Сергею Шойгу за укрепление армии ЦАР [11].

В соответствии с достигнутыми договоренностями между Москвой и Банги по вопросам укрепления обороноспособности ЦАР в конце декабря 2020 года Россия направила в эту страну 300 военных инструкторов «для обучения военнослужащих национальной армии» в связи с дестабилизацией обстановки из-за активизации незаконных вооруженных формирований накануне национальных выборов. Об этом был уведомлен Комитет Совбеза ООН [14].

24 октября 2020 года на территории африканской страны было открыто представительство Министерства обороны РФ, которое возглавил генерал О. Польгуев [4].

Другой наглядный пример — Судан. 9 мая 2019 года вступило в силу Межправительственное соглашение о содействии этой африканской стране в вопросах строительства Вооруженных сил, обучения эксплуатации, ремонту и применению военной техники и вооружения, а также в открытии представительств при ведомствах в Судане. Кроме того, руководитель представительства Минобороны РФ по согласованию с суданской стороной может посещать воинские части, на оснащении которых находятся российские вооружение и техника. В представительство войдут руководитель и его заместитель, помощник по контрактной работе и референт-переводчик [2].

Россией принято стратегически важное решение, касающееся Военно-морского флота и отражения угроз на морских направлениях. В африканской стране Судан будет создан пункт базирования российских боевых кораблей. 16 ноября 2020 года В. В. Путин как Верховный главнокомандующий ВС России подписал распоряжение, согласно которому предложение Правительства РФ от 11 ноября 2020 года о подписании Соглашения о создании в Судане пункта материально-технического обеспечения (ПМТО) для кораблей ВМФ России принимается. Согласно данному Соглашению Россия сможет одновременно держать в Суда-

не до четырех кораблей, включая корабли с атомной энергоустановкой. Безопасность на территории ПМТО будут обеспечивать российские военные. Россия сможет использовать воздушное пространство Судана для доставки грузов в ПМТО. Максимальная численность гарнизона оставит 300 человек. В качестве помощи Судану Россия поставит средства ПВО. Срок соглашения о нашем присутствии в Судане — 25 лет с возможностью продления [17]. О возможном строительстве российской военной базы на Красном море еще в 2017 году заявлял тогдашний президент страны Омар аль-Башир во время визита в российский город Сочи. Он связывал необходимость строительства с «защитой от агрессивных действий США» [15].

«Стратегическое значение присутствия российских военных кораблей в этом районе Мирового океана очевидно. Мы сможем при необходимости пресечь там жизненно важные коммуникации почти любого потенциального противника» [17], — заметил военный эксперт А. Тимохин. Он выразил предположение, что если, например, у России возникнет конфликт со страной, которая имеет локальное превосходство в военно-морских силах и мощные ВВС, то «нахождение российских кораблей (даже в небольшом количестве) в Аравийском море и Персидском заливе позволяет просто задушить такую страну, даже не приближаясь к ее берегам. Даже если она на другой стороне планеты. К ней просто перестанет поступать топливо — и всё... По большому счету, наличие в том регионе нашего флота — это более серьезная гарантия отсутствия проблем с некоторыми нашими соседями, чем даже ядерное оружие» [17].

Африканские СМИ широко комментировали подписание этого важного стратегического договора. Так, конголезский еженедельник «Ла Либр Африк» отмечал, что «это отвечает целям поддержания мира в регионе, не носит угрожающего характера и не направлено против других государств» [26].

Заключение

Испытанные временем партнеры, Россия и Африка, обладают мощным потенциалом сотрудничества в военной сфере. Об этом убедительно свидетельствуют факты, приведенные как отечественными, так и зарубежными исследователями. И те, и дру-

гие сходятся во мнении, что российское вооружение надежное, а главное, подходит для географических широт Африки.

Военная сфера взаимодействия — это лишь один компонент сотрудничества нашей страны с Африканским континентом. У России много планов на будущее. Главное — обеспечить безопасность национальных интересов, снизить интенсивность конфликтов в мире и противодействовать новым угрозам.

Литература

1. *Антониу Т.* Ангола и Россия: 45 лет дружбы и сотрудничества // Международная жизнь. — 2020. — № 11. — С. 80—87.
2. *Блохин С.* Эксперты рассказали про перспективы сотрудничества России и Африки в военной сфере // Полит Россия. — URL: <https://politros.com/150303-eksperty-rasskazali-pro-perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-afriki-v-voennoi-sfere> (дата обращения: 11.01.2020).
3. Владимир Путин: Россия готова к конкуренции за сотрудничество с Африкой. 21.10.2019 // Путин сегодня. — URL: <https://www.putin-today.ru/archives/89391> (дата обращения: 13.01.2020).
4. *Гусев В.* В столице ЦАР торжественно открылось представительство Минобороны РФ // Экономика. — URL: https://rueconomics.ru/473980-v-stolice-car-torzhestvenno-otkrylos-predstavitelstvo-minoborony-rf?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 22.01.2021).
5. *Дронина И.* Военно-техническое сотрудничество стран Африки и России // Независимое военное обозрение. — URL: https://nvo.ng.ru/nvoevents/2019-10-25/2_1067_meeting.html (дата обращения: 16.01.2020).
6. *Корендясов Е. Н.* Военно-техническое сотрудничество России с Африкой // Азия и Африка сегодня. — 2015. — № 9. — С. 9—18.
7. *Кощев О.* Россия и Африка. 70 лет военного сотрудничества во имя мира. 19 октября 2020 // Пресс-служба Кремля: kremlin.ru. — URL: <https://riafan.ru/1321518-rossiya-i-afrika-70-let-voennogo-sotrudnichestva-vo-imya-mira> (дата обращения: 07.01.2020).
8. *Ленская Т.* Россия может обойти Китай в поставках вооружения на африканский континент. 18 октября 2018 // Экономика сегодня. — URL: <https://rueconomics.ru/356195-rossiya-mozhet-oboiti-kitai-v-postavkakh-vooruzheniya-na-afrikanskii-kontinent> (дата обращения: 13.01.2020).
9. Министр обороны ЦАР оценила вклад России в перевооружение страны. 24 октября 2019 // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5db17ea89a79472fd24f9437> (дата обращения: 04.01.2020).
10. Минобороны РФ оценило экспорт оружия за 2019 год. 23 марта 2020 г. // Bankodrom. — URL: <https://www.bankodrom.ru/novosti/273961/> (дата обращения: 13.01.2020).
11. Представители России и ЦАР обсудили военное сотрудничество. 05.12.2020 // ПолитЭксперт/Министерство обороны Российской Федерации. — URL: https://politexpert.net/224525-predstaviteli-rossii-i-car-obsudili-voennoe-sotrudnichestvo?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1607371520000 (дата обращения: 09.01.2020).
12. Роль России в решении проблем Африки / Министерство иностранных дел Российской Федерации. — URL: <https://www.mid.ru/ru/rol-rossii-v-resenii-problem-afrik-k-ugu-ot-sahary> (дата обращения: 11.01.2020).
13. Россия может обойти Китай в поставках вооружения на африканский континент. 18 октября 2018 // Экономика сегодня. — URL: <https://rueconomics.ru/356195-rossiya-mozhet-oboiti-kitai-v-postavkakh-vooruzheniya-na-afrikanskii-kontinent> (дата обращения: 16.01.2020).

14. Россия направила 300 военных инструкторов в ЦАР на фоне попытки мятежа // РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/22/12/2020/5fe20f139a794718e0c41bca> (дата обращения: 10.01.2020).
15. В Сочи состоялись переговоры президентов России и Судана Владимира Путина и Омара аль-Башира // Путин сегодня. — URL: <https://www.putin-today.ru/archives/54742> (дата обращения: 13.01.2020).
16. Тетёкин В. Зеленый свет африканскому экспрессу // Военно-промышленный курьер ВПК. — 2018. — № 48 (761). — URL: <https://www.vpk-news.ru/articles/46914> (дата обращения: 08.01.2020).
17. Тимохин А. Безопасность России будет обеспечивать Африка. 17 ноября 2020 // Взгляд. Деловая газета. — URL: <https://m.vz.ru/society/2020/11/17/1070914.html> (дата обращения: 13.01.2020).
18. Фахрутдинов Р. Россия отправит в ЦАР военных и оружие // Газета.ru. — URL: <https://www.gazeta.ru/army/2018/03/22/11692615.shtml> (дата обращения: 22.01.2021).
19. Шугаев Д. Директор ФСВТС: Российское оружие возвращается в Африку. Интервью 20 сентября 2018 // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/interview/629828> (дата обращения: 13.01.2020).
20. Agence congolaise de presse, «Vote au Sénat du projet de loi portant ratification de la convention de coopération militaire entre la RDC et la Russie». — Agence congolaise de presse, 13 juin 2018 (accessed: 14.01.2020).
21. Dumas L. R. La Russie, principal fournisseur d'armes des pays africains 03.06.2020 // Franceinfo: Afrique. — URL: https://www.francetvinfo.fr/monde/afrique/economie-africaine/la-russie-principal-fournisseur-darmes-des-pays-africains_3992245.html (accessed: 13.01.2020).
22. Dusoulier A. Le «retour» de la Russie en Afrique subsaharienne: sécurité et défense au service de la politique étrangère de Vladimir Poutine / Institut Royal Supérieur de Défense // Bruxelles FOCUS PAPER. — 39 Juillet 2019. — 64 p.
23. Eleftheris V. Le retour militaire de la Russie en Afrique subsaharienne: quels fondements? 20 septembre 2019 // GRIP. — URL: <https://website.grip.org/le-retour-militaire-de-la-russie-en-afrique-subsaharienne-quels-fondements/> (accessed: 09.01.2020).
24. Filiu J.-P. Le pari de Poutine sur les généraux algériens. 08.09.2019 // Le Monde. — URL: <https://www.lemonde.fr/blog/filiu/2019/09/08/le-pari-de-poutine-sur-les-generaux-algeriens/> (accessed: 10.01.2020).
25. Kondratenko T. Koubakin Reliou Vente d'armes russes en Afrique: la stratégie du long terme 30.06.2020 // Made for mins. — URL: <https://www.dw.com/fr/vente-darmes-russes-en-afrique-la-strat%C3%A9gie-du-long-terme/a-54000170> (accessed: 15.01.2020).
26. La Libre Afrique La Russie a finalisé un accord sur la création d'une base navale au Soudan. 9 décembre 2020 // La Libre Afrique. — URL: <https://afrique.lalibre.be/56472/la-russie-a-finalise-un-accord-sur-la-creation-dune-base-navale-au-soudan/> (accessed: 08.01.2020).

Жильцов Сергей Сергеевич,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey S. Zhiltsov,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: sergej-z71@yandex.ru

**ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО:
ИТОГИ РАЗВИТИЯ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ**

**FORMER SOVIET UNION: DEVELOPMENT OUTCOMES
AND INTERESTS OF RUSSIA**

Аннотация: в статье исследуются итоги политического и экономического развития стран постсоветского пространства. Почти 30-летний период в качестве независимых государств позволяет проанализировать ключевые тенденции в развитии стран постсоветского пространства, выделить основные проблемы, с которыми они столкнулись. 2020 год оказал большое влияние на развитие стран постсоветского пространства. Политические события в ряде государств по времени совпали с экономическими проблемами в мировой экономике, кардинальными изменениями на нефтяном рынке, что отразилось на их экономиках. Негативное влияние на экономическую ситуацию в странах постсоветского пространства оказала пандемия коронавируса. Она обострила ряд социально-экономических проблем в постсоветских государствах. Рост внешней задолженности, падение ВВП и сокращение инвестиций усилили социально-политическую напряженность. Большое влияние на политическую ситуацию на постсоветском пространстве оказывали западные страны. Несмотря на пандемию и собственные трудности, США и ЕС проводили политику, направленную на усиление своих позиций в странах постсоветского пространства. Активная поддержка антироссийски настроенных элит, информационно-дипломатическое давление на руководство стран постсоветского пространства, вмешательство в ход избирательных кампаний привели к дестабилизации ситуации. В целом усилия Запада были направлены на изменение внешней политики государств, которые сохранили с Россией тесные торгово-экономические связи и развивали политические отношения. В данных условиях политика России была направлена на отстаивание собственных интересов. Одним из ключевых факторов реализации долгосрочных инструментов выступал Евразийский экономический союз, с развитием которого российская сторона связывает сохранение своего влияния в отдельных странах постсоветского пространства. Таким образом, на постсоветском пространстве по-прежнему сталкиваются геополитические интересы России и Запада, который последовательно наращивает усилия по ослаблению российского влияния. В заключение делается вывод, что Россия должна учитывать изменения, которые происходят в политической жизни стран постсоветского пространства. Кроме того, борьба России и Запада за влияние на страны постсоветского пространства, которая происходила в предыдущие десятилетия, получит продолжение в последующие годы.

Ключевые слова: постсоветское пространство, Россия, Запад, США, ЕС, пандемия коронавируса.

Abstract: the article examines the results of the post-Soviet states political and economic advancement. Almost three decades of their development as independent states provide an opportunity for reviewing the key trends in their progress, identifying the key challenges they faced. The year of 2020 had a great impact on their nascent stages. Political events in a number of countries coincided with economic problems in the global economy, dramatic changes in the oil market, which affected their economies. The coronavirus pandemic undermined the economic climate in the post-Soviet states aggravating a number of socio-economic problems there. Mounting external debt, dropping in GDP and reduced investment have increased social and political tensions. Western countries had a strong bearing on the political situation in the post-Soviet territories. Despite the pandemic and their own challenges, the United States and the EU pursued policies aimed at strengthening their performance in the post-Soviet countries. Fierce support for anti-Russian elites, information and diplomatic pressure on the former Soviet Union leaderships, interference in the election campaigns incited regional instability. In general, Western endeavours were directed at foreign-policy shifts in the states which maintained close trade and economic ties, and developed political relations with Russia. In this environment, Russia's policy was to defend its own interests. One of the key tools for the long-term instruments implementation was the Eurasian Economic Union, which development the Russian side associates with sustaining its influence within individual countries of the former Soviet Union. Thus, in the post-Soviet space, the geopolitical interests of Russia and the West, consistently stepping up the efforts to weaken Russian influence, still clash. The article concludes that Russia should take into account the changes occurring in the political life of the post-Soviet states. Furthermore, the struggle between Russia and the West for the influence on the countries of the post-Soviet space, which took place in earlier decades, will continue in the coming years.

Key words: former Soviet Union, Russia, West, USA, EU, coronavirus pandemic.

Введение

В последнее десятилетие четко обозначились основные тенденции развития постсоветского пространства. Часть стран готова была сохранить экономические отношения с Россией, одновременно развивая сотрудничество с внерегиональными государствами. Другие государства реализовывали курс на расширение политических и экономических связей с внерегиональными странами и дистанцирование от России. Запад использовал данную ситуацию для усиления своего влияния. Ключевой задачей США и ЕС являлось ограничение российского влияния на постсоветском пространстве. Для реализации этого курса США и ЕС поддерживают политические элиты стран постсоветского пространства, которые стоят на антироссийских позициях. Несовпадение интересов России и Запада привело к новому витку соперничества за влияние на постсоветском пространстве.

Мировой экономический кризис

На процессы, происходящие на постсоветском пространстве, большое влияние оказывают события в мировой полити-

ке и экономике, а также политика внерегиональных государств. В 2020 году геополитическая конкуренция за постсоветское пространство между Россией и западными странами разворачивалась на фоне пандемии коронавируса и серьезных проблем в мировой экономике, рост которых привел к ряду кризисов в масштабе всего мира [40, с. 4—17]. Модель мировой экономики, построенная на использовании развитыми странами развивающихся государств и поддержании на высоком уровне экономического роста, себя исчерпала. Происходило падение темпов экономического роста при одновременном увеличении внешней задолженности. Эта тенденция продолжалась в 2020 году. По оценкам Института международных финансов, «объем мировой задолженности вырос беспрецедентными темпами в первые девять месяцев 2020 года. На правительство стран и компании обрушилось “долговое цунами”». Во второй половине 2020 года эксперты ожидали, что «мировая задолженность достигнет к концу 2020 года 365 % мирового ВВП, при том что в 2019 году этот показатель составлял 320 % ВВП» [2].

Рост задолженности свидетельствовал о наличии серьезных, фундаментальных проблем, которые накопились в мировой экономике. При этом рост глобального ВВП уступал темпам роста задолженности. Еще в 2019 году в исследовании, представленном Экономическим и Социальным советом ООН говорилось, что «на фоне неурегулированной напряженности в торговых отношениях и повышенного уровня неопределенности в области международной политики прогнозы в отношении перспектив роста мировой экономики ухудшились. Прогнозы темпов роста как развитых, так и развивающихся стран в 2019 году были пересмотрены в сторону понижения» [24]. При этом в докладе подчеркивалось, что «в мировой экономике наблюдается повсеместное снижение темпов роста и, согласно прогнозам, нынешний цикл роста, возможно, достиг своего пика» [24]. В качестве вывода в докладе отмечалось, что «в условиях повышенных рисков спада многие страны располагают ограниченными возможностями на макроэкономическом уровне для смягчения последствий неблагоприятных потрясений». Данное исследование было опубликовано в середине 2019 года, задолго до объявления пандемии коронавируса.

В 2020 году на мировую экономику огромное влияние оказала пандемия коронавируса. Начавшись в первые месяцы 2020 года, она нанесла сильнейший удар по экономике многих стран. В свете пандемии COVID-19 четко проявилось «накопление дисбалансов между реальными и спекулятивными секторами» [45, с. 4]. В то же время нельзя утверждать, что именно коронавирус стал причиной проблем в мировой экономике. Он лишь усилил влияние негативных тенденций. Как отмечал директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Александр Широв, «в отличие от классического циклического кризиса в период пандемии отсутствовал период нарастания кризисных явлений. Всё происходило мгновенно — останавливались предприятия, транспорт, торговля» [54, с. 5]. В итоге эксперт сделал ряд выводов. «Первый: для купирования наиболее тяжелых последствий кризиса длительный тотальный карантин оказался избыточным как с медицинской, так и с экономической точки зрения. Второй: масштаб социально-экономических потерь в период карантина также оказался чрезвычайно высоким и потребовал беспрецедентных мер реагирования» [54, с. 5]. Таким образом, в отличие от прежних кризисов, которые начинались под влиянием трудностей в мировой экономике и из-за накопления неразрешимых проблем на рынках недвижимости или в финансовой сфере, кризис 2020 года фактически был запущен пандемией.

На фоне двух процессов — пандемии коронавируса и проблем в мировой экономике — в 2020 году усилилось соперничество за постсоветское пространство. США и ЕС последовательно наращивали усилия по продвижению своих интересов в странах постсоветского пространства. Для этого Запад использовал прямое давление на Россию. Санкционная политика и политическое давление прочно вошли во внешнеполитическую практику США и ЕС для того, чтобы оказывать влияние на Россию. По словам председателя Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела России Андрея Климова, «против России ведется целенаправленная кампания, которая курируется спецслужбами стран НАТО и США, которые официально назвали нашу страну противником и закрепили это в собственных нормативных актах» [3].

Запад активно вмешивался во внутренние дела стран постсоветского пространства. Одним из инструментов внешнеполитического влияния, применяемых западными странами для реализации поставленных задач в отношении стран постсоветского пространства, стала антироссийская риторика. Она использовалась для консолидации той части политической элиты стран постсоветского пространства, которая выступала за снижение уровня политических и экономических отношений с Россией, поддерживала пересмотр истории и культурного наследия. Культивируемый в ряде стран постсоветского пространства миф об «имперской угрозе» и «российской агрессии» поощрялся США и европейскими странами, которые «заявляли о поддержке новых независимых стран в их продвижении по пути демократических реформ и экономических преобразований» [14]. «США продолжали оказывать влияние на внутривнутриполитические процессы в странах бывшего СССР, задействуя для этого административные и финансовые ресурсы. При этом Вашингтон не скрывал своей заинтересованности в сохранении у власти контролируемых и лояльных элит» [32, с. 18—28].

В последние годы западные страны продолжали политику, направленную на дальнейшую дезинтеграцию постсоветского пространства. Они были заинтересованы получить доступ к рынкам сбыта в странах постсоветского пространства. Кроме того, они были заинтересованы в приходе к власти представителей элиты, стоящих на антироссийских позициях. Реализации планов всех американских администраций, которые находились у власти после распада СССР, способствовали ограниченность и неадекватность оценок постсоветских элит о роли своих стран в современной системе международных отношений и ничем не подкрепленные ожидания возможности занять достойное место среди развитых государств. Провалы в экономике и обнищание населения, долговая зависимость практически никак не сказались на позициях постсоветских элит.

Внутриполитический процесс на постсоветском пространстве

В прошлом году политическая ситуация в ряде стран постсоветского пространства развивалась стремительно. В этом кон-

тексте показательны события в Белоруссии, которая длительное время считалась островком стабильности.

После выборов президента, которые прошли в августе 2020 года, ситуация в стране обострилась. Проиграв на выборах, оппозиция организовывала акции протеста. В основном они были направлены против действующего Президента. При этом лидеры оппозиции не озвучили четкой программы политических и экономических преобразований. Оппозицию активно поддерживали западные страны, оказывая ей информационно-политическую поддержку и одновременно осуществляя давление на белорусского Президента.

Вмешательство Запада в выборы и последующее оспаривание их итогов через организацию выступлений против властей вписывалось в общий тренд политики ЕС и США. Для Запада ключевыми задачами выступали смещение Президента Белоруссии и кардинальное изменение внешнеполитического курса. На смену евразийской интеграции должен был прийти курс на евроинтеграцию. Это предполагало отказ от интеграционных проектов, реализуемых в рамках постсоветского пространства (Евразийский экономический союз, Союзное государство, Организация Договора о коллективной безопасности). Реализация такого сценария должна была привести к ослаблению позиций России на постсоветском пространстве.

В реализации своей политики в отношении Белоруссии Запад использовал различные инструменты. Страна была включена в программу «Восточное партнерство», для нее был открыт европейский рынок. Развивалось сотрудничество с МВФ и европейскими странами в сфере образования. В свою очередь, снижение получаемых доходов и трудности в экономике усиливали заинтересованность Белоруссии в поиске пути расширения объемов поставок своей продукции на европейский рынок. Кроме того, Белоруссия активно искала возможности получения кредитов МВФ. Внешний долг Белоруссии на начало 2020 года достиг 17,1 млрд долл. [9].

Несмотря на попытки Белоруссии расширить сотрудничество с Западом, одним из приоритетных направлений внешней политики оставалась Россия. В середине второго десятилетия XXI века «более половины внешнеторгового оборота Бело-

руссии обеспечивалась Россией, 1/4 часть банковских активов контролировалась российскими финансовыми группами и более половины внешнего долга было привлечено из России» [20, с. 12]. Соответственно, «ориентация Белоруссии на интеграцию со странами постсоветского пространства была обусловлена сильной зависимостью белорусской экономики от восточного соседа» [55, с. 9—25]. К 2020 году ситуация не претерпела изменений, что сохранило у Белоруссии повышенный интерес к интеграционным проектам.

К концу 2020 года ситуация в Белоруссии стабилизировалась. Однако события в стране оставили вопросы относительно ее будущего развития и российско-белорусских отношений. Сохранение сложной политической ситуации в Белоруссии и давление Запада будут направлены на ослабление российско-белорусских отношений, тем более что Запад не отказался от планов по смене политического режима в Белоруссии.

Внутриполитические изменения произошли в Молдавии. На выборах президента Молдавии победила Майя Санду. Она представляет политические силы, которые отстаивают курс на европейскую интеграцию. В отличие от бывшего главы молдавского государства Игоря Додона новый президент рассчитывает изменить внешнеполитический курс страны.

Парламентские выборы в Киргизии, которые прошли в октябре 2020 года, привели к очередному политическому обострению. Итогом стала отставка действующего президента Сооронбая Жээнбекова и проведение досрочных выборов главы государства. События в Киргизии в меньшей степени затрагивают внешнюю политику и подходы страны к развитию сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза.

В последние годы сложными остаются отношения России с Украиной, где у власти по-прежнему находятся националистические партии. Снижение популярности Президента В. Зеленского и его политической силы, которая проиграла на выборах в местные органы власти в 2020 году, не сказалось на российско-украинских отношениях.

Украинские власти продолжали курс на расширение сотрудничества с западными странами. Ранее эта позиция нашла отражение в Основном законе Украины. В феврале 2019 года в Кон-

ституцию Украины были внесены положения, которые закрепили курс на вхождение в ЕС и членство в НАТО [38]. В свою очередь, Запад активно поддерживает украинскую сторону, поощряя проведение антироссийской политики. Украина приступила к строительству двух военно-морских баз: на Черном и Азовском морях [39]. Средства для этого выделила Великобритания в рамках подписанного меморандума [5]. Проводится работа по закреплению за Украиной статуса неофициального члена НАТО, тем более что Украина инициирует этот процесс. В начале 2020 года Украина официально подала заявку на участие в программе партнерства расширенных возможностей [52].

Обострение политической ситуации в странах постсоветского пространства было вызвано рядом причин. Сказывалось отсутствие опыта и традиций в передаче власти. За несколько десятилетий эти страны не выработали правил мирной передачи власти. Зачастую смена главы государства или изменения в расстановке сил в парламенте вели к кардинальной смене внешней политики. Политическая борьба рассматривалась в качестве единственного пути, который открывал доступ к финансам и власти. Ситуацию дополняла поляризация общества в постсоветских странах по вопросам внешней политики, что в целом лишало новые государства последовательности и предсказуемости развития. Вероятность пересмотра направлений внешнеполитического курса повышала вмешательство внешних сил.

От конкуренции проектов — к прямому вмешательству

События на Украине 2014 года завершили регионализацию постсоветского пространства. До 2014 года Украина обсуждала различные форматы своего участия в интеграционных проектах. После государственного переворота в феврале 2014 года все дискуссии прекратились, а постсоветское пространство распалось на отдельные «сегменты». Бывшие республики стали расходиться друг от друга всё дальше.

В условиях набирающего силу обострения российско-украинских отношений и санкционного курса Запада Россия продвигала проект евразийской интеграции. Евразийский экономический союз (ЕАЭС) имел для России огромное значение, поскольку выступал альтернативой политике Запада на постсоветском про-

странстве. ЕАЭС представляет собой мощный инструмент российской политики, позволяя «собирать» части постсоветского пространства и сохранять России свое влияние. Негативное влияние на продвижение ЕАЭС оказывали внутривнутриполитические события в странах — участницах ЕАЭС, а также противодействие Запада. «Создание и тем более реализация ЕАЭС (как проекта. — С. Ж.) негативно воспринимаются западными странами» [59, с. 91]. Бывший Государственный секретарь США Хиллари Клинтон, заявила, что «Вашингтон постарается найти эффективные способы, чтобы замедлить или предотвратить развитие евразийской интеграции» [10]. Негативные оценки были даны китайской стороной. Там ЕАЭС считали «серьезным вызовом, сопоставимым с вызовом времен бывшего СССР» [44, с. 156].

Несмотря на трудности, проект евразийской интеграции развивался. В последние годы Россия уделяла повышенное внимание к продвижению евразийской интеграции. В январе 2021 года Евразийская экономическая комиссия приняла документ «О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года» [28] (вступил в силу 12 января 2021 г.). Он определил ключевые задачи стран — участниц ЕАЭС в развитии евразийской интеграции. В частности, в документе подчеркивается, что «постоянным стратегическим направлением является полное устранение барьеров и максимальное сокращение изъятий и ограничений» [28]. На совещании в январе 2021 года Президент России подчеркнул необходимость создания «общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также единого цифрового пространства» [42]. Президент России В. В. Путин подчеркнул, что «в большинстве секторов экономики общие рынки уже созданы и успешно работают. Ведется подготовка к созданию общего финансового рынка ЕАЭС. Мы приступили к реализации программы формирования общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов» [42]. По словам российского Президента, «за шесть лет существования объединения, несмотря на простую внешнюю конъюнктуру, удалось сделать многое. В 2019 г. взаимный товарооборот государств Союза вырос по сравнению с 2015 г. на 35% и составил 61,6 млрд долл. Доля стран ЕАЭС во внешней торговле также возросла: с 7,8% в 2015 году до 8,6% в 2020 году» [37].

Дальнейшее развитие ЕАЭС в значительной степени связано с преодолением разногласий между его участниками. Реализация данного сценария возможна только в том случае, если страны ЕАЭС предложат контрмеры политике давления Запада. В феврале 2021 года в ходе заседания глав правительств Евразийского экономического союза обсуждались вопросы, связанные с развитием внутреннего рынка, таможенно-тарифного регулирования.

О противодействии Запада в ходе заседания Евразийского межправительственного совета говорил премьер-министр Белоруссии Роман Головченко. Глава белорусского правительства заявил, что «так называемый коллективный Запад старается притормозить наше экономическое развитие. Вводятся санкции, блокируется финансирование и реализация важных инфраструктурных проектов, запрещается передача технологий, прекращается поставка технологий, необходимых для производства передовой продукции и комплектующих. Аналогичная ситуация и с доступом на внешние рынки» [36].

На Западе уже открыто обсуждают механизмы давления на отдельные страны, в том числе используя финансовые рычаги. Так, Атлантический Совет (США) рекомендовал Конгрессу «дать указание Государственному департаменту ежегодно тратить не менее 200 миллионов долларов на поддержку Белоруссии» [62]. Помимо этого было рекомендовано «назначить представителя США, который будет контролировать помощь Белоруссии, направлять (совместно с ЕС) гуманитарную помощь оппозиции, поощрять безоговорочную амнистию всех политических заключенных, оказывать давление на политический режим» [62].

Запад задействует различные механизмы влияния на страны постсоветского пространства. Прежде всего, внимание обращено на Грузию, Азербайджан, Молдавию и Украину. Эти страны закрепили курс на вхождение в западные структуры в основополагающих документах. В свою очередь, Запад оказывает этим странам экономическую поддержку, используя двусторонние соглашения и кредиты международных финансовых организаций. Глава Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин отмечал, что «США намерены расширять антироссийские санкции и ставят своим приоритетом экономическую войну против Рос-

сии. В частности, речь идет о попытке отсечь Европу от российских энергоресурсов» [26].

В последние годы Запад поддерживает региональные организации, в которые входят страны, проводящие антироссийский внешнеполитический курс. В 2017 году активизировал свою работу ГУАМ. «Продолжаются усилия НАТО по втягиванию отдельных стран постсоветского пространства в сферу своих интересов. Американское присутствие в Центральной Азии дополненное отдельными объектами из числа членов НАТО позволяют Западу накрыть регион плотной сетью элементов военной инфраструктуры» [33, с. 57].

Препятствуя реализации интеграционных проектов, Запад в то же время не исключает варианты сотрудничества с российской стороной. Однако этот сценарий предполагает получение выгод исключительно западными странами. Например, по оценкам председателя правления инициативы «Лиссабон — Владивосток» Ульфа Шнайдера, «если бы между Европейским союзом и Евразийским экономическим союзом было заключено торговое соглашение, ЕС мог бы увеличить свой экспорт в страны ЕАЭС более чем на 50%. Рост экспорта ЕАЭС был бы ниже, но тоже оказался бы значительным» [61]. Среди многих политических вопросов обсуждению вопросов экономического взаимодействия был посвящен визит в Россию Верховного представителя Евросоюза по иностранным делам и политике безопасности Жозепа Борреля. На встрече с главой МИД России Боррель отметил, что «мы остаемся взаимосвязанными не только географически, но и широким спектром культурных, политических и экономических связей» [4].

Перспективы России связаны с ее позициями в странах постсоветского пространства. В этом контексте данное сотрудничество позволит России предотвратить консолидацию усилий стран постсоветского пространства, вынашивающих идею образования «санитарных коридоров». В свою очередь, «для Запада особое значение приобрела задача создания механизмов, которые и дальше выводили бы страны постсоветского пространства из сферы геополитического и экономического влияния России, ограничивая ее возможности в реализации интеграционных проектов» [11, с. 9—51].

Фактор COVID-19

До 2020 года страны постсоветского пространства демонстрировали относительную экономическую стабильность, в том числе за счет внешних источников. Однако ситуация изменилась после начала пандемии коронавируса. Она оказала негативное влияние на экономики стран постсоветского пространства, и последствия ее будут сказываться в последующие годы.

Все страны имели различные стартовые позиции для борьбы с пандемией коронавируса и ее последствиями. Тем не менее страны постсоветского пространства выработали механизмы адаптации экономики к новым условиям и искать решения обострившихся социальных проблем. Были закрыты границы, введен режим чрезвычайного положения.

В целом большинство стран достаточно быстро отреагировали на пандемию, вводя ограничения и направляя дополнительный объем бюджетных средств на поддержку экономики. Например, Казахстан, Узбекистан и Киргизия в сжатые сроки ввели ограничения [18]. Так, в Узбекистане жесткие меры стали вводиться с 15 марта. Был создан Антикризисный фонд, направленный на преодоление последствий пандемии. Его объем составил 1 млрд долл. [48]. Была также создана специальная республиканская комиссия во главе с премьер-министром, «на которого была возложена задача по противодействию пандемии коронавируса» [29]. «Армения выделила 300 млн долл. бюджетных средств, Азербайджан — 588,2 млн долл., Казахстан — 10 млрд долл.» [29].

Правительство Азербайджана утвердило документ «План мероприятий по выполнению пункта 10.2 Распоряжения Президента Азербайджанской Республики от 19 марта 2020 года № 1950 о ряде мер по снижению негативного воздействия пандемии коронавируса (COVID-19) и, как следствие, резких колебаний мировых энергетических и фондовых рынков для экономики Азербайджанской Республики, макроэкономической стабильности, занятости и предпринимательства» [30]. Усилия властей Азербайджана были направлены на поддержание экономического роста за счет расширения внутреннего спроса, создание новых рабочих мест и оказание государственной поддержки отдельным отраслям экономики. На эти цели Правительство вы-

делило около 170 млн долл. В целом «Азербайджан готов был потратить до 600 млн долл. на меры, которые должны смягчить экономические последствия коронавируса» [15, с. 8—17].

Грузия не торопилась оформлять свои шаги, направленные на борьбу с коронавирусом, в отдельную правительственную программу [66]. В итоге Грузия «опубликовала план стимулирования туристического сектора в размере около 290 млн долл.» [65].

Оперативно принимали решения в Армении. Уже 26 марта были утверждены «пакеты» помощи по разным секторам экономики, а 30 марта — еще три программы содействия. В начале апреля были утверждены мероприятия, направленные на минимизацию последствий пандемии коронавируса [35].

Все страны в решении экономических проблем опирались на такие механизмы, как оказание адресной социальной поддержки и поддержание внутреннего спроса. Отдельные страны (Казахстан и Узбекистан) имели запас прочности. Это позволило им сформировать специальные фонды и оказать поддержку населению. Однако для других стран введение жестких ограничений могло обернуться коллапсом экономики. Например, для Таджикистана «объявление карантина означало замораживание всех государственных проектов строительства и развития инфраструктуры, в большинстве своем связанных с китайскими инвестициями» [16, с. 81—93].

Для всех стран постсоветского пространства большую проблему представляла безработица. Вводимые в отдельных секторах экономики ограничения привели к закрытию многих предприятий. Прежде всего, это коснулось туризма, ресторанного бизнеса и авиакомпаний. Туризм, на котором негативно сказались транспортные ограничения, требовал финансовой поддержки в виде страховых выплат, налоговых льгот и других схем поддержки бизнеса, чтобы сохранить этот сектор на плаву [64].

Долговая политика

Развитые страны имели больше возможностей для преодоления экономического кризиса. В отличие от них государства постсоветского пространства не имели экономического потенциала, необходимого для борьбы с пандемией. В этих условиях, чтобы сохранить социально-политическую стабильность, государства

были вынуждены выделять из государственного бюджета дополнительные средства на поддержку населения, что негативно сказывалось на экономике. Это усилило бюджетные дефициты. Для их покрытия страны прибегли к внешним заимствованиям. Они должны были возместить сокращение переводов, направляемых работающими гражданами из-за рубежа, и выпадение государственных доходов.

Часть стран избрали стратегию заимствований у международных финансовых структур, которые готовы были предоставить долгосрочные кредиты. Таким путем пошли Киргизия, Украина и Таджикистан. Так, Киргизия «стала первой страной, которой МВФ выделил на борьбу с коронавирусом 120 млн долларов» [65]. Подобные меры позволяли направить дополнительные средства на борьбу с пандемией коронавируса, но одновременно увеличивали долговую нагрузку.

Узбекистан рассчитывал опираться на кредиты международных организаций. Так, Президент Узбекистана подписал постановление [34] о привлечении кредитов международных финансовых организаций на сумму в 3,1 млрд долл. [49]. Также Узбекистан планировал привлечь средства Всемирного банка, Азиатского банка развития, Исламского банка развития, Европейского банка реконструкции и развития и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций [34]. В итоге Азиатский банк развития выделил кредит в размере 500 млн долл. на 15 лет, Всемирный банк — в размере 200 млн долл. на 30 лет [17]. В апреле Узбекистан рассчитывал занять, как минимум, 1,6 млрд долл. для борьбы с последствиями коронавируса [50]. В тот же период Всемирный банк заявил о готовности предоставить стране 14 млрд долл., которые должны были пойти на реализацию кризисных программ [6]. Однако в конце июля Министерство финансов Узбекистана заявило, что общая сумма кредитов, выделенных международными организациями и фондами на борьбу с пандемией, составила лишь 1,075 млрд долл. [51], хотя страна рассчитывала на более серьезную поддержку.

В середине года помощь получили Таджикистан и Кыргызстан. В августе Евразийский фонд стабилизации и развития (ЕФСР) предоставил Таджикистану кредит в объеме 50 млн долл. (на 20 лет под 1 % годовых) [27]. Затем, 7 августа, ЕФСР предо-

ставил кредит Кыргызстану в размере 100 млн долл. (на 20 лет под 1 % годовых) для преодоления последствий пандемии коронавируса. Кредит позволял восполнить часть выпадающих доходов бюджета страны, сокращение которых грозило дестабилизировать общественно-политическую ситуацию [58]. Как отмечали в ЕФСР, «распространение COVID-19, резкое сокращение внешнего спроса и карантинные ограничения оказывают масштабное негативное воздействие на экономики, бюджеты и платежеспособность стран — членов Евразийского фонда стабилизации и развития» [58].

Учитывая сложившуюся ситуацию, МВФ одобрил Таджикистану выделение 189,5 млн долл. для борьбы с пандемией [22]. Эти меры позволяли Таджикистану рассчитывать на смягчение последствий от коронавируса.

Часть средств странам региона предоставляли зарубежные фонды. Так, Центр по контролю и профилактике заболеваний (США) предоставил Узбекистану 2 млн долл. на оборудование для тестирования на коронавирусную инфекцию в пунктах пропуска на границе с соседними странами. Затем Агентство США по международному развитию выделило Узбекистану дополнительно 3 млн долл. для реализации мероприятий, направленных на борьбу с COVID-19 [45].

Для преодоления кризисных явлений в экономике Украина пошла на подписание нового соглашения с МВФ. В итоге 9 июня 2020 года МВФ утвердил для Украины новую программу в объеме 5 млрд долл. [25]. Она рассчитана на 18 месяцев. Первый транш в размере 2,1 млрд долл. был выделен сразу после утверждения программы [25].

Дополнительные кредиты привели к росту внешнего долга. «За первое полугодие внешний долг Белоруссии вырос на 5,3 %, достигнув 18 млрд долл.» [41]. «Совокупный государственный долг Украины в декабре 2020 года вырос и достиг 90,2 млрд долл.» [8]. При этом «прямой внешний долг вырос на 5,25 % — до 44,5 млрд долл.» [8].

В конце 2020 года Украина вновь была вынуждена опираться на внешнюю поддержку. Первая часть транша макрофинансовой помощи ЕС в размере 600 млн евро была предоставлена ей в декабре 2020 года [13]. В начале 2021 года ЕС обсуждал с укра-

инскими властями перспективы предоставления второй части транша макрофинансовой помощи в размере 600 млн евро.

Вопрос о степени влияния пандемии коронавируса на экономику стран постсоветского пространства и их политическое развитие остается открытым. «Пандемия может иметь долгосрочные последствия для инвестиционной политики» [12]. Помимо просчета экономических потерь, которые страны постсоветского пространства будут нести в ближайшие годы, сложно оценить социально-политические последствия от пандемии коронавируса.

Заключение

Вывод, который можно сделать по итогам 2020 года, заключается в том, что более эффективно кризисные процессы в экономике и последствия пандемии преодолели страны, в которых государство сохранило высокий уровень участия в медицинской и социальной сферах. Это позволило в кратчайшие сроки перестроить сферу здравоохранения, обеспечить население лекарствами, осуществлять мониторинг ситуации.

Страны постсоветского пространства еще долгое время будут сталкиваться с последствиями пандемии коронавируса. В первую очередь, сохранится риск дальнейшего падения ВВП. Страны будут вынуждены тратить значительные ресурсы на социальные выплаты и поддержание политической стабильности. Сохранение спроса внутри страны рассматривается в качестве одного из механизмов восстановления экономики. Однако для этого необходимо восстановить уровень доходов населения, который значительно снизился в ходе пандемии коронавируса. «Безусловным приоритетом национальных и международных усилий стали поддержка занятости населения, а также возмещение потерянных доходов в форме социальных выплат по безработице, компенсаций и льгот работодателям, послаблений в налоговом регулировании» [43, с. 7].

На повестке дня всех стран постсоветского пространства остается пандемия коронавируса и ее последствия. Предпринимаемые в большинстве стран меры, направленные на борьбу с пандемией и решение неотложных задач, дали в целом невысокий результат. Здравоохранение большинства из них оказалось неготовым к вызовам, которые возникли в связи с пандемией.

Сказалось отсутствие финансовых возможностей. В опубликованном в начале 2021 года докладе «Coronavirus vaccines: expect delays» не случайно отмечается, что развитые страны получают вакцину в первую очередь, а остальные — бедные страны — могут начать вакцинацию не ранее 2023 года [63, с. 6].

Постсоветское пространство будет находиться под сильным влиянием ситуации в мировой экономике. Уже появилось много прогнозов относительно перспектив ее развития. Однако большинство экспертов сходятся во мнении, что в ближайшие годы мировая экономика будет испытывать последствия пандемии коронавируса. Так, по оценкам экспертов Всемирного банка, темпы роста мировой экономики были пересмотрены в сторону ухудшения [56, с. 1, 4]. Глобальный рост ВВП в 2021 году ожидается на уровне 4%, в 2022 году — до 3,8%. Среди причин пересмотра прогноза в сторону снижения экономического роста были названы: «новая мощная волна эпидемии коронавируса, слабый спрос на фоне неопределенности перспектив, снижение инвестиционной активности и нарастающий уровень государственного и частного долга» [57, с. 4]. В докладе, подготовленном экспертами Всемирного экономического форума, отмечалось, что «в чуть более дальней перспективе — трех–пяти лет — актуальными событиями могут стать “схлопывание” пузыря на рынке активов (их стоимость сейчас поддерживается политикой монетарного смягчения), обвал ИТ-инфраструктуры, ценовая нестабильность, шоки на рынках сырья и долговой кризис» [67].

Российские эксперты отмечали, что «текущие мировые прогнозы экономического роста зависят от трех факторов: жесткости новых карантинных ограничений, дешевой ликвидности от центральных банков и помощи Минфинов, а также от соглашения ОПЕК+. Карантины постепенно возвращаются во всех странах. Перспективы восстановления ВВП в мире в 2022 году до уровня 2019 года (по прогнозу МВФ от октября 2020 года) сохраняются, но базисные предпосылки прогноза уже меняются. Центральные банки и Минфины планируют сохранять поддержку пострадавших от рецессии, хотя масштабы поддержки могут снижаться» [1]. В долгосрочных прогнозах большой вес будут иметь фундаментальные факторы экономического роста и технологического развития [60]. Однако сложно ожидать благоприятного развития ситуации. В се-

редине прошлого года директор-распорядитель МВФ Кристалина Георгиева отмечала, что «в 2020 году будет худший экономический спад со времен Великой депрессии» [23]. Всемирный банк в своих «Глобальных экономических перспективах» в июне 2020 года снизил прогноз до минус 5,2% и назвал кризис одной из самых глубоких рецессий за более чем 150 лет после Первой мировой войны, 1930-х годов и Второй мировой войны [68].

В большинстве прогнозов делается вывод о влиянии ситуации в мировой экономике на ситуацию в России. «Темпы роста глобального ВВП серьезно повлияют на российскую экономику, которая больше зависит от внешнего спроса на свои экспортные товары, чем от собственного внутреннего потребления» [19, с. 4]. В то же время, говоря о перспективах российской экономики, эксперты Центра конъюнктурных исследований Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ отмечали, что «коронавирус для промышленности практически завершен» [56, с. 1, 4]. Среди причин данной ситуации эксперты называли «быстрый и масштабный экономический маневр, который провело правительство для минимизации потерь в экономике, и относительную изоляцию отраслей от международных рынков» [56, с. 1, 4].

Россия остается центром экономического роста. При этом аналитики Центра макроэкономических исследований отмечали, что в России «экономический рост начнет ускоряться в первом полугодии 2021 года. Докризисные квартальные объемы выпуска и занятость будут достигнуты к началу 2022 года» [53].

Высокая зависимость стран постсоветского пространства от России не позволяет ожидать улучшение ситуации в них в 2021 году. Страны постсоветского пространства в 2021—2022 годах могут столкнуться с дальнейшим падением объемов производства, ростом безработицы, сокращением внутреннего спроса, инфляцией. Проблемы в экономике каждой из стран будут отрицательно сказываться на социально-политической ситуации.

Ключевой задачей российской политики остается ЕАЭС. Успешное продвижение интеграционного проекта усилит позиции России, в том числе на постсоветском пространстве. Между тем в последние годы российская политика проводится в условиях санкций, которые постоянно вводит Запад.

Как отмечали российские эксперты, «становление евразийского интеграционного проекта происходило и происходит в неблагоприятных внешних условиях: раскол постсоветского пространства по интеграционным внешнеполитическим приоритетам, геополитический конфликт России и Запада, неустойчивая динамика глобальной экономики, падение цен на углеводороды и, наконец, пандемия COVID-19, вызвавшая разрыв международных экономических и социальных связей» [47].

Вопрос о влиянии санкций, вводимых Западом в отношении России, до сих пор остается открытым. С одной стороны, экономика России адаптировалась функционировать в условиях ограничений, развивая собственные производства. Это можно считать позитивным моментом. Кроме того, существуют оценки, согласно которым западные санкции направлены на решение долгосрочных задач. В издании Российского совета по международным делам [31] приводятся оценки, сделанные в 2018 году экспертами Атлантического совета (США). «Санкции по своей сути стали благом для нефтяного сектора России, поскольку они не только не повлияли на текущие объемы добычи, но и позволили российским компаниям не вкладываться в дорогостоящие высокотехнологичные проекты» [31]. При этом подчеркивается, что «целью санкций было ограничение объемов добычи не в краткосрочной, а в долгосрочной перспективе» [31].

С другой стороны, были и другие оценки, сделанные российскими экспертами, которые считали, что «санкции сильно ограничили доступ к западным финансовым ресурсам и технологиям, что замедлило развитие страны и усилило ее зависимость от цен на топливо и сырье» [47]. В краткосрочной перспективе отсутствие современных технологий не окажет сильного влияния на развитие российской экономики. В ближайшее десятилетие маловероятно, что Россия приступит к добыче углеводородных ресурсов на шельфе. Однако в долгосрочной перспективе, при отсутствии собственных разработок, это может стать ключевым фактором, который будет тормозить развитие экономики.

В начале 2021 года, после вступления в должность нового Президента США, было неясно, «что Байден может принести региону» [21]. Однако можно ожидать, что во внешней политике США и ЕС сохранится преемственность целей в отношении стран

постсоветского пространства. Председатель Комиссии Совета Федерации по информационной политике и взаимодействию со СМИ Алексей Пушков отмечает: «США при Джозефе Байдене сделают ставку на активизацию усилий по отрыву постсоветских республик от России» [7].

Последствия пандемии коронавируса еще длительное время будут сказываться в государствах постсоветского пространства. К ним добавятся внутривнутриполитические процессы и экономические проблемы, с которыми страны вряд ли справятся самостоятельно. Данные факторы усилят заинтересованность Запада вмешиваться во внутреннюю политику стран постсоветского пространства, что спровоцирует новый виток конкуренции между Россией и США за постсоветское пространство.

Литература

1. Адаптация рынка нефти / Аналитический центр при Правительстве РФ. — 2020. — Декабрь. № 91. — URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/energo_dec_2020.pdf (дата обращения: 12.01.2021)
2. Аналитики рассказали о глобальном «долговом цунами» на фоне пандемии. 19.11.2020 // Интерфакс. — URL: <https://www.interfax.ru/business/737848> (дата обращения: 14.01.2021).
3. Андрей Климов: «Поддержка несанкционированных акций извне идет в преддверии предстоящих в России парламентских выборов». 02.02.2021 // Международная жизнь. — URL: <https://interaffairs.ru/news/show/28934> (дата обращения: 02.02.2021).
4. Боррель призвал не создавать «стену молчания» между ЕС и РФ, несмотря на сложности. 05.02.2021 // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/10631785> (дата обращения: 05.02.2021).
5. Британия выделит почти 1,4 млрд евро на Военно-морской флот Украины. 07.10.2020 // РБК. — URL: <https://news.rbc.ua/rus/politics/britaniya-vydelit-1-4-mlrd-evro-voenno-morskoy-1602066851.html> (дата обращения: 19.01.2021).
6. Всемирный банк заявил о готовности выделить Узбекистану 14 млрд долларов. 07.04.2020 // UPL24. — URL: <https://upl.uz/economy/15218-news.html> (дата обращения: 23.04.2020).
7. Гасанов К. Пушков: Байден попытается оторвать постсоветское пространство от России. 01.02.2021 // Вечерняя Москва. — URL: <https://vm.ru/interview/857953-pushkov-bajden-popytaetsya-otorvat-postsovetskoe-prostranstvo-ot-rossii> (дата обращения: 03.02.2021).
8. Госдолг Украины в декабре вырос на 7,15% в долларах и на 6,41% в гривне / Минфин. 26.01.2021 // Интерфакс. — URL: <https://interfax.com.ua/news/economic/719104.html> (дата обращения: 02.02.2021).
9. Государственный долг на 1 января 2020 г. / Министерство финансов Белоруссии. — URL: http://minfin.gov.by/public_debt/pressreleases/4c6b30d611354542.html (дата обращения: 23.10.2020).
10. Готов ли Евразийский союз к расширению? 13.07.2016 // Евразия Эксперт. — URL: <http://eurasia.expert/gotov-li-evraziyskiy-soyuz-k-rasshireniyu/> (дата обращения: 29.07.2016).
11. Гузенкова Т. С. и др. Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции / Гузенкова Т. С., Петровская О. В., Каширина В. Б., Неменский О. Б., Иванова В. А., Тасиц К. И., Александров Д. А., Ип-

- политов И. А., Кукола С. Ю., Дарвай Р. В., Тихонова С. В. // Проблемы национальной стратегии. — 2015. — № 2.
12. Доклад о мировых инвестициях. 2020; Международное производство после пандемии. 2020 / Организация Объединенных Наций; конференция Организации ООН по торговле и развитию. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_overview_ru.pdf (дата обращения: 29.01.2021).
 13. ЕС работает над тем, чтобы Украина как можно быстрее получила вторую часть транша макрофинансовой помощи в размере EUR600 млн, как сообщила президент Еврокомиссии. 29.01.2021 // Интерфакс. — URL: <https://interfax.com.ua/news/general/720024.html> (дата обращения: 02.02.2021).
 14. Жильцов С. С. Украина: 20 лет пути к независимости. — М.: Восток-Запад, 2012. — 338 с.
 15. Жильцов С. С. Коронавирус ударил по странам постсоветского пространства // Проблемы постсоветского пространства. — 2020. — № 1.
 16. Ионова Е. Центральная Азия в условиях пандемии // Россия и новые государства Евразии. — 2020. — № 2.
 17. Исмаилова А. Специалисты Минфина рассказали, как работает Антикризисный фонд и на каких условиях Узбекистану выделяются кредиты. 28.07.2020 // Подробно.uz. — URL: <https://podrobno.uz/cat/economic/spetsialisty-minfina-rasskazali-kak-rabotaet-antikrizisnyy-fond-i-na-kakikh-usloviyakh-uzbekistanu-v/> (дата обращения: 03.08.2020).
 18. Исследование того, как в ЕАЭС борются с распространением COVID-19. 18.04.2020 // SONAR-2050. — URL: <https://www.sonar2050.org/publications/mery-virusnogo-sderjivaniya/> (дата обращения: 14.06.2020).
 19. Кошкина А. Оттолкнемся от дна // Ведомость. — 2021. — 18 янв.
 20. Кузьмина Е. М. Евразийский экономический союз: испытание кризисом // Проблемы постсоветского пространства. — 2015. — № 1.
 21. Кучера Дж. Eurasianet (США): займется ли Байден забытыми Центральной Азией и Кавказом? — 2021. — 18 янв. — URL: <https://inosmi.ru/politic/20210118/248930220.html> (дата обращения: 30.01.2021).
 22. МВФ одобрил выделение Таджикистану \$189,5 млн на противодействие коронавирусу // Ритм Евразии. — 2020. — 7 мая. — URL: <https://www.ritimeurasia.org/news—2020-05-07-mvf-odobril-vydelenie-tadzhikistanu-189-5-mln-na-protivodejstvie-koronavirusu-48899> (дата обращения: 16.07.2020).
 23. МВФ предвидит худший экономический спад со времен Великой депрессии. 09.04.2020 // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/ekonomika/8201609> (дата обращения: 23.07.2020).
 24. Мировое экономическое положение и перспективы / ООН. Экономический и Социальный Совет. — 10.05.2019. — URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/E/2019/70> (дата обращения: 12.01.2021).
 25. Миссия МВФ в Украине продолжает работу / МВФ. — 04.02.2021 // Интерфакс. — URL: <https://interfax.com.ua/news/economic/721330.html> (дата обращения: 04.02.2021).
 26. Никифоров О. Состоится ли проект «Северного потока — 2» // Независимая газета. — 2017. — 11 июня.
 27. О предоставлении финансового кредита Республике Таджикистан и грантов из Евразийского фонда стабилизации и развития. 03.08.2020 / Евразийский фонд стабилизации и развития. — URL: <https://efsd.eabr.org/press-center/news/o-predostavlenii-finansovogo-kredita-respublike-tadzhikistan-i-grantov-iz-evraziyskogo-fonda-stabilizatsii/> (дата обращения: 06.08.2020).
 28. О стратегических направлениях развития евразийской экономической интеграции до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического совета от 11.12.2020 № 12 // Правовой портал Евразийского экономического союза. — URL: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01528320/err_12012021_12 (дата обращения: 17.01.2021).
 29. Обзор экономических мер, применяемых странами в условиях распространения COVID-19 / Росконгресс. 02.04.2020. — URL: https://roscongress.org/upload/medialibrary/c98/Obzor_eco_mer_final2.pdf (дата обращения: 24.12.2020).

30. План мероприятий по выполнению пункта 10.2 распоряжения Президента Азербайджанской Республики от 19 марта 2020 года № 1950 о ряде мер по снижению негативного воздействия пандемии коронавируса (COVID-19) и, как следствие, резких колебаний мировых энергетических и фондовых рынков для экономики Азербайджанской Республики, макроэкономической стабильности, занятости и предпринимательства. — 04.04.2020 / Кабинет министров Республики Азербайджан. — URL: <https://cabmin.gov.az/az/document/4367/> (дата обращения: 23.05.2020).
31. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты / сост. И. Н. Тимофеев, В. А. Морозов, Ю. С. Тимофеева; РСМД. — М., 2020. — 452 с.
32. Пономарев В. Политика США по «продвижению демократии» на постсоветском пространстве // Проблемы постсоветского пространства. — 2020. — № 1.
33. Попов Д. С. Центральная Азия во внешней политике США 1991—2016 гг. — М.: РИСИ, 2016.
34. Постановление Президента Республики Узбекистан «О мерах по привлечению средств внешнего содействия для поддержки населения, бюджета, базовой инфраструктуры и субъектов предпринимательства в период коронавирусной пандемии». 22.04.2020 // LexUzonline. — URL: <https://lex.uz/pdfs/4797098> (дата обращения: 14.07.2020).
35. Правительство Республики Армения: Мероприятия по нейтрализации экономических последствий коронавируса/Правительство Республики Армения. — URL: <https://www.gov.am/ru/covid19> (дата обращения: 23.04.2020).
36. Премьер Беларуси обвинил Запад в стремлении помешать экономическому развитию ЕАЭС. 05.02.2021 // Ритмы Евразии. — URL: <https://www.ritmeurasia.org/news-2021-02-05-premer-belarusi-obvinil-zapad-v-stremlenii-pomeshat-ekonomicheskomu-razvitiyu-eeas-53128> (дата обращения: 05.02.2021).
37. Путин: странам ЕАЭС нужно эффективно координировать усилия по борьбе с коронавирусом. 20.01.2021 // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/10505305> (дата обращения: 01.02.2021).
38. Рада включила в Конституцию курс на членство в ЕС и НАТО. 07.02.2019 // LB.ua. — URL: https://rus.lb.ua/news/2019/02/07/419108_rada_vklyuchila_konstitutsiyu_kurs.html (дата обращения: 24.11.2020).
39. Рокитна А. В Украине строят две военно-морские базы для защиты Черноморского региона. 20.10.2020 // РБК-Украина. — URL: <https://www.rbc.ua/rus/news/ukraine-stroyat-dve-voenno-morskie-bazy-zashchity-1603180952.html> (дата обращения: 24.01.2021).
40. Рябков С. А. Политический стриптиз, который мы наблюдаем на фоне пандемии коронавируса, малопривлекателен, хочется отвернуться // Международная жизнь. — 2020. — № 4.
41. Сизов Ю. Внешний госдолг Беларуси в I полугодии вырос до 18 млрд долларов. 31.07.2020 // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/2020/07/31/vneshnij-gosdolg-belarusi-v-i-polugodii-vyros-do-18-mlrd-dollarov.html> (дата обращения: 02.02.2021).
42. Совецание по вопросу реализации интеграционных проектов на пространстве Евразийского экономического союза. 20.01.2021 // Сайт Президента РФ. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/64909> (дата обращения: 03.02.2021).
43. Социальные последствия пандемии COVID-19 и инклюзивность: доклад. — М.: Минэкономразвития, 2020.
44. Сыроежкин К. Л. Евразийское пространство и китайский фактор // Интеграционные процессы в евразийском пространстве и современный мир: матер. Междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 14 ноября 2012 г.) / Казахстанский ин-т стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан. — 2013.
45. США выделили Узбекистану дополнительные средства на борьбу с COVID-19. 22.05.2020 // РИА-Новости. — URL: <https://ria.ru/20200522/1571820835.html> (дата обращения: 23.07.2020).
46. Тимофеев И. COVID-19 и ситуация в современном мире: риски и возможности для внешней политики России. — М.: РСМД, 2020. — № 34.
47. Трансформация моделей экономики в странах постсоциалистического мира / отв. ред. М. О. Тураева, Л. Б. Вардомский. — М.: ИЭ РАН, 2020. — 192 с.

48. Узбекистан получит \$3 млрд от международных доноров на борьбу с COVID-19. 24.04.2020. — URL: <https://fergana.media/news/117460/> (дата обращения: 16.05.2020).
49. Узбекистан намерен привлечь \$3,1 млрд для снижения последствий пандемии. 24.04.2020 // Газета ru. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/24/financing/> (дата обращения: 02.08.2020).
50. Узбекистан займет минимум \$1,6 млрд для борьбы с последствиями коронавируса. 23.04.2020 // Газета ru. — URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2020/04/23/anti-crisis-fund/> (дата обращения: 15.07.2020).
51. Узбекистан получил \$1,075 млрд в виде кредитов на борьбу с пандемией. 30.07.2020 // Forbes.uz. — URL: https://forbes.uz/massmedia/summa_vyidelennyih_mejdnarodnyimi_organizatsiyami_i_fondami_na_borbu_s_pandemiej_sostavila_1075_mlrd/ (дата обращения: 03.08.2020).
52. Украина подала заявку на участие в программе расширенных возможностей НАТО. 16.01.2020 // LB.ua. — URL: https://rus.lb.ua/news/2020/01/16/447262_ukraina_podala_zayavku_uchastie.html (дата обращения: 17.01.2021).
53. Центр макроэкономических исследований подводит итоги 2020 года и прогнозирует, когда экономика России вернется на докризисный уровень. 29.12.2020 // Сбер Index. — URL: <https://sberindex.ru/ru/researches/centr-makroekonomicheskikh-issledovaniy-podvodit-itogi-2020-goda-i-prognoziruet-kogda-ekonomika-rossii-vernuyetsya-na-dokrizisnyi-uroven> (дата обращения: 23.01.2021).
54. *Широв А.* Как будет восстанавливаться рост // Ведомости. — 2020. — 30 дек.
55. *Шурубович А. В.* Евразийская интеграция в восприятии белорусов // Россия и новые государства Евразии. — 2014. — № 1.
56. *Шохина Е.* Три месяца до роста // Ведомости. — 2021. — 19 янв.
57. *Шохина Е.* Завтра хуже, чем вчера // Ведомости. — 2021. — 14 янв.
58. *Шустов А.* Антикризисные кредиты: кто нуждается больше. — 13.08.2020 // Ритмы Евразии. — URL: <https://www.ritimeurasia.org/news—2020—08—13—antikrizisnyekredity-kto-nuzhdaetsja-bolshe-50390> (дата обращения: 14.08.2020).
59. *Шуцунь В., Цинсун В.* Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // Проблемы национальной стратегии. — 2013. — № 3.
60. Энергетические прогнозы на фоне кризиса / Аналитический центр при Правительстве РФ. — 2020. — № 90. — URL: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/energo/energo_november_2020.pdf (дата обращения: 04.02.2021).
61. *Юранец А.* «Стена молчания — не выход»: Лавров встретился с Боррелем. — 05.02.2021 // Газета ru. — URL: https://www.gazeta.ru/politics/2021/02/05_a_13468322.shtml (дата обращения: 05.02.2021).
62. Bidem and Belarus: Atlantic Council Presents Strategy for New Administration. 28.01.2021 // BelarusFeed. — URL: <https://belarusfeed.com/biden-belarus-atlantic-council-strategy-new-administration/> (accessed: 03.02.2021).
63. Coronavirus vaccines: expect delays: A report by The Economist Intelligence Unit. 2021.
64. *Cyn-Young P.* and others. An Updated Assessment of the Economic Impact of COVID-19 / Cyn-Young P., James V., Abdul A., Badri N., Eduardo B., Jindra S., Ammar A. and Mara C. T.; Asian Development Bank. — 2020. May. — URL: <https://www.adb.org/publications/updated-assessment-economic-impact-covid-19> (accessed: 13.05.2020).
65. Eurasianet (США): обзор антикризисных мер в Центральной Азии и на Кавказе. 30.03.2020 // Рамблер/финансы. — URL: <https://finance.rambler.ru/markets/43930122-eurasianet-ssha-obzor-antikrizisnyh-mer-v-tsentralnoy-azii-i-na-kavkaze/> (accessed: 10.02.2021).
66. Prime Minister Presents Plan for Concrete Economic Stimulus Measures. 13.03.2020 // Government of Georgia. — URL: http://gov.ge/index.php?lang_id=ENG&sec_id=547&info_id=75564 (accessed: 18.04.2020).
67. The Global Risks Report 2021/World Economic Forum. — URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (accessed: 23.01.2021).
68. *Villafuerte J.* The Pandemic's economic impact will be deep, but proactive policies will help. 2020. 4 August // Asian Development Blog. — URL: <https://blogs.adb.org/blog/pandemic-s-economic-impact-will-be-deep-proactive-policies-will-help> (accessed: 09.08.2020).

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Нарышкин Андрей Александрович,

кандидат политических наук,
управляющий директор ООО «РГ Консалтинг»,
холдинг «Росгеология», Москва.

Andrey A. Naryshkin,

Ph. D. (Political Science),
Managing Director, RG Consulting, RosGeo, Moscow.

E-mail: andr-naryshkin@yandex.ru

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

THE ROLE OF FOREIGN MISSIONS IN THE ECONOMIC DIPLOMACY OF THE RUSSIAN EMPIRE

Аннотация: обеспечение развития внешней торговли и притока инвестиций — важнейшие приоритеты современных государств. В статье рассмотрен исторический путь формирования системы российских зарубежных представительств, их основные обязанности и зоны ответственности. Задача по расширению рынков сбыта становилась актуальной по мере развития государства, промышленности и товарооборота между странами. Основной функционал по решению данной задачи ложился на плечи зарубежных представительств.

Ключевые слова: экономическая дипломатия, зарубежные представительства, торговые представительства, продвижение экспорта.

Abstract: foreign trade and investment promotion are the main priorities of current states. This article reviews the historical path of the Russia's foreign missions formation their main duties and responsibilities. During the process of industry and trade development foreign market expansion became an aim for the state.

The task to expand the market became relevant during the state, industry and trade turnover development. Foreign missions were aimed to reach those goals.

Key words: economic diplomacy, foreign missions, trade representations, export promotion.

Выстраивание взаимодействия с зарубежными странами в экономической сфере — важнейшая часть экономической дипломатии. Продвижение экономических интересов, как государства, так и других экономических агентов за рубежом, не является новацией последних десятилетий. Это — часть истории международных отношений и, безусловно, истории нашей страны.

Развитие отношений с зарубежными странами позволяло не только интенсифицировать культурное развитие, усилить политический вес государства, но и обеспечить выгодный торговый обмен, взаимопроникновение современных технологий и приток зарубежных торговцев и промышленников на отечественный рынок. В свою очередь, интенсивная внешняя торговля содействовала становлению и укреплению межгосударственных отношений, решая задачи политической дипломатии.

Торговые обмены между разными государственными образованиями и территориями уходят корнями глубоко в историю. Основания, на которых осуществлялась внешняя торговля, с течением времени менялись.

Рассмотрим краткую историю становления внешнеторговых отношений, роль государства в этом процессе и историю формирования института торговых представителей как элемента экономической дипломатии.

В XII—XVI веках торговлю в бассейне Северного моря, в Северо-Западной Европе, постепенно и в Восточной Европе, практически монополизировала Ганза [2] — объединение германских купцов, представлявшее их внешнеторговые интересы. Она имела свои конторы в Новгороде и Смоленске. Ганза внесла существенный вклад в экономическое развитие Западной и Центральной Европы, в то же время препятствовала деятельности местных купцов, не входивших в это объединение. Постепенное развитие национальных экономик укрепило позиции английских, нидерландских, французских и русских купцов в конце XV — начале XVI века, обострило их противоречия с Ганзой. Изменение основных торговых путей в связи с Великими географическими открытиями окончательно подорвало значение Ганзы. Ее упадок начался с закрытием ганзейской конторы в Новгороде в 1494 году при великом князе московском и владимирском Иване III, осуществлявшем насильственную ликвидацию Новгородской республики.

В середине XVI века право свободной беспошлинной торговли в Русском государстве царь Иван IV предоставил образованной на основании акционерного капитала английской Московской компании. В дальнейшем эта компания получала право беспошлинной торговли и утрачивала его в зависимости от политической ситуации [5]. В ходе преобразований царя Петра I Московская компания была лишена привилегий.

Одновременно во 2-й половине XV — 1-й четверти XVIII века оптовую торговлю русскими, западноевропейскими и восточными товарами осуществляли члены русской сословной купеческой корпорации гостей [3]. Их права и привилегии с XVI века фиксировались в царских жалованных грамотах. Гости освобождались от некоторых пошлин, были подсудны царю или специально уполномоченному им лицу, а не властям тех городов, которые они посещали по торговым делам, и др. Гости безвозмездно выполняли особые «гостинные» службы, при этом им запрещалось заниматься собственными делами. Так, на них возлагалось руководство таможенной службой в наиболее крупных городах и портах страны, управление рыбными, соляными и другими казенными промыслами. В конце XVII века число гостей сократилось, их экономическая роль быстро пошла на убыль [3]. На хозяйстве гостей сказывались перемены в рыночной конъюнктуре, введение государственной монополии на некоторые виды их деятельности и другие аспекты экономической политики Петра I. В соответствии с указами 1720-х годов гости были включены в состав купеческих гильдий и обложены подушной податью.

В XVII—XVIII веках на отдельные виды экспортных товаров, а также на караванную торговлю с Китаем устанавливалась государственная монополия, то есть исключительное право государства на ведение внешнеторговых операций [30, с. 1394—1395; 31; 32]. Указом от 8 (19) апреля 1719 года Петр I официально отменил государственную монополию на товары, которые экспортировала казна (кроме поташа и смольчуга), одновременно повысив на них вывозные пошлины. В действительности в ведении казны долгое время находились и другие предметы экспорта, среди них — смола, паюсная икра, рыбий клей, продукты морского промысла на Севере. Монополия государства на продажу за рубеж отдельных видов товаров вызывала недовольство рос-

сийских и иностранных купцов, некоторых представителей правящих кругов в России, правительств морских держав Европы. К середине XVIII века возобладало мнение, что «всякий торг в казенном содержании упадет», и в 1762 году казенная монополия была отменена, за исключением монополии на продажу поташа и смольчуга [31, с. 1394].

Последней крупнейшей торговой и промысловой компанией, которой государство предоставляло монопольные права, стала Российско-американская компания (РАК) [подробнее см.: 6], основанная купцами в Иркутске в 1798 году как Соединенная американская компания. Указом императора Павла I от 8 (19) июля 1799 года она была преобразована в РАК и получила привилегии (продлевались в 1821 и 1841 гг.): не только монопольное право на промыслы, торговлю и разработку полезных ископаемых на северо-западе Америки, на Курильских и Алеутских островах, но и исключительное право открывать и присоединять к Российской империи территории в северной части Тихого океана (в 1844 г. «пределы плавания и промыслов компании» ограничены 54°40 с.ш. в связи с соглашениями по разграничению владений России, Великобритании и США). Со временем РАК стала располагать собственной разветвленной сетью контор и комиссионерств в северной части Тихого океана, а также по всей России, имела своих агентов в Китае и странах Западной Европы [подробнее см.: 6]. Компания способствовала установлению российско-американских дипломатических отношений в 1807 году и, содействуя экспедиции Е. В. Путятина, — межгосударственных отношений с Японией в 1855 году. РАК была ликвидирована согласно Вашингтонскому договору 1867 года (подготовлен в тайне от нее) о продаже США российских владений в Северной Америке.

На протяжении нескольких столетий масштабные внешне-торговые операции велись крупнейшими объединениями купцов и государством (приграничную и каботажную торговлю вели и мелкие коммерсанты). Государство не только само участвовало во внешней торговле, но и в зависимости от политической ситуации либо поощряло деятельность других экономических агентов, либо ставило ей существенные преграды.

В 1530—1570-х годах Иван IV в рамках административной реформы учредил новую систему центральных руководящих ор-

ганов исполнительной власти, в числе которых был Посольский приказ — первое государственное учреждение в отечественной истории, централизованно ведавшее внешней политикой. Впервые в источниках он упоминается в 1562 году как Посольская изба. До его создания дипломатическими контактами ведали разные учреждения и лица, например, в 1549—1561 годах — думный дьяк И. М. Висковатый. Посольский приказ разбирал иски иностранных купцов к русским купцам и претензии русских купцов к иностранным купцам.

Экономическими интересами во внешней торговле руководствовался Петр I, который проводил политику меркантилизма и протекционизма, содействовал частному предпринимательству, но под контролем государства. При нем зародился институт представительства российских экономических интересов за рубежом. Петр I учредил российские консульства в Венеции (1711 г.), Париже (1715 г.), Вене (1718 г.), Бордо и Кадиксе (1723 г.), Китае (1719 г.) и Персии (1720 г.) [1; 35]. С этого началось формирование сети российских зарубежных торговых представительств.

Исследованию правовой основы деятельности консульств посвящена работа Е. В. Сафроновой «Становление и развитие консульской службы Российской империи в XVIII — начале XX вв.», в частности в ней отмечается, что в начале XVIII века «российские консульства создавались с целью развития внешнеторговых связей» [33, с. 91]. В дальнейшем происходила эволюция и разрастание функций консульств, но на протяжении XVIII века и 1-й половины XIX века функции экономической дипломатии преобладали в работе консульств.

Изначально консулы находились в двойном подчинении — экономическому и внешнеполитическому ведомствам. Это определило их обязанности и характер деятельности. Рассмотрим оба ведомства.

Первое было представлено Коммерц-коллегией, второе — Коллегией иностранных дел, центральными государственными учреждениями, основанными Петром I в 1717 году. Они действовали на протяжении XVIII века и отчасти XIX века. В 1800 году Коммерц-коллегия была разделена на четыре экспедиции (внешняя торговля была отнесена к ведению 1-й экспедиции), а спустя два

года она вошла в состав Министерства коммерции, созданного в рамках министерской реформы манифестом императора Александра I от 8 (20) сентября 1802 года [17]. В Коллегии иностранных дел Указом императора Александра I от 3 (15) мая 1809 года учреждена Экспедиция консульских дел, на которую возлагались обязанности «определения» консулов «как по части политической, так и торговой» и назначения им жалованья [20].

Манифестами от 25 июля (6 августа) 1810 года [21] и 17 (29) августа 1810 года [22] император Александр I разделил государственное управление по министерствам. Окончательное устройство министерств установлено Общим учреждением министерств от 25 июня (7 июля) 1811 года [23], а экономического ведомства — принятым в дополнение к нему Учреждением Министерства финансов от 25 июля (6 августа) 1811 года [24], к которому отнесены «дела по внешней коммерции». В составе Министерства финансов образованы четыре департамента, в том числе Департамент внешней торговли. Последний, в свою очередь, делился на два отделения — Отделение внешних торговых сношений, которое вело «все дела, к состоянию внешней торговли относящиеся», и Таможенное управление. От упраздненного Министерства коммерции в Департамент внешней торговли Министерства финансов переданы дела по 1-й экспедиции Коммерц-коллегии — сама она в ноябре 1811 года перестала существовать. Отделение внешних торговых сношений по Высочайше утвержденному мнению Государственного совета от 26 октября (7 ноября) 1864 года [27] осталось в составе Министерства финансов, но было передано, за исключением таможенного и карантинного управления, в Департамент торговли и мануфактур, который просуществовал до 1900 года. Вместо него Высочайше утвержденным мнением Государственного совета от 5 (17) июня 1900 года в составе Министерства финансов образован Отдел торговли, к которому перешли дела по внешним торговым сношениям [14].

Структура Министерства иностранных дел, учрежденного в 1802 году, формировалась медленно: в Общем учреждении министерств о внешнеполитическом ведомстве говорилось, что «соединение всех департаментов сохраняет имя коллегий». Функции Коллегии иностранных дел переходили к Министерству

постепенно, вопросами внешней политики руководили императоры: сначала — Александр I, затем — Николай I. Коллегия иностранных дел была окончательно упразднена Указом императора Николая I от 10 (22) апреля 1832 года.

Подведомственность сети «косулей и факторов» в иностранных землях первоначально была установлена в Регламенте (уставе) Коммерц-коллегии, который был принят Сенатом 3 (14) марта 1719 года, но не подписан Петром I «за отлучением Царского Величества в поход» [7]. По замыслу этого Регламента консулы находились в подчинении как Коммерц-коллегии, так и Коллегии иностранных дел. Документ гласил: «... в том, что до морского хождения и купечества касается, к одной Коллегии [Коммерц-коллегии] ведению принадлежат; но когда консулы иными делами обязаны бывают, тогда надлежит оные до Канцелярского, то есть иностранных дел Коллегии» [8]. В Регламенте Коммерц-коллегии, который был подписан Петром I и издан 31 января (11 февраля) 1724 года [9], данный пункт опущен, хотя на практике решение о назначении консула принималось по представлению Коммерц-коллегии, а документ («кредитив»), свидетельствующий о его официальном статусе, выдавала Коллегия иностранных дел.

Штатные консулы состояли на государственной службе по внешнеполитическому ведомству, получали жалованье, им запрещалось принимать прямое или косвенное участие в каких-либо торговых операциях, за исключением случаев, когда консул в качестве агента участвовал в операциях компании, «состоявшей под покровительством российского правительства», и только с разрешения Министерства иностранных дел. Для штатных консулов в 1808 году был введен мундир с «Меркуриевами жезлами» [19]. В 1853 году был повышен класс чинов российских консулов в Европе и США (с VIII до VII класса) [18].

Нештатные, или «выборные» консулы, хотя и утверждались российскими органами власти, в штат ни одного из ведомств не входили, жалованье не получали и избирались обычно из коммерсантов, российских или иностранных подданных. Так, например, в 1749 году Сенатом было рассмотрено и удовлетворено прошение некоего рижского уроженца, купца Иоганна Христофора Бонерта, женившегося и жившего в Данциге и имевшего там

«немалый торг», но испытывавшего, по его словам, «натуральную любовь» к своему отечеству, которая «влекла его к высокой службе» императрице Елизавете Петровне. Этот купец предлагал свои услуги для достижения «истинного благополучия российской коммерции» в Данциге, от жалованья из казны отказывался, но рассчитывал, что «разве из своей воли российские купцы поверят ему какую комиссию». Сенатским указом от 8 (19) июня 1749 года он был назначен российским консулом в Данциге, без жалованья, но с официальными полномочиями [13].

Штатные генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские или коммерческие агенты находились в торговых центрах и портах других государств, при дворах государей. Генеральным консулам Указом императора Николая I от 26 апреля (8 мая) 1833 года для поднятия на судах присвоен российский купеческий бело-сине-красный флаг, имеющий в верхней четверти синий Андреевский крест, консулам — такой же флаг, но «с косицами наподобие флагов гребной флотилии» [10]. В следующем году право на флаг распространено на вице-консулов и коммерческих агентов [11].

Первоначально обязанности консулов обозначались в данных им персональных инструкциях, а также в законодательных актах, которыми определялись обязанности государственных учреждений, в чьем ведении находились консулы. Регламентами Коммерц-коллегии 1719 и 1724 годов этому учреждению предписывалось «иметь попечение о всем том, что... порядку купечества служить может» [7], намечать кандидатов в консулы и комиссионеры, направляемые в другие государства, составлять консулам инструкции «в части купечества». Коммерц-коллегии ставилась также задача собирать и анализировать полученные от консулов сведения в целях создания благоприятных условий торговли для российских купцов: «Полученные ведомости имеет сия Коллегия, елико за потребно быть рассудит, сего государства торговым людям верно сообщать; а что для престоерегания купечества за благо рассудит и указами публиковать, дабы они по состоянию дел и времен по тому свои меры принимать и свой торг учредить могли» [9]. «Обще рещи», подводил итог законодатель в обоих Регламентах, «Коллегии Коммерции надлежит все, что купечество споспешествовать и в доброе состояние привести может,

не токмо в довольном смотреии иметь, но и трудиться, чтоб такое сокровище утрачено не было» [9]. Одна из основных их функций заключалась в изучении конъюнктуры зарубежных рынков: следовало собирать сведения о том, как «в других государствах, и землях сего государства, и чужестранные товары в цене поднимаются и низятыя, такожде как пошлины в чужестранных приморских городах возвышаются и убавляются, какие трактаты о коммерции между чужестранными державами постановлены и какие о морском хождении, купечестве и каперстве и прочих регламенты выдаваны бывають» [8]. Фактически еще три века назад зарубежным представителям ставилась крайне актуальная и сегодня задача анализа зарубежных рынков в целях поиска ниш и создания благоприятных условий для продажи товаров, по возможности с исключением посредничества и ценовой конкуренции на отдельных рынках.

Спустя почти столетие обязанности консулов практически не изменились. В утвержденном императором Павлом I и опубликованном 13 (24) сентября 1800 года постановлении самой Коммерц-коллегии о ее составе и структуре главной обязанностью 1-й экспедиции этой Коллегии значится следующее: вести переписку с «министрами», агентами и консулами при иностранных дворах и получать ведомости о ценах товаров, пошлинах, новых трактатах, «снабжать себя» всеми сведениями о нуждах, пользах и взаимных связях иностранных государств и проч.; и «из всех сих сведений», как и «из опытности своих членов», «извлекая в пользу российской торговли заключения, предвидеть все покушения к урону оной» [16]. В обязанности Департамента внешней торговли с 1811 года входили переписка с агентами и консулами по «делам торговым», составление им инструкций, сбор за границей сведений о российских товарах, которые «наиболее в торговле обращаются», о количестве и качестве товаров, импортируемых в Россию и перевозимых через нее транзитом. А в ведении Министерства иностранных дел оставлены «определение их [консулов] и прочие предметы их звания».

Вскоре ситуация постепенно стала меняться. Впервые Министерством иностранных дел был подготовлен специальный Устав для российских консулов в Европе и Америке [26]. Он был рассмотрен Госсоветом и утвержден императором Александром I

25 октября (6 ноября) 1820 года. Устав содержал 55 параграфов. В нем подтверждалось двойное подчинение консулов — Министерству иностранных дел и Департаменту внешней торговли Минфина. К обязанностям Генерального консула, консула и вице-консула по торговой части отнесено «особенное попечение как в месте его пребывания, так и в округе его ведомства о всем, что касаться может до соблюдения прав и выгод российского народа вообще по торговле и мореплаванию». Консулы должны были «сберегать пользы торгующих и прочих российских подданных, защищать права их и смотреть за точным наблюдением трактатов и обыкновений, ныне существующих», «усерднейшим образом стараться о том, чтобы усилить, облегчить и распространить взаимные торговые сношения своей земли с тою, в которую они посланы», извещать Департамент внешней торговли о тарифах и узаконениях, об их изменении и представлять в Департамент соображения, «какие части русской торговли могут, по их мнению, быть удобно распространены и какими средствами».

В соответствии с Уставом консулы должны были представлять Департаменту внешней торговли периодические отчеты (один раз в четыре месяца и годовой); в годовых отчетах они характеризовали промышленное, торговое и финансовое положение в своем консульском округе и предлагали меры, которые могли способствовать развитию российской торговли и мореплавания в данной стране. Также они должны были представлять Департаменту еженедельные отчеты о ценах и вексельном курсе в месте пребывания консула и свои соображения о причинах их изменения.

К числу новых функций относилась обязанность следить, чтобы купцы или шкиперы не изменяли своим обязательствам и умышленно не поставляли некачественные товары или не совершали иной поступок, «наносящий бесчестие». Впервые консулам поручалось быть «посредником в тяжбах и ссорах по делам торговли и до торговли относящимся [26] и предоставлялось право взыскивать повышенные штрафы со шкиперов за выдаваемые свидетельства в случае неявки шкипера в консульское правление для предъявления документов. Учреждалась консульская печать с российским государственным гербом. Некоторые функции консулов приобретали нотариальный характер, например попечение в их консульских округах о российских поддан-

ных, кораблях и грузах при несчастных случаях и смертях. Они также должны были следить, чтобы русский флаг употреблялся только в соответствии с законами, сообщать Министерству иностранных дел и Департаменту внешней торговли о «признаках всякой заразительной болезни» в своем консульском округе, а также о приготовлениях, «по коим можно ожидать войны», разбираться с побегими «сухопутных и морских военных чинов», «служителей на купеческих кораблях». Анализируя нормативные основы российской консульской службы, Е. В. Сафронова отмечает, что «главной особенностью деятельности консулов является их многофункциональность» [34, с. 13].

Новый Устав для российских консулов в Европе и Америке был утвержден императором Александром II 23 декабря 1858 года (4 января 1859 г.) и опубликован 15 (27) января 1859 года [25]. Как и первый Устав, он был составлен в Министерстве иностранных дел и рассмотрен на Госсовете. Содержал 106 параграфов. В новом Уставе совершенно определенно сказано, что генеральные консулы, консулы и консульские агенты находятся в подчинении Министерства иностранных дел, но обязаны исполнять отдельные предписания Министерства финансов и — впервые — Морского министерства. Появился обширный раздел об обязанностях консулов в отношении российских военных судов и их экипажей (параграфы 20—46). Консулы обязаны были также разбирать споры между шкиперами и матросами, принимать жалобы от пассажиров, судить незначительные преступления или вести следствие по серьезным преступлениям; «прилагать всё свое старание о сохранении порядка между мореходцами, о покровительстве и защите российских подданных, их личности и имущества и подавать им, в случае нужды, советы». Оговаривалось, что консулы должны «наблюдать за сохранением в неприкосновенности всех прав, присвоенных существующими трактатами российскому флагу и торговле». Особая глава Устава посвящена обязанностям консулов в отношении российских подданных «вообще», например, консулы должны были в случаях их рождения, болезни, смерти заниматься оформлением документов, сбережением имущества, обеспечением наследственных прав. В случае кораблекрушения или какого-либо другого «несчастья» в гавани, на рейде или в открытом море консулы

обязаны были «приложить все свои старания и употребить все средства, находящиеся в их власти, для соблюдения выгод тех лиц, до которых это касается». И совсем немного параграфов было посвящено обязанностям консулов, касающимся торговли. В основном были повторены прежние обязанности: контролировать российские суда и грузы, приходящие в иностранные порты и отправляющиеся из них, а также продажу российских судов, сообщать сведения, касающиеся торговли, промышленности и государственного хозяйства в стране их пребывания (о новых налогах и пошлинах, ценах, вексельном курсе, урожае в своем консульском округе), следить за качеством привозимых товаров, присылать отчеты, сообщать, «какие части российской торговли» могут, по мнению консулов, «быть удобно распространены и какими средствами».

Если обязанности консулов оговаривались во внутриведомственных документах, то их права фиксировались в межгосударственных соглашениях. Первым 6 (18) декабря 1832 года был заключен трактат о торговле и мореплавании между Россией и Соединенными Штатами [12]. В соответствии с ним обеим сторонам предоставлено право иметь по своему выбору в «обююдных своих портах» консулов, вице-консулов, агентов и комиссаров, которые «пользоваться будут такими же правами и преимуществами, какими пользуются определенные в сих званиях от наиболее благоприятствуемых правительств». Если они пожелают производить торговлю, то будут подчинены тем же законам и обычаям, которым «подлежат в месте их пребывания частные люди их нации». Консульским чиновникам предоставлено право быть судьями и посредниками между шкиперами и экипажами судов своей страны, а также требовать от местного начальства «отыскания, взятия под стражу, задержания и заключения в тюрьму дезертиров с военных и купеческих судов» своей страны и передачи их консулам.

Консульская конвенция России и Германии [28] подписана 26 ноября (8 декабря) 1874 года сроком на 10 лет. В соответствии с ней генеральные консулы, консулы, вице-консулы и консульские агенты обоих государств освобождались от воинской повинности, уплаты налогов, если не владели недвижимостью в стране пребывания, не занимались торговлей и промыслом;

они не могли быть подвергнуты аресту и тюремному заключению, кроме как по делам, подлежащим решению судами присяжных. Если они занимались торговлей, то могли быть подвергнуты личному задержанию, но только по делам торговым. В соответствии со ст. 5 указанной Конвенции консульские архивы пользовались неприкосновенностью, а местные власти «ни под каким предлогом и ни в каком случае» не имели права подвергать их осмотру или изымать бумаги. Консульские агенты назначались из подданных обоих договаривающихся государств и иностранцев и подчинялись консулу, который их назначил.

Аналогичная Консульская конвенция с Италией [29] была заключена 16 (28) апреля 1875 года сроком на 10 лет.

Министерство финансов опубликовало консульские донесения за 1876—1880 годы в «Сборнике сведений по Департаменту торговли и мануфактур» (СПб., 1881), а Министерство иностранных дел печатало в 1898—1910 годы периодический «Сборник консульских донесений» (СПб., 1898—1910).

Задачи по интенсификации внешней торговли были актуальны и в начале XX века. Указом императора Николая II от 27 октября (9 ноября) 1905 года [15] было образовано Министерство торговли и промышленности. Ему было передано из состава Министерства финансов заведование торговлей и промышленностью, «за исключением агентов Министерства финансов за границей».

В целях продвижения внешнеэкономических интересов Российской империи в 1912 году был сформирован собственный заграничный аппарат Министерства торговли и промышленности России, который составлял 14 агентств в 12 странах. В связи с высокой важностью Германии, на которую приходилось 38 % товарооборота, там располагалось сразу три представительства (в Берлине, Гамбурге и Франкфурте-на-Майне) [см. подробнее: 3]. Более чем в 30 странах продолжали действовать также консулы Министерства иностранных дел. Министерство торговли и промышленности в 1912—1917 годах публиковало «Донесения российских консульских представителей за границей по торгово-промышленным вопросам».

Дальнейшее развитие торгово-экономических представительств происходило в советский период.

Богатая история экономической дипломатии и отстаивания экономических интересов нашей страны за рубежом посредством системы зарубежных представительств берет свое начало в XVIII веке. Уже в этот период развитие торговли и необходимость обеспечения развития экономики страны приводили к пониманию важности задач по поиску новых каналов сбыта продукции, изучению законодательства и конъюнктуры основных рынков, повышению информированности о российской продукции. Консулы предлагали меры, которые могли способствовать развитию российской торговли и мореплавания в стране пребывания. На протяжении всего имперского периода одной из основных их функций было оказание всестороннего содействия российским кораблям и купцам. В XIX веке законодательно была закреплена обязанность консулов за рубежом оказывать правовую и нотариальную помощь российским подданным: в случаях рождения детей, болезни, смерти заниматься оформлением документов, сбережением имущества, обеспечением наследственных прав.

История повторяется. Все эти задачи актуальны и сегодня. Только при условии придания первоочередной приоритетности делу продвижения на зарубежных рынках интересов отечественных предпринимателей и компаний возможно достичь значимых результатов в развитии экономики России.

Литература

1. *Андреева Л. В.* Коммерческое (торговое) право. — М.: КноРус, 2012. — 481 с.
2. Ганза // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2344049.
3. *Голикова Н. Б.* Гости // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2372762 (дата обращения: 27.01.2021).
4. *Иванов А. С.* Страницы истории торговых представительств России за рубежом // Российский внешнеэкономический вестник. — 2006. — № 11. — С. 51—57.
5. Московская компания // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/world_history/text/2232895.
6. *Петров А. Ю.* Российско-Американская компания // Большая российская энциклопедия. — URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/3515800 (дата обращения: 27.01.2021).
7. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 5. — № 3317.
8. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 5. — № 3318. — П. 13.
9. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 7. — № 4453.
10. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 8. — № 6147.
11. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 8. — № 6778.
12. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 9. — № 6737.
13. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 13. — № 9629.
14. Полн. собр. законов Российской Империи. — 3-е собр. — Т. 20. — № 18736.
15. Полн. собр. законов Российской Империи. — 3-е собр. — Т. 25. — № 26851.

16. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 26. — № 19554.
17. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 27. — № 20406.
18. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 28. — № 27088.
19. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 30. — № 23276.
20. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 30. — № 23627.
21. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 31. — № 24307.
22. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 31. — № 24326.
23. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 31. — № 24786.
24. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 31. — № 24688.
25. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 33. — № 33944.
26. Полн. собр. законов Российской Империи. — 1-е собр. — Т. 37. — № 28444.
27. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 39. — № 41374.
28. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 50. — № 54550.
29. Полн. собр. законов Российской Империи. — 2-е собр. — Т. 50. — № 55355.
30. *Репин Н. Н.* Монополия внешней торговли // Экономическая история России: энциклопедия. — М.: РОССПЭН, 2008. — Т. 1. — С. 1394—1395.
31. *Репин Н. Н.* Внешняя торговля и социально-экономическое развитие России в XVIII в. — Омск: РГБ, 1989.
32. *Репин Н. Н.* Казна и внешняя торговля России с Западом в 1700—1762 гг. // Отечественная история: Люди. События. Мысль. — Рязань: РГПУ, 1998.
33. *Сафронова Е. В.* Становление и развитие консульской службы Российской Империи в XVIII — начале XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2002. — 372 с.
34. *Сафронова Е. В.* Эволюция функций консульских учреждений Российской Империи в XVIII — начале XX вв. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. — 2007. — № 1. — С. 148—161.
35. *Уляницкий В. А.* Русские консульства за границей в XVIII в. — М.: Типография Г. Лисснера и А. Гешеля, 1899. — Ч. 1. — 678 с.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неймарк Марк Афроимович,

доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Mark A. Neimark,

Doctor of History,
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: mark.neimark@mail.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИДЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

LEADERSHIP PERSPECTIVES IN CONTEMPORARY WORLD

Аннотация: состояние, особенности и перспективы мирового порядка в огромной степени зависят от реальных возможностей США оказывать определяющее воздействие на развитие геополитических и геоэкономических процессов в их совокупности. Абсолютизация «жесткой силы», апология односторонних, всё более репрессивных решений в мировой политике и международных отношениях стали определяющей чертой трампизма. С этим феноменом связаны наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития. Обозначились новые точки отсчета в оценке внешнеполитических и внешнеэкономических акций Д. Трампа. Непредсказуемо и спонтанно накладываясь друг на друга, они усиливали по нарастающей неопределенность в мировой политике. Геополитические претензии США на монопольную гегемонию в мире, убежденность в собственной исключительности вызывают всё больший критический настрой даже у европейских стран-союзников. Их руководство едва скрывает раздражение американскими односторонними решениями, прямо игнорирующими их национальные интересы.

Ключевые слова: геополитика, трампизм, Франция, новый мировой порядок.

Abstract: the state, features and prospects of the world order depend to a great extent on the real possibilities of the United States to exert a decisive influence on the development of geopolitical and geo-economic processes in their totality. The absolutization of “hard power”, an apology for unilateral, increasingly repressive decisions in world politics and international relations has become a defining feature of Trumpism. The most acute contradictions and multidirectional trends in world development are associated with this phenomenon. New benchmarks have emerged in assessing D. Trump’s foreign policy and foreign economic actions. Unpredictably and spontaneously overlapping each other, they reinforced the growing uncertainty in world politics. The geopolitical claims of the United States for monopoly hegemony in the world and the conviction of its own exclusiveness are causing more and more critical mood even among

European allies. Their leaders barely hide their irritation with American unilateral decisions that directly ignore their national interests.

Key words: geopolitics, Trumpism, France, new world order.

До распада СССР американская стратегическая претензия на организацию по собственному усмотрению вселенского миропорядка по масштабам была соразмерна советской устремленности к продвижению коммунистических идей и их реализации во всем мире. Это был длительный период, отмеченный жестко структурированной геополитической формулой «два мира — две системы», когда с обеих сторон господствовала агрессивно-наступательная диалектика «отрицания отрицания». Биполярная мирополитическая система с неизбежностью зеркально воспроизводила эффект взаимного отторжения, предвзятости и подозрительности — всего того, что, собственно, и формировало в США основу всестороннего «анти» в отношении нашей страны.

В условиях однополярного мира после распада СССР линейно-компенсаторная логика противостояния утратила многие прежние связующие узлы. Однако осталось главное — постоянно подтверждаемое стремление США претендовать на исключительную, мессианскую роль в мире. В условиях кардинальных изменений глобальной международной ситуации США не отказались от исходной макроисторической идеи о своей глобальной роли в развитии мироустройства по тем лекалам и стандартам, которые определяют только они сами.

Конкретная цель — американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства. И это при том, что в Глобальном прогнозе национального Совета по разведке США утверждается: «... к 2030 году ни одна страна, будь то США, Китай или любая другая, не сможет выступить в роли гегемона» [2, с. 8]. Авторы этого документа утверждают, что «эпоха доминирования США в международной политике, начавшаяся в 1945 году, подходит к своему концу» и скорее всего через два десятилетия они останутся «первыми среди равных» в числе великих держав [2, с. 15].

И если эта констатация исходит из столь ответственной структуры власти США, то это означает одно: уникальная, беспрецедентная в современной истории, взаимосвязанная по сути

и формам выражения цепочка «американское лидерство — гегемонизм — мессианство» дает очевидные сбои. Причем критические оценки-предупреждения высказывались в этой связи известными американскими аналитиками и политическими деятелями многократно.

Концептуальный стержень внешнеполитической стратегии США — убежденность в том, что принципы проводимой руководством внутренней политики являются самоочевидно универсальными и их применение во все времена благотворно. Этот догмат настолько укоренился в американском мышлении, как не без иронии констатирует Г. Киссинджер, что предполагает: «... правительства, которые не придерживаются таких принципов, не вполне легитимны». В упрек им ставится то, объясняет он, что в отличие от Америки, почти каждый президент которой настойчиво заявлял о ее приоритетной приверженности универсальным принципам, «прочие страны преследуют *лишь* (?!) национальные интересы» (выделено мною. — М. Н.) [3, с. 360].

Суть мессианских устремлений политической элиты США откровенно охарактеризовал З. Бжезинский: «Теперь распространение демократии становится нашей целью, нашей миссией, пусть даже *это приходится делать силой*» (выделено мною. — М. Н.) [1, с. 251]. Конкретизируя свою оценку, он заявил: «И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки — и в том, что ширма демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что *нам случалось существенно отступать от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно*» (выделено мною. — М. Н.) [1, с. 253].

Всегда злободневная тема глобализированного американоцентризма находится, естественно, в центре внимания европейской политической мысли. Особый интерес вызвал профильный исследовательский проект большой группы французских политологов, результатом которой стала монография «Конец американского лидерства?: Ситуация в мире 2020» [см.: 4]. Она была опубликована буквально накануне ковидной пандемии, представляя тем больший аналитический интерес в качестве прогнозной составляющей сравнительного анализа последующего развития мирополитических процессов, особенно в свете результатов

президентских выборов в США 2020 года. Авторы коллективно-го труда много, тональность оценок американского лидерства одна — преимущественно критическая, с привлечение конкретных аргументов и фактов.

Тема американского гегемонизма и мессианства анализируется в различных проблемно-концептуальных и практико-политических контекстах. Ее суть: «Соединенные Штаты Америки преследуют мессианскую цель, поставленную еще у истоков формирования государства, — создать модель для всего человечества, чтобы вызвать стадное чувство и продолжать питать последнюю надежду всего человеческого рода, по выражению Линкольна. Ну и, конечно, воспользоваться ее плодами...» [4, с. 147].

Предваряя комплексное осмысление феномена американского гегемонизма в его плотной соотнесенности с мессианством, авторы исследования исходят из того, что гегемония всегда вызывает восхищение и ненависть, страх и надежду на защиту, подпитывая одновременно как американофилию, так и антиамериканизм. Ее ослабление порождает опасения у одних, удовлетворение у других, чувство реванша у третьих. Эти оценочные суждения опираются на грамшианскую идею о тесной взаимосвязи доминирования и его принятия теми, на кого оно распространяется. Именно здесь французские политологи видят корневое объяснение популярности этой мысли А. Грамши в Европе после окончания Второй мировой войны, правда, с оговоркой, что она «частично справедлива и частично преувеличена». Ее смысл они усматривают в том, что своим спасением Европа обязана американской мощи, которая стала единственно возможным спасительным средством против угрозы распространения коммунизма в регионе и в мире. Тогда и пробил час американской гегемонии, «гегемонии мягкой, которая была принята, более того, востребована европейцами: она положила начало американскому лидерству, которое предусматривало защиту и реализацию самых различных ожиданий, связанных с “американской” мечтой» [4, с. 10].

В формировании и развитии международной системы, некорректно, заметим, отождествляемой авторами с мировым порядком, выделяются этапные периоды американской гегемонии, которые характеризуются следующими особенностями:

- 1) 1945—1949 годы — квазигегемонизм, ассиметричная гегемония, поскольку СССР не мог выступать на равных с США в атомной области;
- 2) 1949—1967 годы — конфликтно разделяемая с СССР гегемония, «гегемония соперничества двух великих держав в пиковый период холодной войны»;
- 3) гегемония соуправления двух великих держав, которая продлилась вплоть до распада СССР;
- 4) однополярная система — 1991 — середина 1990-х годов, — которая создавала иллюзию американской супергегемонии, при том что уже тогда ощущалась ее хрупкость;
- 5) внеполярная (*apolaire*) система, в которой до середины второго десятилетия XXI века сохранялось в целом доминирование США, специфику которого определяет сложное переплетение центробежных и центростремительных тенденций;
- 6) фрагментация системы, вызванная нарастающей динамикой национализма, которая связана с президентством Дональда Трампа [4, с. 16].

В историческом плане американская гегемония подверглась травматическому шоку от поражения в войне во Вьетнаме. Далее ее пределы отчетливо проявились в Сомали (1993 г.), Афганистане (2001 г.), Ираке (2003 г.). И в довершение всего события 11 сентября 2001 года с особой силой показали уязвимость американского народа на своей собственной земле, против которых у государства не нашлось убедительных решений. Всё это подтверждает истину: «Трудно быть гегемоном, не доказывая постоянно свою непобедимость». В результате французские эксперты пришли к выводу, что «американская гегемония стала ахиллесовой пятой США» [4, с. 12].

Авторы высказывают парадоксальную, на первый взгляд, мысль: в условиях глобализированной взаимозависимости мира доминирование сильных государств над слабыми, конечно, сохраняется, но теперь оно всё больше ставит самого сильного из них в зависимость от слабого, хотя эта зависимость проявляется неформально, неявно, но зачастую эффективно в самых разных сферах — энергетической, торговой и даже политико-стратегической. Объяснение простое — наиболее зна-

чимые конфликты разворачиваются сегодня в самых слабых государствах.

Частично с этим можно согласиться, правда, с оговоркой, что события самого последнего времени вносят существенные коррективы в этот оценочный вывод. Проведенное во Франции исследование стало фактическим подведением итогов президентства Д. Трампа.

Осмысливая перспективы нового мирового порядка в концептуальной привязке с феноменом трампизма, французские аналитики, похоже, разделяют точку зрения Г. Киссинджера, которую он высказал еще в 2018 году в интервью «Financial Times»: «Я думаю, что Трамп — это, быть может, одна из тех фигур в истории, которые появляются время от времени, чтобы обозначить конец определенной эпохи и отказаться от присущих ей черт» [4, с. 83].

В исследовании отмечена такая особенность президентства Трампа: если тотальная непредсказуемость его действий проявлялась преимущественно во внутренней политике, причем в краткосрочных временных отрезках, то в международных делах он никогда не отходил от своих убеждений, действуя весьма последовательно. В подтверждение этой особенности приводится такой факт: уже в сентябре 1987 года в публикации в поддержку кандидата на пост американского президента он «выражал сожаление, что США растрачивают свои ресурсы, защищая союзников, которые стали богатыми, но не желающими инвестировать в их собственную оборону, и поэтому Вашингтон повел бы себя глупо в таком широком раскладе, отвечая только чужим интересам» [4, с. 77]. Более того, характеризуя в сопоставительном ракурсе эту оценочную позицию Трампа с его речью на вступлении в должность в январе 2017 года, авторы четко зафиксировали: «Моральные ценности, заложенные ранее в основу Соединенных Штатов с союзниками, на которые, впрочем, Вашингтон иногда не обращал внимания, теперь исчезли» [4, с. 80]. Приход Трампа к власти стал «поворотным этапом в отношениях США с интегрированной Европой» [4, с. 170], сущность которого зафиксирована «в глубоком разрыве между ними» [4, с. 176]. Первопричина — Трамп стал «опасным для европейских союзников» [4, с. 107].

Объясняется это «отсутствием у него стратегической линии, присущей ему брутальностью, ужасающими выходками и агресс-

сивным поведением в целом». Среди приведенных примеров — угроза санкций против европейских компаний, ориентированных на иранский рынок, после одностороннего выхода Вашингтона из ядерного соглашения по Ирану, денонсирование договоров по ядерному разоружению, которые структурировали европейскую безопасность. Если угрозы США выйти из НАТО из-за недостаточного финансирования деятельности альянса были раньше скорее декларативными, то «Трампа стал первым американским президентом, готовым претворить их в жизнь». Но отмеченный «стратегический парадокс» состоит в том, что «чем больше США вызывают беспокойство у европейцев, тем больше они опасаются зайти слишком далеко из-за страха спровоцировать именно то, чего они хотят избежать — ухода самих США». При этом подчеркивается главное: при любых обстоятельствах — с Трампом или без него — «большинство европейцев остаются верными альянсу и ожидают, что Соединенные Штаты Америки будут учитывать эту верность», считая ее «рентабельной инвестицией» [4, с. 107—108].

Изменения в акцентах, сфокусированных администрацией Трампа на гегемонизме США в глобальном пространстве, нашли отражение в язвительном подзаголовке одного из разделов книги — «Раскаившийся мировой жандарм по-прежнему очарован силой». Аргументируется это тем, что годовой бюджет Пентагона достиг в 2019 году 750 млрд долл. (+4,5%), а это означает, что «наваждение силы» остается неизменной чертой американского лидерства [4, с. 81].

В понимании Трампа глобализацию надо использовать только тогда, когда она отвечает интересам США, но сразу отказываться от нее, когда она отвечает интересам других стран, то есть является инструментом национально-ориентированного американского лидерства. Отсюда — двойной риск для США: «... с одной стороны, это изолирует гегемона, а с другой — резко ослабляет его шансы сформировать новый мировой порядок по его собственным лекалам. И как бы это ни показалось парадоксальным, но «гегемон стал самой оспариваемой державой в мире» [4, с. 15]. В подтверждение этого вывода приводятся конкретные данные: США перевели свое посольство из Тель-Авива в Иерусалим — акт, которые повторили только Гватемала и Парагвай. Они

вышли из ЮНЕСКО, причем их примеру последовал только Израиль, из Всемирного Пакта по иммиграции; они денонсировали договор о иранском ядерном досье, не получив поддержки даже самых близких союзников. «Гегемон, за которым не следуют, таковым реально не является» [4, с. 16].

В коллективном исследовании подчеркивается всё более заметная склонность США к точечно-конъюнктурному доминированию (*domination de circonstance*) применительно к конкретным обстоятельствам, которое противоречит самому понятию гегемонизма, рассчитанного на длительную перспективу. Это особенно проявляется, в частности, в том, что США всё чаще уклоняются от разрешения международных, региональных и локально-страновых конфликтов. Сегодня наблюдается забавный парадокс: «сверхдержава» выступает в качестве суперкритика, оспаривающего всё то, чему активно способствовали ее гегемонистские претензии на самом пике их выражения. «Ловушка захлопнулась за теми, кто ее устроил» [4, с. 19].

В фокусе исследования оказалось, естественно, всё большее вытеснение «мягкой силы» из внешней политики США в пользу методов «жесткой силы». Нарастание конфликтного дискурса и откровенно анти-«soft power» действий Д. Трампа резко усилили как новые, так и существовавшие ранее геополитические диссонансы. Серьезный ущерб международному имиджу и репутации США нанесло решение Вашингтона о переводе своего посольства в Иерусалим. Несмотря на массивное дипломатическое давление, США не удалось помешать принятию на Генеральной Ассамблее ООН резолюции, осуждающей признание Вашингтоном в одностороннем порядке Иерусалима столицей Израиля.

Свой лозунг «Америка прежде всего» Трамп претворял в жизнь весьма специфически: США вышли из Совета по правам человека ООН, Парижских соглашений по климату, ЮНЕСКО, Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам, ядерной сделки по Ирану, Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и Договора по открытому небу. В том же деструктивном ключе — объявленная Трампом готовность США, ультимативно обставленная очередными необоснованными требованиями к России, выйти в феврале 2021 года из Догово-

ра по сокращению стратегических наступательных вооружений (СНВ-3).

Всё это совокупно охарактеризовано авторами исследования без упрощенно-линейных оценок: с одной стороны, ослабление «мягкой силы» США рассматривается как частичное отражение ослабления геополитических позиций страны в мире, а с другой — констатируется сохранение ее противоречивой значимости: «Если “soft power” — это дерево, за которым не видно леса, скрывающего закат американизма, то, надо признать, что отбрасываемая им тень не утратила своей способности очаровывать, смущать или пугать...» [4, с. 156].

Особо примечательны оценочные суждения приглашенного автора-американца Роберта Мэлли — председателя Международной группы по кризисам, бывшего советника американских президентов Билла Клинтона и Барака Обамы. Его исходный тезис: «Эра американского доминирования, в ходе которого Соединенные Штаты формировали международные отношения, определяя их правила и нормы, закончилась. Оно началось сразу после Второй мировой войны, усилилось в результате падения Берлинской стены и краха Советского союза и обозначило начало его конца в связи с несчастным и трагическим вторжением в Ирак в 2003 г.» [4, с. 89].

То, что происходит сегодня с гегемонией США, не является, по его мнению, каким-либо исключением из неизбежной смены циклов подъема и заката сверхдержав — геостратегических соперников. Ситуацию усугубляет то, что мировой порядок, устанавливаемый одним, по определению несправедлив по отношению к другим. Ослабление американского господства в мире он связывает также с его неумеренным успехом. Начиная с сумерек холодной войны, отсутствие адекватной конкуренции Соединенным Штатам Америки, полноценного противовеса им, подпитывало растущие гегемонистские амбиции сменяющих друг друга американских администраций. Среди приведенных примеров — расширение НАТО вплоть до границ России, военные операции на Балканах, вторжение в Афганистан, стремление переформатировать Ближний Восток по своему образу и подобию, навязать всему миру американизированный международный порядок, всё более частое использование экстерриториальных санкций как

инструмент мировой политики, растущее раздражение от санкций, которые ограничивают суверенную автономию стран, против которых они направлены, постепенно размывают консенсус в финансовой системе, где доминирует доллар. Повсюду страны и политические движения постепенно приходят к пониманию, что они могут оказывать сопротивление нежелательным американским действиям без каких-либо ощутимых для себя последствий. Все стали пользоваться тем, что взятые на себя США обязательства выходят далеко за рамки их реальных возможностей их выполнять в самых различных сферах экономики, политики, дипломатии. «Все пользуются также нарастающей усталостью самих американцев от этих военных авантур, которые вызывают раздражение, стоят очень дорого с точки зрения материальных и человеческих ресурсов и, в конце концов, заканчиваются поражением» [4, с. 91].

В эту оценочную матрицу Роберт Мэлли встраивает феномен трампизма, настаивая на том, что с приходом к власти Трампа «окарикатуренная Америка натужно встала в горделивую позу». Этот вывод аргументируется тем, что к международным отношениям применяется исходный подход как к торговым сделкам, конкретных примеров которого накопилось немало: монетизация альянсов и партнерств, несоблюдение международных обязательств, игнорирование международного права (признание Иерусалима столицей Израиля и Голанских высот как принадлежащей ему территории), использование торговых войн в своих целях, пренебрежение к устоявшимся ценностям как в самих США, так и за рубежом, равнение на самые популистские и репрессивные режимы [4, с. 91].

Надо отдать должное откровенности и объективности американского автора. Комментируя концепцию «права на вмешательство» (гуманитарной интервенции), он отмечает, что международное право слишком часто напоминает право победителей. Более десятка лет в ходе интенсивных военных операций западных государств за рубежом игнорировались гуманитарные нормы, использовались пытки, потери среди гражданского населения достигали огромных величин. Правила, которые определяли суть либерального мирового порядка, затрудняли противодействие тем, кто их утверждал, позволяя им действовать практи-

чески бесконтрольно. «В результате эрозия западного влияния воспринималась по-разному, в зависимости от места проживания — в Москве, Пекине, Ханое, Йоханнесбурге, Париже или Вашингтоне» [4, с. 92].

* * *

Эпоха американской гегемонистской униполярности заканчивается, как это следует из французского исследовательского проекта. Такой «конец истории» стал неизбежным. Четко обозначившееся рассредоточение новых центров силы в мировой политике, тягаться с которым по отдельности и тем более с их совокупным потенциальном США всё труднее и обременительнее, становится определяющей особенностью грядущего полицентричного мирового порядка с неизбежными элементами асимметрии. Привычные понятия лидерства и гегемонии в новом мировом порядке перейдут в плоскость иных, глубинно изменившихся (и уже меняющихся сегодня) соотносительностей. Дальнейшие перспективы американоцентричной модели лидерства, неизменно отождествляемой с гегемонизмом, исчезающе малы. Всё идет к завершению формирования новых центров силы, созданию новых геополитических форматов без выраженной центрирующей роли одного из наиболее влиятельных акторов мировой политики и международных отношений.

Литература

1. *Бжезинский З., Скоукрофт Б.* Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. — М.: Астрель, 2012. — 320 с.
2. Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры / Национальный совет по разведке США, NIC 2012—001. — 2012. — 169 с.
3. *Киссинджер Г.* Мировой порядок. — М.: АСТ, 2016. — 512 с.
4. *Badie B., Vidal D.* Fin du Leadership Americain? L'etat du monde 2020. — P.: La Decouverte, 2019. — 224 p.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Редакция научного журнала «Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир» (далее – «Вестник») рассматривает присланные материалы по тематике журнала для возможной публикации и информирует авторов о принятом решении в официальном письме с пометкой **«статья принята к публикации в журнале “Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир”»**.

Каждая статья проходит **обязательное внешнее рецензирование** специалистом с ученой степенью в области научных знаний, близкой к тематике представляемого к публикации материала.

Статьи **аспирантов и соискателей** принимаются к рассмотрению при наличии отзыва научного руководителя и затем проходят внешнее рецензирование.

Автор вместе с текстом статьи предоставляет в отдельном файле следующие сведения: Ф.И.О. и сведения об авторе, название статьи на русском и английском языках, контактный телефон и адрес электронной почты. Текст статьи оформляется **строго в соответствии с требованиями**.

Представленный материал должен быть оригинальным и ранее не публиковаться в других печатных или электронных изданиях.

В статье необходимы **аннотация и ключевые слова** на русском и английском языках. Аннотация к статье по объему должна составлять не менее 100 слов.

Требования к присылаемым материалам

Основной текст статей (материалов) должен быть набран 14-м кеглем, примечания – 10-м кеглем, шрифтом Times New Roman, через полтора интервала. **Объем статьи не должен быть меньше 25 тыс. знаков и не должен превышать 60 тыс. знаков (с пробелами) без учета аннотации, ключевых слов и списка**

литературы. Таблицы представляются в формате Word, графики и диаграммы – в программе Excel. При их подготовке следует учитывать, что журнал издается в черно-белом исполнении. Иллюстрации и фотографии представляются в формате jpeg (с разрешением не менее 300 dpi) или pdf.

Автор несет полную ответственность за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности (в том числе применительно к используемым в тексте иллюстрациям и фотографиям) и при необходимости предоставляет соответствующие разрешения на публикацию от правообладателей. Все материалы проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Каждая статья в конце сопровождается нумерованным перечнем использованных источников и литературы («Литература»), расположенных в алфавитном порядке:

– *для книжных изданий:* Автор. Название / пер. с англ. (нем., фр. и т.д.). – Город (место изд., сокращенно): Издательство, год. – 000 с.;

– *для периодических изданий:* Автор статьи. Название // Издание. – Год. – Число и месяц (словами, сокращенно) и (или) №. – С. 00–00;

– *для интернет-источников:*

1) Автор. Название // Название сайта. (Дата публикации, если указана: Год. Число. Месяц (словами, сокращенно)). – URL: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Или

2) Название материала // Название сайта. – Режим доступа: <http://.....> (дата обращения: ЧЧ.ММ.ГГГГ).

Образцы всего перечисленного см. в уже вышедших номерах. Аналогично оформляются зарубежные источники.

Подстрочные ссылки (сноски) возможны для пояснений, но при цитировании не допускаются. В этих случаях указывается в квадратных скобках номер цитируемого источника (полужирным шрифтом) по списку («Литература») и страница(-ы) издания. Примеры: [**8**, с. 12] или [**8**, с. 12–14]. Пояснительные (справочно-содержательные) подстрочные ссылки-примечания должны иметь постраничную нумерацию.

Материалы следует присылать по электронной почте: **vestnikdipacademy@yandex.ru**

Файл с текстом статьи должен быть оформлен следующим образом:

- сведения об авторе на русском и английском языках;
- название статьи на русском и английском языках;
- аннотация и ключевые слова на русском языке;
- аннотация и ключевые слова на английском языке;
- текст статьи;
- литература.

Научный периодический журнал

**Вестник Дипломатической академии МИД России.
Россия и мир**

2021. № 1 (27)

Редактор *Н.В. Багорова*
Корректор *Н.В. Мартыненко*
Верстка *В.Р. Хованской*
Художественный редактор *В.Р. Хованская*

Подписано в печать 22.03.2021. Формат 70×100 1/16.
Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 14.875
Тираж 116 экз.

Издатель: Дипломатическая академия МИД России
119021, г. Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1
www.dipacademy.ru

Издательство: ООО «Квант Медиа»
125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80
www.kvantmedia.ru

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корп. 5